

ББК 81

Б81

Рецензенты:

кафедра русского языка Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого (заведующий кафедрой доктор филологических наук профессор А. Н. Карпов);

заведующий сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР, доктор филологических наук Л. И. Скворцов

Бондалетов В. Д.

Б 81 Социальная лингвистика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение, 1987. — 160 с.

Пособие посвящено одному из актуальных и перспективных направлений современного языкознания — социальной лингвистике. Автор знакомит с ее методологической основой, предметной областью, историей, проблематикой синхронной и диахронической социолингвистики, методами социолингвистических исследований.

Б 4309000000-357
103 (03)-87 **10-87**

ББК 81

© Издательство «Просвещение», 1987

Предисловие

При подготовке учителя-словесника большая роль отводится общелингвистическим курсам — «Введение в языкознание» и «Общее языкознание», которые не только расширяют и углубляют лингвистический кругозор, дают представление о принципах и методах лингвистических наблюдений и лингвистического анализа, но и закладывают основы марксистско-ленинской методологии. Одной из ведущих в курсе языкознания является социолингвистическая проблематика, составляющая содержание самостоятельного направления в современной языковедческой науке — **социальной лингвистики**.

Достижения советской социальной лингвистики весьма и весьма велики. Она по праву занимает в современном мировом языкознании прочные позиции. Ее позиции, как и достижения всего советского языкознания, обусловлены марксистско-ленинской методологией, которая исходит из того, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения»¹.

В разработке общетеоретических и конкретных социолингвистических проблем наши филологи опирались и опираются на прочный фундамент исторического материализма. Являясь самой передовой общей социологической теорией, исторический материализм обеспечивает правильное, научно обоснованное решение такой важной задачи науки о языке, как изучение его истории вместе с историей общества, историей народо-творца и носителя языка. Наряду с исследованием этой центральной задачи советские лингвисты и социологи принимали самое активное участие в языковом строительстве нашего многонационального государства и продолжают эту работу на современном этапе, когда сформировалась новая историческая общность людей — советский народ — и встали новые, более грандиозные задачи по лингвистическому обеспечению общества развивающегося социализма.

Исходным тезисом для советской лингвистики является марксистская формула: «Ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... Они — только *проявления* действи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 258.

тельной жизни»¹. Основополагающий характер носит и такое суждение К. Маркса и Ф. Энгельса о взаимоотношении языка и общества, языка и мышления: «...язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»².

Опираясь на марксизм-ленинизм, на лучшие традиции отечественного языкознания в изучении общественной природы языка, в частности на высказывания, лингвистические концепции и конкретные исследования М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, В. Г. Белинского, А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Н. Г. Чернышевского, А. А. Потемни, Ф. Ф. Фортунатова, М. М. Покровского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, Д. Н. Кудрявского, В. А. Богородицкого, проводя наблюдения над многочисленными фактами языковой жизни народов нашей страны и других стран, критически осваивая все положительное, что нашло отражение в лингвистических направлениях зарубежного языкознания, используя творческие контакты с языковедами социалистических стран, наши ученые добились значительных успехов — они создали советскую социальную лингвистику.

Содержательна и ярка история советской социальной лингвистики — ее трудный рост, преодоление вульгарно-социологических упрощений первых десятилетий, постоянное расширение и актуализация проблематики, теоретический и вместе с тем всегда практически нацеленный подход к решению задач, выдвигаемых жизнью³.

Характеризуя первые десятилетия развития советского языкознания, акад. В. М. Жирмунский отмечал, что «изучение языка как общественного явления... с самого начала развития советского языкознания... занимало весьма видное место в нашей лингвистической науке, составляя в известной мере ее методологическую специфику»⁴.

Столь же видное место занимает социолингвистическая проблематика в современном советском языкознании и в такой же мере, если не в большей, наша с о ц и о л и н г в и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 449.

² Там же. С. 29.

³ См.: Филлин Ф. П. Очерки по теории языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 3—16, 38—66.

⁴ Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. — М.: Наука, 1968. — С. 23.

стика определяет методологическую специфику советского языкознания.

Для социалингвистики 70—80-х годов характерно стремление к постановке фундаментальных проблем, связанных с выявлением закономерностей языкового развития современного мира, определением особенностей функционирования языка в условиях научно-технической революции, изучением роли и значения русского языка в советском обществе, в жизни социалистических стран, а также его места в мировом лингвистическом процессе.

Через социалингвистическую зону науки о языке в настоящее время проходит методологическое размежевание марксистского и немарксистского языкознания, социалингвистическая теория и практика чаще всего становятся ареной борьбы социалистической и буржуазной идеологий.

В проблеме «язык и общество», — констатирует известный советский филолог Р. А. Будагов, — «давно уже наметились два противоположных истолкования социальной природы языка. Согласно одному из них, язык социально обусловлен лишь внешними условиями своего бытования (например, является ли язык единым для всего государства или в данной стране говорят на разных языках, как и кому преподается язык и т. д.). Согласно же другой концепции, язык социально обусловлен не только внешними условиями (что, разумеется, важно), но и всем своим существом, своей природой, уровнем своего развития. ...Для советского языкознания всегда было характерно второе из двух названных истолкований природы языка, истолкование проблем так называемой социалингвистики»¹.

В учебных пособиях по общелингвистическим курсам («Введение в языкознание», «Общее языкознание», «История лингвистических учений») социалингвистика как направление современного языкознания рассматривается в общем плане. Недостаточно полно раскрывается проблематика советской социальной лингвистики, ее история, понятийно-терминологический аппарат. Хуже обстоит дело с социалингвистическим осмыслением материала других учебных дисциплин, в частности предметов историко-лингвистического и профилирующего циклов, а между тем от качества преподавания этих дисциплин в значительной степени зависит уровень профессиональной подготовки учителя-словесника.

¹ Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. — С. 253.

Одним из путей повышения социолингвистической подготовки студентов-филологов является чтение им спецкурсов, ведение спецсеминаров по проблемам социальной лингвистики.

Настоящая работа — учебное пособие по спецкурсу «Социальная лингвистика». Оно адресовано студентам факультетов русского языка и литературы и в этом отношении отличается от пособия А. Д. Швейцера и Л. Б. Никольского «Введение в социолингвистику» (М., 1978), предназначенного для институтов и факультетов иностранных языков.

Учебное пособие «Социальная лингвистика» должно дать студентам по возможности систематизированные знания по одному из актуальных и перспективных направлений современного мирового языкознания — советской социальной лингвистике (социолингвистике), а именно: познакомить с методологической основой социально-лингвистических исследований в нашей стране, с предметом и основными понятиями социолингвистики, историей советской социальной лингвистики, ее современной проблематикой, а также с методами и приемами этой науки.

Пособие состоит из пяти глав. В первой из них («Социальная лингвистика и ее предмет») дается определение социальной лингвистики как направления языкознания, занимающегося всеми проявлениями общественной обусловленности языка — его возникновения, функционирования, развития — и всеми видами взаимодействия и взаимовлияния языка и общества. Исходя из широкого понимания задач социолингвистики, очерчивается предметная область этого направления языкознания и формулируется проблематика, разрабатываемая в современной советской социальной лингвистике и социолингвистике стран социалистического содружества.

Глава вторая — «История советской социальной лингвистики» — содержит систематическое описание истории зарождения, становления и современного состояния социолингвистической проблематики в советском языкознании.

При этом выделено три основных периода, каждый из которых характеризуется определенной тематикой исследований, методами ее разработки, научным уровнем исследования, конкретными формами взаимосвязи социолингвистической теории и практики. Первый период охватывает 20—40-е годы и квалифицируется как период «зарождения социолингвистической лингвистики в советском языкознании» (в это время были созданы работы А. М. Селищева, Н. М. Каринского, Е. Д. Поливанова, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, а также коллективные лексикографические и диалектологические труды того времени). Вторым периодом

приходится на 50—60-е годы, отмеченные, с одной стороны, расширением социолингвистических исследований, а с другой — уточнением предметной области социолингвистики, совершенствованием ее методов, освобождением лингвистических исследований от элементов прямолинейного социологизма, чем страдали работы по «социологии языка» 20—40-х годов. Значительным достижением второго периода является создание Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», выдвижение и разработка Институтом русского языка АН СССР темы «Русский язык и советское общество», обобщение исследований по культуре речи, издание четырехтомного «Словаря русского языка» (1954—1961), 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1955—1965), первой советской академической «Грамматики русского языка» (1952—1954), публикация новых трудов пионеров советской социолингвистики — выдающихся филологов В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина, выпуск сборников «Язык и общество», «Вопросы социальной лингвистики», коллективного труда «Общее языкознание. Формы существования языка, функции, история языка» (отв. ред. Б. А. Серебренников). Третий период — это современное состояние советской социальной лингвистики (70—80-е годы). Он ознаменован развертыванием новых социолингвистических исследований на базе всех языков СССР, языков народов Азии и Африки, углублением социолингвистической теории, уточнением ее понятийно-исследовательского аппарата, усилением творческих контактов с зарубежными учеными, выполнением социолингвистами социалистических стран целевой программы, которая посвящена функционированию национальных языков в социалистическом обществе на современном этапе его развития. 70—80-е годы XX века характеризуются всеобщим признанием советской социальной лингвистики ведущим и наиболее перспективным направлением мировой лингвистики, усилением интереса к трудам советских филологов по социолингвистике, в которых рассматриваются наиболее значимые проблемы функционирования и развития, взаимодействия и взаимовлияния языков разных народов нашего многонационального государства.

В главах третьей («Синхронная социолингвистика») и четвертой («Диакроническая социолингвистика») соответственно характеризуются предметные области той и другой отраслей социальной лингвистики, описываются основные результаты изучения языка в синхронном и историческом плане в аспекте

его связи с обществом, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Так, в главе «Синхронная социалингвистика» подробно рассмотрены: 1) формы существования языка (литературный язык, народно-разговорный язык, койне, просторечие, язык-пиджин, креольский язык, территориальные диалекты, социальные диалекты); 2) состояние языка, в частности понятие диглоссии; 3) языковая ситуация и ее компоненты (билингвизм и др.); 4) коммуникативная среда; 5) социальные условия, сферы и среды функционирования языка; 6) функциональная типология языков.

В главе «Диахроническая социалингвистика» показана связь этого направления социалингвистики с общеполитическими, общесоциологическими и историческими проблемами, в частности органическая связь ее проблематики с проблематикой «внешней лингвистики», четко обозначенной в отечественном языкознании уже в XIX в., в особенности в лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. Среди конкретных вопросов в этой главе рассматриваются: происхождение языка, социально-исторические типы языков, история русского языка в социалингвистическом аспекте, развитие русского языка в условиях научно-технического прогресса, перерастание профессиональной лексики в научную терминологию (формирование терминосистем).

Глава пятая — «Методы социалингвистических исследований» — содержит три основных раздела: в первом рассматривается статус социалингвистики среди общественных наук и природа ее исследовательских методов, во втором анализируются методы и источники сбора материала, в третьем — методы социалингвистического анализа.

В приложении приведена «Дополнительная литература».

Книга «Социальная лингвистика» представляет собой первое пособие по социалингвистике для филологов-русистов. Это обстоятельство во многом обусловило как отбор проблем и вопросов для их освещения (см., в частности, специальный раздел «История русского языка в социалингвистическом освещении» и др. в главе четвертой), так и подбор примеров-иллюстраций: во всех случаях, где это представлялось возможным, примеры брались из русского языка в его историческом развитии и современном состоянии.

Учебное пособие включает помимо общепринятых положений и такие, по которым еще идет дискуссия. При рассмотрении спорных вопросов не только излагаются разные точки зрения, но и высказывается отношение автора к ним. Для достижения большей точности в передаче теорий, концепций

и мнений ученых автор пособия стремился к адекватному воспроизведению их взглядов путем цитирования (порой обширного). Поэтому студентам нетрудно будет самим уяснить суть расхождений по тому или иному вопросу и, взвесив приводимую аргументацию, сознательно присоединиться к тому мнению, которое покажется им более убедительным.

Материалы, воспроизводимые в пособии, частично публиковались автором в советской и зарубежной печати (в частности, в трудах международных лингвистических конгрессов). Программа всего спецкурса «Социальная лингвистика» апробирована в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова, Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (на факультете повышения квалификации), в Куйбышевском государственном университете, в Пензенском и ряде других педагогических институтов.

Автор выражает глубокую признательность коллективу кафедры русского языка Тульского государственного педагогического института (заведующий кафедрой профессор, доктор филологических наук А. Н. Карпов) и заведующему сектором культуры русской речи Института русского языка, доктору филологических наук Л. И. Скворцову за тщательное прочтение рукописи книги, конструктивные замечания и советы, которые облегчили автору работу над первым у нас учебным пособием по социальной лингвистике для факультетов русского языка и литературы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Социальная лингвистика (социолингвистика) — направление языкознания, изучающее общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество.

За время существования в языкознании социолингвистического направления оно имело и имеет еще теперь несколько разных наименований: «социология языка», «социологическая лингвистика», «социологическое языкознание», «лингвистическая социология», «лингвосоциология», «социолингвистика», «социальная лингвистика» и другие.

Термин «социолингвистика», наиболее употребительный в современной науке, впервые использовал в 1952 г. американский исследователь Х. Карри. Этим термином было обозначено направление, которое фактически уже существовало в языкознании и свою главную цель видело в исследовании языка как явления общественного. В советском языкознании в настоящее время употребительны два термина — «социальная лингвистика» и «социолингвистика». Другие из приведенных выше терминов используются реже, причем в них, как правило, вкладывается далеко не одинаковое содержание. Нередко разные термины приурочены к определенным периодам в истории социальной лингвистики (например, в конце 20-х — начале 30-х годов в советском языкознании использовался термин «социологическая лингвистика», в 40—60-е годы в ходу был термин «социология языка»), а также к определенным лингвистическим школам (например, французская «социологическая» лингвистика). Принятые в советской науке термины «социальная лингвистика» и «социолингвистика» закрепились у нас примерно в конце 60-х годов.

Вопрос о названии науки немаловажен. В названии обычно заключено самое лаконичное указание на предмет данной науки. Однако из этого вовсе не следует, что при тождественных или сходных названиях предмет науки будет обязательно мыс-

литься одинаково (один и тот же) и сходным будет его истолкование. Сразу следует подчеркнуть, что у социальной лингвистики предмет исследования понимается не однозначно (не случайно некоторые авторы предпочитают говорить о предметной области этой науки, а не о ее четко очерченном и строго определенном предмете). Что же касается общепhilософского осмысления предмета исследования и его истолкования (в данном случае проблема «язык и общество»), то здесь налицо принципиальные расхождения между учеными-марксистами и немарксистами.

Несовпадение объема «предметной области» социальной лингвистики у языковедов одной и той же методологической ориентации (например, у советских лингвистов, опирающихся на диалектико-материалистическую философию марксизма-ленинизма) может объясняться как объективными, так и субъективными причинами. В качестве объективной причины чаще всего выступает временной фактор: представление о предмете науки с течением времени меняется (он углубляется и расширяется). В качестве причины субъективного характера обычно выступают научные интересы и исследовательский опыт ученого: одни ученые с той или иной проблемой (с тем или иным аспектом исследования) связывают один комплекс конкретных вопросов, другие ученые — другой, более широкий комплекс. Зачастую разное авторское «видение» круга подлежащих анализу вопросов, характера связей и зависимостей между ними переплетаются с обстоятельствами объективного порядка, например с актуальными задачами научного исследования.

Обратимся к анализу наиболее известных определений социальной лингвистики и по ним постараемся выявить предмет (предметную область) изучаемой нами дисциплины.

В «Словаре лингвистических терминов», составленном известным советским филологом О. С. Ахмановой, термин «социолингвистика», или «социологическая лингвистика», приводится с двумя значениями: «1. Раздел языкознания, изучающий причинные связи между языком и фактами общественной жизни. 2. Раздел языкознания, изучающий социальную дифференциацию языков, т. е. различные его социальные диалекты»¹.

Второе из приведенных определений относится скорее всего к социальной диалектологии, которую естественно считать

¹ А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов.— М.: Советская энциклопедия, 1966.— С. 444. См. также: А х м а н о в а О. С., М а р ч е н к о А. Н. Основные направления в социолингвистике // Иностранные языки в школе.— 1971.— № 4.

одной из частей социальной лингвистики. Правда, в этом случае под социальной диалектологией надо 'разуметь широкую дисциплину, исследующую все виды социальной дифференциации языков, а не только собственно социальные диалекты (профессиональные говоры, корпоративные жаргоны, арго и др.). Что же касается первого определения, то оно в принципе правильно указывает на главную проблему социолингвистики — «язык и общество», однако оно не раскрывает разнонаправленности «причинных» связей «между языком и фактами общественной жизни». Нет в этом определении указаний и на ряд других важных аспектов, без которых уже трудно представить современную социальную лингвистику.

Узкое определение социальной лингвистики предлагал в те годы (конец 60-х годов) и известный социолингвист акад. В. М. Жирмунский: «Социальная лингвистика в узком смысле рассматривает два взаимосвязанных круга проблем:

1) социальную дифференциацию языка классового общества на определенной ступени его исторического развития (у данного общественного коллектива в данную историческую эпоху);

2) процесс социального развития языка, его историю как явления социального (социально-дифференцированного)¹. При этом В. М. Жирмунский указывал на условность деления предмета социолингвистики на два круга проблем — «синхронический» и «диахронический». Для нас в данном случае важно выделение исторического аспекта — социального характера «развития языка».

Б. Н. Головин, автор современных пособий и учебников по языкознанию, специальных работ по социолингвистике, считал целесообразным говорить о содержании «социологии языка» (социолингвистики) в широком и узком понимании ее предмета и задач. Наставляя на четком различии структуры языка и ее функционирования («речевое функционирование») и сосредоточивая внимание на социальной дифференциации функционирующего языка, Б. Н. Головин выделял семь «плоскостей» социальной дифференциации языка: а) дифференциация по территории (она выражается в наличии местных, территориальных диалектов); б) по виду материального воплощения речи (она дает устную и письменную формы общего языка); в) по структуре речевого процесса (имеются в виду диалогический и монологический варианты языка); г) по типам деятельности социального коллектива, т. е. общества (образуются

¹ Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969. — С. 14.

функциональные стили языка); д) по социальным группам людей, по социальным слоям населения (это профессиональные, сословные, классовые варианты...); е) по жанрам и типам словесных произведений; ж) по авторам словесных произведений (это личностные «варианты вариантов»...) ¹. По мнению Б. Н. Головина, социалингвистика в широком смысле «должна объять всю систему «плоскостных» членений языка, всю систему его вариантов», поскольку их наличие обусловлено влиянием общества. При сужении круга задач «социологии языка» ее основным предметом оказывалось, по Б. Н. Головину, «прежде всего то членение функционирующего языка, которое возникает под влиянием свойственных обществу различных его социальных групп» ². В развернутой автором картине подробно называются функционально-социальные разновидности языка социальных групп и общественных слоев коллектива: «Чем отличается функционирование языка (а может быть, и какие-то элементы его структуры), когда он принимается взрослыми, молодежью и детьми? Рабочими, крестьянами и представителями интеллигенции? Специалистами различных отраслей производства, техники и науки? Чем отличалось функционирование языка (и элементы его структуры), когда он использовался в дореволюционный период русской истории дворянами, купечеством, духовенством, крестьянами?.. Как влияет на структуру речи ситуация общения?» ³.

Нетрудно заметить, что и в «широком», и в «узком» наполнении социалингвистики Б. Н. Головина привлекают прежде всего проблемы синхронного порядка, причем такие, которые связаны с функционированием одного языка (языка народа, или «этноязыка»), а не двух или нескольких языков в одном социуме. Не названы в этом определении и некоторые общие вопросы социалингвистики, например: социальная обусловленность возникновения и развития языка, роль социального воздействия на язык и т. п.

Приведем мнение о содержании социалингвистики известного советского языковеда Ф. П. Филина, многие годы посвятившего изучению языка как общественного явления: «Язык — создание общества, и в нем все общественно. Что же в таком случае нужно понимать под социалингвистикой? Пока что в этот термин вкладывается различное содержание, границы

¹ См.: Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969. — С. 345; Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979. — С. 58 и др.

² Березин Ф. М., Головин Б. Н. Указ. соч. — С. 60.

³ Головин Б. Н. Указ. соч. — С. 347.

которого очень неясны. По-видимому, за ним нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений; 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество. Разумеется, оба эти значения тесно связаны друг с другом, составляют единый комплекс проблем»¹.

В приведенном определении в числе центральных проблем социалингвистики названы: 1) социальная обусловленность языковых явлений, в том числе и его структуры; 2) общественные функции языка; 3) воздействие языка на общество. Об изучении в рамках социалингвистики общественных функций языка, его роли в человеческом коллективе единодушно говорят все авторы. А вот социальную обусловленность его структуры признают далеко не все. Не все считают предметом социальной лингвистики и проблему воздействия языка на общество. Как бы предвидя возражение со стороны тех, кто признает автономность структуры языка и имманентность законов ее развития, Ф. П. Филин разъясняет: «Структура языка не безразлична для целей общения. Изменение общественных функций влечет за собой и изменение как отдельных элементов языковой структуры, так и постепенно структуры в целом... Внутренние закономерности развития языка из потенции превращаются в реальные изменения только в пределах его общественных функций и благодаря им»². О взаимосвязи внешней и внутренней действительности «бытия языка» говорит и академик Г. В. Степанов, удачно иллюстрируя их связь схемой: «внешняя система языка ↔ внутренняя структура языка»³. Однако по вопросу о влиянии языка на общество (социум) Г. В. Степанов замечает: «Изучение воздействия языка на социум относится к особой отрасли знаний»⁴ — прагматике, являющейся, по мнению ученого, частью семиотики⁵. Член-корр. АН СССР Р. А. Будагов, автор трудов по языкознанию, исследований, в которых анализируются современные направления в языкознании, выступает за более широкую сферу социалингвистики: «До последнего времени,— пишет он

¹ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— С. 131.

² Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— С. 154.

³ Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой // Принципы описания языков мира.— М.: Наука, 1976.— С. 154.

⁴ Там же.— С. 154.

⁵ Там же.

в книге «Человек и его язык», — социолингвистика более интересовалась языковыми контактами, языковой дифференциацией. Настало время расширить сферу социолингвистики: активная позиция людей... ставит перед лингвистами проблему постоянного и глубокого взаимодействия между языком и его носителями»¹.

За широкую предметную область социолингвистики выступают Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, А. Д. Швейцер и другие советские социолингвисты, хотя ядром этой области у них оказываются различные явления. Так, Ю. Д. Дешериев полагает, что предметом социолингвистики является изучение общих и в особенности социально обусловленных закономерностей функционирования и развития языков. Он пишет: «...основным предметом социальной лингвистики является исследование социализованных отношений, соотношенных с социальными явлениями в жизни общества, обусловленных функционированием, развитием и взаимодействием языков (преимущественно функциональной, социальной, профессиональной дифференциацией языка)... проявляющихся в языке в целом, а также на всех уровнях его внутренней структуры»².

Л. Б. Никольский акцентирует внимание прежде всего на проблеме языковой ситуации, куда включаются вопросы «взаимодействия языков и диалектов, формирования наддиалектных форм речи, языкового нормирования и становления национального литературного языка»³. А. Д. Швейцер, беря за основу определение Ю. Д. Дешериева, настаивает на необходимости, с одной стороны, отразить «двусторонний характер связей между языком и обществом», с другой стороны, подчеркнуть, что «в область социолингвистических исследований входит как изучение влияния социальных факторов на функциональное использование языка в процессе речевой коммуникации, так и анализ воздействия этих факторов на саму структуру языка, их отражения в языковой структуре»⁴, включая изучение отражения в языке не только объективных, но и субъективных факторов, в частности социальных установок и социальных ценностей носителей языка.

¹ Б у д а г о в Р. А. Человек и его язык. — М.: Изд-во Московск. ун-та, 1974. — С. 107.

² Д е ш е р и е в Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. — М.: Наука, 1977. — С. 126.

³ Н и к о л ь с к и й Л. Б. О предмете социолингвистики // Вопросы языкознания. — 1974. — № 1. — С. 62. См. также: Н и к о л ь с к и й Л. Б. Синхронная социолингвистика. — М.: Наука, 1976. — С. 62—63.

⁴ Ш в е й ц е р А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. — М.: Наука, 1976. — С. 69.

Еще больший диапазон колебаний в объеме, содержании и интерпретации предметной области социалингвистики видим в зарубежном языкознании (например, в определениях, которые дают Д. Хаймс, У. Брайт, Дж. Фишман, У. Лабов, Дж. Гамперц, С. Эрвин-Трипп, Э. Хауген, а также Р. Т. Белл, Р. Берлинг, Д. Прайд, П. Трайджилл и др.).

Думается, что и теоретически и практически целесообразно придерживаться не узкого, а широкого представления о предмете (предметной области) социальной лингвистики. При таком подходе шансы на изучение, с одной стороны, социальной обусловленности языка и, с другой стороны, его активной роли в жизни общества явно возрастают. Отлучение от социалингвистики каких-то проблем так называемой «внутренней», или «структурной», лингвистики, поспешное признание «эмансипированности от общественного развития» организации и эволюции внутренней структуры языка, разделение явлений языка на «социально обусловленные и социально не обусловленные» без достаточной их изученности на предмет социальной обусловленности вряд ли будут способствовать адекватному познанию общественной природы языка. Лишь после углубленного и тщательного изучения языка как функционирующей структуры в ее многочисленных социально-функциональных проявлениях можно будет составить мнение (и оно будет находиться, разумеется, на уровне относительной истины) о степени общественной обусловленности тех или иных функциональных разновидностей языка, тех или иных звеньев и единиц его «внутренней» структуры.

ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Придерживаясь мнения о предпочтительности широкого понимания социальной лингвистики (она должна изучать весь язык, как бы просвечивая всю его толщу светом «социальности» его предназначения), тем не менее целесообразно выделить и назвать проблематику этой науки, частично уже разработанную и отраженную в соответствующих понятиях и терминах, а в большинстве своем только выдвигаемую для углубленного социалингвистического анализа. Не вдаваясь в конкретизацию, перечислим основную тематику, представленную в современной советской социальной лингвистике. Многие из названных проблем являются завоеванием советского языкознания и составляют ее методологическую специфику.

1. Социальная лингвистика как наука об общественной

обусловленности строения, развития и функционирования языка, о влиянии общества на язык и языка на общество.

Методологическая основа советской социальной лингвистики.

2. Общественные функции языка, их состав и зависимость от конкретно-исторических социальных условий функционирования языка.

3. Формы существования языка; литературный язык и нелитературные формы: просторечие (нелитературное), территориальные диалекты, социальные диалекты, другие формы существования языка.

4. Основные виды членения языка: социальное, функционально-стилевое, территориальное. Общественные факторы, обуславливающие социальную и социально-стилевую дифференциацию языка: общественная сфера, социальная среда, ситуация речи.

5. Социально-коммуникативная система, ее компоненты. Языковая ситуация как один из важнейших объектов социальной лингвистики. Двухязычие. Диглоссия.

6. Общественная обусловленность развития языка. Социальные типы языков в различные общественно-исторические формации (языки-диалекты родовые, племенные, языки народностей, наций; межнациональные языки, языки-посредники, койне). Специфика социального членения языка в разные периоды истории общества. Национальные языки, пути их возникновения. Приоритет советского языкознания в разработке учения о национальных языках.

7. Литературный язык, его функции и признаки. Социальный аспект языковой нормы. Стилиевая дифференциация языка, ее зависимость от экстралингвистических явлений (содержания речи, назначения, условий порождения, адресанта, адресата).

8. Речевая вариативность и ее зависимость от социальной ситуации, а также социальных признаков говорящих (возраст, уровень образования, профессия и др.).

9. Социолингвистические классификации языков. Критика социолингвистических типологий, предложенных зарубежными языковедами. Классификации языков по выполняемым ими общественным функциям.

Мировые языки, их социальные функции и структурные достоинства (глобальность распространения, сознательность принятия, специфика функций, богатство и отработанность средств выражения). Вопрос о языке будущего.

10. Проблема вспомогательных международных языков.

Эсперанто и другие искусственные языки, сферы их применения. Задачи интерлингвистики.

11. Социально обусловленные изменения в структуре языка и ее отдельных звеньях. Понятие о прогрессе в языке.

Человек и язык. Соотношение стихийных и сознательных факторов в эволюции языка. Проблема планирования развития языка (его общественных функций и компонентов структуры). Типы и формы сознательного воздействия на язык (сохранение языка и поддержание его в состоянии коммуникативной пригодности, расширение его функций, установка на обогащение словаря, выработка орфографических, пунктуационных, орфоэпических и лексико-фразеологических норм).

12. Главнейшие закономерности современного мирового лингвистического процесса.

Язык в эпоху научно-технической революции. Характер и сферы воздействия научно-технического базиса на языковую жизнь общества. Развитие научного стиля языка, рост терминологии, увеличение общего (международного) фонда в научно-технических терминологиях. Зависимость темпов изменения языка от интенсивности развития общества.

Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации (язык газеты, радио, кино, телевидения).

13. Языковая политика в СССР (создание и усовершенствование алфавитов, развитие лексики и синтаксиса литературных языков, их функциональных стилей, кодифицирование норм литературных языков).

14. Язык в развитом социалистическом обществе. Национальные и межнациональные языки. Социально-лингвистические, методологические и научно-практические аспекты международной целевой программы «Национальные языки в развитом социалистическом обществе». Роль языка в интернационализации духовной культуры социалистических наций.

15. Русский язык как средство межнационального общения. Взаимодействие и взаимообогащение языков народов Советского Союза. Национально-русское двуязычие. Выработка общего фонда «социалистических интернационализмов».

Русский язык — язык международного общения и сотрудничества народов мира. Специфические особенности русского языка как одного из мировых языков.

16. Социальная диалектология как часть социальной лингвистики. Сложность и опосредованность связей между структурой общества и языком. Социальные диалекты как отражение социально-классовой, сословно-групповой, профессионально-производственной и возрастной дифференциации общества.

Социальные диалекты, их функциональные и структурно-языковые особенности. Типы социальных диалектов. Историчность социальных диалектов.

Значение социальной диалектологии для общелингвистической теории.

17. Методы и приемы социалингвистических исследований. Марксистский диалектический метод и исторический материализм как теоретический фундамент подлинно научной социалингвистики. Критическая оценка методологии и методов зарубежной социалингвистики.

Методы и источники собирания материала. Опрос и его виды. Эксперимент, его виды. Использование анкет, программ, вопросников.

Обработка материала. Выбор метода анализа, обоснование степени его эффективности. Интерпретация.

18. Структура современной социальной лингвистики. Социалингвистика синхронная и диахроническая; частная, сравнительно-сопоставительная и общая; теоретическая и прикладная.

Место социальной лингвистики среди лингвистических и общественных наук.

19. История социалингвистики. Истоки современной социалингвистики в европейском, американском и восточном (японском) языкознании.

Современные социалингвистические исследования в США, Франции, Англии, ФРГ, Италии, Японии. Критика философских основ зарубежных направлений социалингвистики.

20. Социальный аспект изучения языка в истории отечественного языкознания.

Становление советской социальной лингвистики, ее история, современная проблематика.

21. Социальная лингвистика в социалистических странах, ее многоаспектный характер при единстве диалектико-материалистической методологической основы.

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (20—40-е ГОДЫ)

В последние три десятилетия наблюдается особенно активное внимание языковедов к проблемам социолингвистики, а в связи с этим бурное развитие исследований по социальной лингвистике как в СССР, так и во многих странах мира. Причем, если в СССР, Чехословакии, Франции активизация социолингвистических работ продолжает начатые ранее исследования по проблеме «язык и общество» и дает основания, особенно применительно к СССР, говорить о возрождении социальной лингвистики, расширении и углублении ее проблематики, то в большинстве других стран социолингвистика возникает чуть ли не «впервые». Тем не менее и в этих странах она довольно быстро завоевывает себе видное место среди дисциплин, изучающих язык, его устройство, функционирование и развитие. И это не случайно.

Оживление социолингвистических исследований приходится на такие периоды, когда развитие общества дает своего рода социальный заказ языковедам, социологам, работникам культуры, искусства, выполнение которого входит в программу социального развития страны, подъема ее экономики, культуры, общей и языковой грамотности ее населения.

Так было в начальный период истории Советского государства, объединившего многочисленные народы и вдохновившего их на построение социализма, на социально-экономическое и духовное обновление, на создание и расцвет национальной по форме (в том числе и по языковой форме) и социалистической по содержанию культуры.

Советские ученые сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции приступили к наблюдению над языком революционной и послереволюционной эпохи, к осмыслению языка как важнейшего средства человеческого общения, к исследованию общественной сущности языка, детерминированности его развития социальными факторами,

к практическому участию в языковом строительстве молодого социалистического государства.

Проф. А. П. Баранников уже в 1919 г. печатает статью «Из наблюдений над развитием русского языка в послевоенные годы. Влияние войны и революции на развитие русского языка», в которой обосновывает причину повышения интереса к социальной стороне языка, а также объясняет ускорение «языковой деятельности» в периоды «крупных социальных движений»¹. «Обращение современной науки о языке к социологии как дисциплине, органически связанной с наукой о языке, явилось, во-первых, благодаря самому пониманию языка как явления общественного; во-вторых, в виде необходимого результата всего более чем столетнего развития нового языкознания», — писал автор².

Известный советский ученый, один из крупнейших славистов, А. М. Селищев в 1925 г. публикует статью «Революция и язык», а в 1928 г. книгу «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)». Его интересуют процессы появления значительного числа новых слов и быстрой утраты некоторых из них, причины появления «длинного ряда» сложносокращенных слов, иноязычных заимствований; он рассматривает взаимоотношения коммуникативной, поминативной, эмоционально-экспрессивной и эстетической функций в языке и речи.

Видный славист, языковед, диалектолог Н. М. Каринский обращается к изучению социальной дифференциации речи города и деревни («Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры», 1928 г.; «Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванялово», 1936 г.), разрабатывая новые приемы записи и группировки материала с учетом его социальной неоднородности.

Б. А. Ларин начинает целенаправленное изучение разговорного языка города как «третьего основного круга явления», занимающего самостоятельное место между «высоким книжным языком» и «деревенскими диалектами».

«Нельзя понять эволюцию и судьбы литературного языка, пока к этому материалу не применены социологические принципы исследования. Нельзя приступать к социологическому истолкованию литературного языка, пока не изучена его непосредственная лингвистическая среда, т. е. о с т а л ь н ы е

¹ Баранников А. П. Из наблюдений над развитием русского языка в послевоенные годы: Влияние войны и революции на развитие русского языка // Ученые записки Самарского университета. — 1919. — Вып. 2. — С. 64—84.

² Баранников А. П. Указ. соч. — С. 65.

типы письменного языка и все разновидности разговорной речи городского коллектива»¹.

Во второй половине 20-х годов у нас появляются исследования по социологии западноевропейских языков, в частности: работы М. В. Сергиевского («Проблемы социальной диалектологии в истории французского языка XVI—XVII вв.», 1927 г.), К. Н. Державина («Борьба классов и партий в языке Великой французской революции», 1927 г.), М. Н. Петерсона («Проблема индоевропейского языковедения за 10 лет (с 1917 до 1927 г.) в СССР», 1927 г.; «Язык как социальное явление», 1927 г.), а также популярные очерки по вопросам лингвистической социологии (например: Р. О. Шор. «Язык и общество», 1926 г.; В. В. Волошинов. «Марксизм и философия языка», 1929 г., и др.). В 1930 г. у нас издается книга Поля Лафарга «Язык и революция».

В конце двадцатых годов публикуются многие статьи известного социолингвиста Е. Д. Поливанова («Специфические особенности последнего десятилетия 1917—1927 в истории нашей лингвистической мысли (вместо предисловия)», 1928 г.; «Круг очередных проблем современной лингвистики», 1929 г.); некоторые из них позже были объединены и изданы в книге «За марксистское языкознание» (1931). В качестве очередных проблем социальной лингвистики Е. Д. Поливанов называет:

1. Определение языка как социально-исторического факта...
2. Описание языков и диалектов с социологической точки зрения...
3. Оценочный анализ данного языка как орудия общения.
4. Изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями.
5. Оценочный анализ языка (и отсылных) его сторон как средства борьбы за существование.
6. Общая типологическая схема эволюции языка в связи с историей культуры.
7. Прикладные вопросы социологической лингвистики: языковая политика².

В 20-е годы Н. Я. Марр, один из ведущих специалистов дореволюционной России по кавказским языкам, начинает публиковать работы по проблемам языкознания, в которых

¹ Л а р и н Б. А. К лингвистической характеристике города: Несколько предпосылок // Известия Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена.— Л., 1926.— Вып. 1.— С. 176 (выделено автором).

² См.: П о л и в а н о в Е. Д. Статьи по общему языкознанию.— М.: Наука, 1968.— С. 186.

выдвигает положения «нового учения о языке». Н. Я. Марр сложную проблему «язык и общество» сводит к отождествлению языка и идеологии, относит язык к числу классовых явлений. Н. Я. Марр стремится перенести положения марксизма в языкознание, но делает это формально. Он выдвигает тезис о том, что язык является идеологической надстройкой, и с этих позиций рассматривает и анализирует все явления, происходящие в нем. Методы изучения языка, выдвинутые Н. Я. Марром, во многом были произвольными, научно не обоснованными.

Пафос «нового учения о языке», созданного Н. Я. Марром, захватил многих языковедов. Но дальнейшее развитие советского языкознания показало научную несостоятельность основных положений «нового учения о языке», их недialeктичность.

В 30—40-е годы продолжаются работы по углублению и расширению поставленных в 20-е годы теоретических и практических проблем «социологии языка», в частности ставится вопрос о национальном языке и социальных предпосылках его возникновения, о социальной дифференциации языка в эпоху капитализма, о литературном языке, разрешаются конкретные вопросы языкового строительства (создание алфавитов для ранее бесписьменных языков, усовершенствование алфавитов, разработка терминологий литературных языков, составление словарей, кодификация литературной нормы многих языков Советского Союза). Так, книга А. М. Иванова и Л. П. Якубинского «Очерки по языку» (1932) начинает разработку проблемы «образование общенационального языка буржуазного общества из территориальных диалектов феодальной эпохи», исследование В. М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) ставит проблему развития языка в разных общественно-экономических формациях (в эпоху феодализма, капитализма, социализма), работа А. М. Селищева «О языке современной деревни» (1932) и упоминавшаяся выше книга Н. М. Каринского «Очерки языка русских крестьян» (1936) анализируют процесс расслоения старых русских территориальных диалектов в новых социально-экономических и культурно-бытовых условиях, вызванных Великой Октябрьской социалистической революцией, коллективизацией, усилением связей между городом и деревней.

Труды Ф. П. Филина, в частности его кандидатская диссертация «Исследование о лексике русских говоров на материале сельскохозяйственной терминологии» (1936) и статья «Новое в лексике колхозной деревни» (1936), решают вопросы истории терминологии, взаимодействия литературного языка

и территориальных диалектов при капитализме и в условиях социализма.

Появившиеся во второй половине 30-х годов «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», автором которых был выдающийся советский филолог В. В. Виноградов, показали не только самостоятельный характер истории литературного языка как области языкознания, но и ее во многом социолингвистическую направленность.

Острота и новизна в постановке широкого круга проблем в советском языкознании, осваивавшем принципы марксистской социологии языка, выделяли наше языкознание на фоне мировой лингвистики. Советская социолингвистика 20—30-х годов, как справедливо отметил швейцарский ученый П. Бранг, составила первую библиографию по славянской социолингвистике, «занимала ведущее место в мире»¹.

В 40-е годы разработка социолингвистической тематики не прекращалась, хотя и затруднялась вследствие вульгарно-социологических установок «нового учения о языке» Н. Я. Марра.

Тем не менее в 40-е годы выходят такие крупные труды В. В. Виноградова, как монография «Стиль Пушкина» (1941), брошюры «Великий русский язык» и «Величие и мощь русского языка», содержавшие характеристику исторических путей формирования «величия и мощи» русского национального языка.

Широкий размах получает изучение русских, украинских, белорусских говоров и диалектов других языков Советского Союза в связи с составлением диалектологических атласов, причем в качестве самостоятельной проблемы ставится задача изучения новых явлений в говорах (например, работы: Гринкова Н. П. «Собирание материалов по новым явлениям в жизни колхозников», 1949 г.; Филин Ф. П. «Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка», 1949 г.; работы о социально-классовой и жанрово-стилистической дифференциации диалектов современного советского языковеда Р. И. Аванесова и других исследователей).

Ф. П. Филин, характеризуя советское языкознание 20—40-х годов, его теоретическую основу и главные направления, писал: «Путь к марксизму-ленинизму был не прост: сохранились прежние теоретические традиции, велась острая борьба, имели место срывы и ошибки. И все же в двадцатые —

¹ См.: Ф и л и н Ф. П. Очерки по теории языкознания. — М.: Наука, 1982. — С. 44—45. (Доклад П. Бранга был прочитан в 1973 г. в Варшаве на VII Международном съезде славистов.)

сороковые годы облик советского языкознания вырисовывается с достаточной ясностью. Началась разработка проблем связи языка и мышления в современном и историческом плане, активно обсуждался вопрос о типологии языков и этапах развития человеческой речи со времени ее возникновения, была создана социальная лингвистика, занявшая первое место в мировом языкознании (четко ориентированная на марксистско-ленинскую философию и соответствующее понимание истории... стали изучаться в широком плане проблемы социальной диалектологии)... В эти годы десятки языков нашей страны впервые получили письменность, а функции старописьменных языков серьезно расширились. Наша страна стала страной всеобщей грамотности. Советские языковеды с честью справились с выполнением задачи большой государственной и общественной важности»¹.

СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА В 50—60-е ГОДЫ (УТОЧНЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ)

В мае — июне 1950 г. на страницах газеты «Правда» прошла свободная дискуссия по языкознанию, в которой приняли участие все ведущие советские лингвисты, в том числе В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, А. С. Чикобава, П. С. Кузнецов, Б. А. Серебренников и др. Дискуссия вскрыла вульгарно-социологическую суть многих постулатов «нового учения о языке» Н. Я. Марра, показала, что теоретические положения этого учения невозможно воплотить в конкретной работе, не искажая сути языковых явлений.

После дискуссии, когда были полностью раскрыты беспочвенность и научная несостоятельность новаторского пафоса «нового учения о языке», начались во-первых, предметные и дифференцированные исследования по теме «язык и общество». Это касалось прежде всего проблем «национальные языки и их диалектная основа», «взаимодействие литературного языка и нелитературных форм существования языка», исследований видов и темпов языковой эволюции и др.

Во-вторых, в этот период наблюдается некоторый спад интереса к проблемам социальной диалектологии и социальной дифференциации языка в целом. Среди причин, обусловивших этот временный отход лингвистов от некоторых проблем социального языкознания, был и такой фактор, как увлечение

¹ Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— С. 9.

части советских языковедов структурной лингвистикой с ее культом имманентной структуры языка и пренебрежением к социальным условиям его существования и развития.

Как видим, проблематика социолингвистических исследований сравнительно с 20—40-ми годами несколько сузилась, но в целом социолингвистические исследования в этот период характеризуются содержательностью, глубиной обобщений, привлечением многих фактов, которые ранее были вне поля зрения исследователей. Достаточно сказать, что именно в 50-е годы шло активное изучение социально-исторических проблем, связанных с происхождением языков народностей, наций, выяснение содержания понятия «литературный язык» применительно к разным историческим и общественно-культурным периодам и этапам в жизни русского языка и многих других языков народов СССР, а также национально-литературных языков стран Запада и Востока.

В 1952 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», который возглавил В. В. Виноградов, в этом же году начал выходить журнал «Вопросы языкознания», на страницах которого были опубликованы многие социолингвистические исследования советских лингвистов. В 1958 г. Институт русского языка АН СССР выдвигает тему «Русский язык и советское общество». Характеризуя предполагаемую работу по теме, С. И. Ожегов отмечал, что «развитие литературного языка, вызванное особенностями социальной структуры советского общества, и своеобразный социально-языковой механизм эволюции являются характерными признаками нового этапа в развитии русского литературного языка»¹.

В 1958 г. в Москве состоялся первый в послевоенные годы IV Международный съезд славистов, явившийся мощным стимулом к изучению славянских языков, литератур, духовной и материальной культуры славянских народов. Одним из центральных был доклад академика В. В. Виноградова «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка», в котором вместо понятия «стиль языка» автор вводит новое понятие «тип языка» и говорит применительно к древнерусскому литературному языку о двух типах языка: 1) книжно-славянском и 2) народно-литературном. В XI—XII вв., отмечает В. В. Виноградов, наблюдается стилистическая дифференциация этих типов язы-

¹ Цит. по книге: Русский язык и советское общество: Лексика современного литературного языка. — М.: Наука, 1968. — С. 5.

ка, «связанная с различием сфер функционального и жанрового их применения»¹, в XVI — начале XVII в. на базе двух типов образуется система трех стилей русского языка, что было обусловлено, помимо внутренних законов их развития, и «социально-историческими причинами».

С середины 50-х годов XX в. стала выходить серия сборников «Вопросы культуры речи», на страницах которых обсуждались «вопросы нормализации литературных языков в области лексики, стилистики, грамматики, произношения, терминологии»². Редактирование сборников этой серии осуществлял С. И. Ожегов. Первый выпуск серии открывался программной статьей С. И. Ожегова «Очередные вопросы культуры речи».

В 50-е годы проводилась интенсивная работа по лексикографии, в частности, уточнялись границы между литературным языком и другими формами существования языка, что отразилось в соответствующих пометах в 4-томном «Словаре русского языка» (1954—1961) под ред. А. П. Евгеньевой, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1955—1965). Много было сделано по установлению и кодификации грамматических норм (в частности, в первой советской академической «Грамматике русского языка», 1952—1954 гг.). Исследуются младописьменные языки народов СССР³, оживляется интерес к международным вспомогательным языкам, привлекают внимание высказывания писателей о языке как средстве общения, о его выразительных возможностях, о народном и литературном языке, их взаимосвязи, о борьбе за речевую культуру (см.: Русские писатели о языке: Хрестоматия/Под общей ред. А. М. Докусаева.— Л., 1954; Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.).— Л.: Советский писатель, 1954).

60-е годы характеризуются значительным расширением социалингвистических исследований. К этой проблематике возвращаются ученые, закладывавшие еще в 20—30-е годы основы нашей социалингвистики,— В. М. Жирмунский,

¹ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития русского литературного языка: Советский комитет славистов. «IV Международный съезд славистов. Доклады».— М.: Изд-во АН СССР, 1958. См. также перепечатку текста доклада в кн.: Исследования по славянскому языкознанию: Академия наук СССР. Советский комитет славистов.— М., 1961; Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка.— М.: Наука, 1978.— С. 65—151.

² Вопросы культуры речи.— М.: Изд-во. АН СССР, 1955.— Вып. 1.— С. 3.

³ Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР.— М.: Наука, 1958.

В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и др. В. М. Жирмунский в статье «Проблемы социальной диалектологии» анализирует историю изучения языка как общественного явления в 20—30-е годы, отмечает успехи советских ученых и вместе с тем признает, что в ряде случаев допускалось упрощенное и прямолинейное отождествление социальной дифференциации языка с классовой дифференциацией общества. Он считает непропорциональным говорить о «крестьянских» (территориальных) диалектах и о «мещанском» (городском) полудиалекте в условиях буржуазного общества как о «классовых диалектах». Более точным В. М. Жирмунскому представляется термин «социальные диалекты». «Существование социальных диалектов,— пишет ученый,— порождается в конечном счете классовой дифференциацией общества, но конкретные формы социальной дифференциации языка не прикреплены прямолинейным и однозначным образом к общественным классам»¹.

В. В. Виноградов исследует различия в развитии славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху; результаты изучения докладываются им на V Международном съезде славистов в Софии.

Ф. П. Филин в статье «К проблеме социальной обусловленности языка» (1966) ставит вопрос о социальной детерминированности не только функций языка, но и его структуры. Возражая структуралистам, склонным функции языка считать внешними, «экстралингвистическими» по отношению к языку, Ф. П. Филин пишет: «Общественные функции языка не являются лишь чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития. Нельзя себе представлять, что язык как структура — это одно, а его использование в обществе — это совсем другое. (. . .) Язык социально обусловлен и в самом своем построении»².

Успешно шла работа над проспектом монографии о русском языке и советском обществе (проспект обсуждался в ряде научных коллективов, а также на Алма-Атинской конференции (1962 г.), посвященной проблемам развития национальных языков в советскую эпоху). В 1968 г. монография

¹ Ж и р м у н с к и й В. М. Проблемы социальной диалектологии // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка.— М., 1964.— Т. XXIII.— Вып. 2.— С. 109. См. также: Ж и р м у н с к и й В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество.— М.: Наука, 1968.— С. 22—38.

² Ф и л и н Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка // Вопросы языкознания.— 1966.— № 4.— С. 39. См. также: Ф и л и н Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— С. 107—129; Язык и общество.— М.: Наука, 1968.— С. 5—22.

«Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование» (под ред. М. В. Панова) была издана в четырех книгах. Содержание первой книги — принципы социологического изучения русского языка советской эпохи, лексика современного русского литературного языка; второй — словообразование; третьей — морфология и синтаксис современного русского литературного языка; четвертой — фонетика современного русского литературного языка, характеристика изменений в народных говорах.

В центре внимания коллектива авторов была «проблема взаимодействия внутренних и социальных, «внешних» закономерностей развития языка»¹. Динамика системы языка отражает своеобразную борьбу ее противоположных тенденций («борьбу» противоположностей»²). Эти противоположности авторы называют «языковыми антиномиями» (от греч. слова *antipomia* со значением 'противоречие в законе') и называют пять пар антиномий: 1) антиномия говорящего и слушающего; 2) узуса и возможностей языковой системы; 3) кода и текста; 4) антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, т. е. «конфликтом» означающего и означаемого; 5) антиномия двух функций языка: чисто информативной и экспрессивной.

Антиномии, являясь «внутренними стимулами развития языка», или его «саморазвития», естественно, отличаются от социальных стимулов, однако и «стимулы саморазвития не асоциальны», так как в конечном счете обусловлены сущностью языка как средства общения. Их отличие от воздействия конкретно-исторических условий существования языка в том, что они в принципе действуют во всех языках и во все социальные эпохи.

К внешним («внеязыковым», «социальным») факторам развития языка авторы исследования относят: изменение круга носителей языка, распространение просвещения; перемещение населения, создание новой государственности, развитие науки и т. д.

Взаимодействие внешних и внутренних факторов выражается в стимулирующем или, напротив, задерживающем воздействии социальных факторов на те или иные внутренние тенденции языкового развития.

¹ Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова: Принципы социоллингвистического изучения русского языка советской эпохи: Лексика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1968. — С. 18.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 317.

В монографии предложен такой путь изучения языка: от фактов языка к социальным причинам, вызвавшим их. Закономерность именно такого подхода обосновывается тем, что «социальные воздействия «наслаиваются» на имманентное развитие языка, преобразуют его, но не меняют». Указанный путь исследования, по мнению авторов, типичен для социологической лингвистики (в отличие от лингвистической социологии).

В 1968 г. Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» выпускает сборник «Язык и общество» (со статьями Ф. П. Филина, В. М. Жирмунского, В. Н. Ярцевой, Ю. Д. Дешериева, М. И. Исаева, Т. А. Бертагаева и других ученых)¹, а в 1969 г. Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР — сборник «Вопросы социальной лингвистики»², посвященный проблеме социально-исторического развития языка. Эти сборники включили в себя исследования не только сотрудников академических институтов, но и ряда университетов и педагогических институтов страны.

В первом сборнике обращают на себя внимание: статья Ю. Д. Дешериева «Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики», в которой обосновывается тезис о развитии «общественных функций языков» и намечаются контуры функциональной классификации языков; статьи А. А. Леонтьева «Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты»; М. И. Исаева — о языковом строительстве как одном из факторов развития языка; Л. М. Орлова — о социальных типах современного территориального говора; В. Н. Ярцевой — о проблеме связи языка и общества в зарубежном языкознании (об антропологической лингвистике, о работах неогумбольдтианской школы).

Во втором сборнике, наряду с темами о социальной дифференциации языка, об отдельных социальных диалектах, обсуждаются проблемы лингвистической футурологии (например, язык в обществе, использующем кибернетические машины).

В. В. Виноградов в этот период предпринимает анализ советских и зарубежных исследований по проблемам литера-

¹ Язык и общество.— М.: Наука, 1968.

² Вопросы социальной лингвистики.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. См. также рецензию на этот сборник: Федоров А. В. «Вопросы социальной лингвистики» // Вопросы языкознания.— 1971.— № 5.— С. 123—126.

турных языков ¹, Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко исследуют развитие языков народов СССР в советскую эпоху, сосредоточивая внимание на социально обусловленных закономерностях в их изменении ², начинается пристальное изучение изменений в русских народных говорах советского периода, проводится обследование остатков условных языков (арго) русских ремесленников и торговцев ³, запись лексики различных промыслов и занятий.

В 60-е годы с социолингвистической проблематикой советские ученые выступают на X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте (1967 г.).

Своеобразным итогом изучения языка в аспекте его социальной обусловленности явился вышедший в 1970 г. коллективный труд «Общее языкознание. Формы существования языка, функции, история языка» (Отв. ред. Б. А. Серебренников) ⁴.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ [70—80-е ГОДЫ]

В 70-е годы разворачиваются новые социолингвистические исследования на базе всех языков народов СССР, языков народов Азии и Африки, углубляется социолингвистическая теория, уточняется ее понятийно-терминологический аппарат.

50-летие Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.) советские ученые-языковеды, как было показано выше, отметили успехами в изучении языков нашей страны, в осмыслении того нового, что внесла в языковую жизнь советская действительность. Внимание к социально обусловленным процессам в развитии и функционировании русского языка, добровольно избранного народами нашего многонационального государства в качестве языка межнационального общения, ко всем языкам народов нашей страны усилилось в связи с подготовкой к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик (1972 г.) и 60-летию

¹ Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития.— М.: Наука, 1967.

² Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху.— М.: Просвещение, 1968.

³ Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: К проблеме соотношения языка и диалекта.— Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967; Орлов Л. М. О методике изучения социальной и стилистической дифференциации в народных говорах // Исследования и статьи по русскому языку.— Волгоград, 1972.— Вып. 3.— С. 168—217.

⁴ См.: Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка.— М.: Наука, 1970.

Великого Октября (1977 г.). Были подготовлены и опубликованы капитальные исследования по социальной лингвистике, поставившие ее в ряд ведущих направлений в советском и мировом языкознании.

Значительное число работ было посвящено раскрытию общественных функций русского языка как национального языка русского народа, как языка межнационального общения и единения народов СССР, как одного из международных (мировых) языков нашего времени.

Показательны сами названия этих трудов: И. К. Белодед. «Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе» (1972), «Русский язык в современном мире» (1974), «Русский язык — язык межнационального общения народов СССР» (1976), «Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР» (1976), «Развитие национально-русского двуязычия» (1976), «Русский язык как средство межнационального общения» (1977), И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижская. «Русский язык как источник обогащения языков народов СССР» (1978), «Культура русской речи на Украине» (1976) и т. д.

Научный совет по проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» в 1969—1976 гг. опубликовал 4 выпуска капитального труда «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху»¹. Последний из этих выпусков посвящен развитию общественных функций литературных языков народов Советского Союза — русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, грузинского, азербайджанского, литовского, молдавского, латышского, киргизского, таджикского, армянского, туркменского, эстонского и др.

Более чем полувековое развитие нашего многонационального первого в мире Советского государства характеризуется необычайным сплочением, единением всех народов и народностей, входящих в Союз Советских Социалистических Республик. В результате единства социальной, экономической, культурной жизни и марксистско-ленинской идеологии сформировалась новая историческая общность людей — советский народ. В Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза отмечено: «Советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная

¹ Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — М.: Наука, 1969—1976. — Вып. I—IV.

единством экономических интересов, идеологии и политических целей»¹.

Языковое строительство, воплощение идей ленинской национальной политики привело к формированию языка межнационального общения, к гармоническому национально-русскому двуязычию. И эти явления в жизни народов СССР закономерно стали одной из центральных научных тем лингвистических институтов и учреждений Академии наук всех союзных республик. Началась разработка научных программ исследований и практических мероприятий по теме «Роль русского языка как средства межнационального общения». Избрание народами нашей страны русского языка в качестве средства межнационального общения советского народа единодушно осознается как одно из условий строительства нового общества, как один из факторов, способствующих объединению совместных действий всех наций и народностей страны по совершенствованию развитого социализма. Советские языковеды активнее исследуют лингвистические проблемы, связанные с современным общественным развитием и научно-технической революцией. Так, в 1976 г. в г. Житомире была проведена республиканская (УССР) конференция по проблеме «Научно-технический прогресс и язык», а через два года АН УССР публикует по этой теме монографию, посвящая ее таким актуальным вопросам, как: 1) пути образования новой терминологической лексики, 2) язык современного публицистического стиля, 3) создание общего терминологического фонда языков народов СССР.

Процессы образования общего лексического фонда (терминологического и нетерминологического) в языках народов нашей страны, роль русского языка в формировании такого фонда рассмотрены во многих публикациях 70-х годов, в частности в книге И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект» (1975). В работах об интернационализмах все чаще ставится вопрос о русском языке как источнике интернационализмов², о функционировании русских слов в языках мира³.

Вместе с вовлечением в сферу социально ориентированного изучения нового материала наблюдается усиление социолин-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1986.— С. 53.

² См.: Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / Под ред. А. Ф. Федорова.— Изд-во Харьковского ун-та, 1972.— С. 180—182.

³ См.: Брагина А. А. Русское слово и языках мира.— М.: Просвещение, 1978.

гвистического аспекта в разработке таких традиционных для русистики и общего языкознания тем, как возникновение славянских (восточнославянских) языков, язык и культура русского народа, человек и язык, развитие языка и т. п. Примером нового, социально-исторического подхода к решению проблемы являются, например, исследования известных советских филологов Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972). Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (1973), Р. А. Будагова «Человек и его язык» (1974), «Что такое развитие и совершенствование языка?» (1977) и др.

Для советского языкознания 70-х годов характерно стремление к постановке больших теоретических проблем, к решению их с позиции марксистско-ленинского учения об общественной природе языка и его связи с мышлением. «Два главных положения могут рассматриваться как фундаментальные для разработки марксистско-ленинского языкознания — принцип социальной и принцип неразрывной связи языка и мышления», — пишут авторы коллективного доклада «Основные проблемы марксистского языкознания», прочитанного на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания (Москва, 1974 г.)¹. «Формы существования языка, его дифференциация на территориальные и социальные диалекты, жанрово-стилистические пласты и развитие терминологических систем — все это, — продолжают авторы доклада, — в конечном счете является результатом тех условий, в которых функционирует язык, осуществляя свою роль важнейшего средства общения»².

Социолингвистическая проблематика широко представлена как на пленарных заседаниях этой конференции, где обсуждались такие проблемы, как предмет социальной лингвистики, функционирование языков народов СССР в условиях расцвета социалистических наций, развитие языка в эпоху научно-технической революции, языковая политика и языковое строительство в СССР, зарубежные направления социолингвистики и др.³, так и в специальной секции «Социолинг-

¹ См.: Ярцева В. Н., Колшанский Г. В., Степанов Ю. С., Уфимцева А. А. Основные проблемы марксистского языкознания: Доклад на Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкознания. — М., 1974. — С. 4.

² Там же. — С. 5.

³ См.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.): Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. — М., 1974.

вистические проблемы языка. Теория литературных языков»¹.

В середине 70-х годов опубликованы работы, в которых непосредственно анализируется социалингвистика как направление в науке о языке, определяется ее предметная область, понятийный аппарат, методы исследования. Среди исследований этого рода следует прежде всего назвать «Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социалингвистики)» В. А. Аврорина, «Социальная лингвистика (К основам общей теории)» Ю. Д. Дешериева, «Современная социалингвистика. Теория, проблемы, методы» А. Д. Швейцера, «Синхронная социалингвистика (Теория и проблемы)» Л. Б. Никольского, а также первое учебное пособие, предназначенное для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки», — «Введение в социалингвистику» А. Д. Швейцера и Л. Б. Никольского.

Одной из задач, которые решали в эти годы советские языковеды, была разработка принципов описания языков мира, в том числе таких описаний, которые учитывали бы социально-стилистическую многослойность языка. Идут поиски «единицы» описания внешней системы языка (в отличие от его внутренней структуры), ее типичных состояний и ситуаций², намечаются пути исследования языка с учетом его сложнейшей социальной, профессиональной, стилевой, пространственной и внутренней дифференциации.

«Дифференциация языка, — указывает акад. Г. В. Степанов, — является реальным фактом, и операции лингвистов с фрагментами языка — диалектами, поддиалектами, стилями, подъязыками, регистрами, кодами, субкодами, стратами, социолектами, технолектами, полудиалектами, локализмами, вариантами, подсистемами, идиолектами и т. д. — вполне оправданны. Однако не следует забывать, что все эти «подъединицы» не составляют отдельных языков, а являются частью единого языка, и само дробление, реализующееся в языке, становится предметом изучения лингвистов под каким-нибудь углом зрения с целью увидеть конкретный язык во временной перспективе, в пространственной, в социальной»³.

¹ Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.): Тезисы докладов секционных заседаний. — М., 1974. — С. 3—25.

² См.: Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М.: Наука, 1976.

³ Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой // Принципы описания языков мира. — М.: Наука, 1976. — С. 162.

Внимание лингвистов привлекли профессионально-отраслевые лексические системы, просторечие как социально-стилистическая категория, групповые жаргоны (сленг)¹, условные языки (арго)² и другие.

Вместе с разработкой теории речевого воздействия (прагматики, прагмалингвистики) и — шире — теории речевой коммуникации был поставлен вопрос о соотношении этих новых дисциплин с социалингвистикой (Г. В. Степанов³, Л. А. Киселева⁴ и др.).

Широкое социально-лингвистическое исследование современного русского языка, предпринятое сотрудниками Института русского языка АН СССР с использованием специально составленных вопросников для выявления вариантов в произношении, морфологии, словообразовании, получило отражение в книге «Русский язык по данным массового обследования (Опыт социально-лингвистического изучения)» (1974). Эта работа по своему содержанию и методике сбора и обработки материала продолжает исследования, проводившиеся в 60-е годы по проблеме «Русский язык и советское общество».

Советские языковеды внимательно изучают работы по социологии языка зарубежных специалистов из стран народной демократии (ЧССР, ПНР, ВНР, НРБ, ГДР), а также публикации социалингвистов США, ФРГ, Англии, Японии, других стран. Так, один из выпусков неперiodической серии «Новое в лингвистике» был посвящен публикациям американских социалингвистов и этнологов⁵. Статьи-информации о содержании социалингвистических работ за рубежом представлены также в книге «Социально-лингвистические исследования»

¹ См.: Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. — Вологда, 1971. — 104 с.; Он же. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. — Вологда, 1974.

² См.: Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: Условные языки как особый тип социальных диалектов / Под ред. и с предисловием чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина. — Рязань, 1974. — Вып. 1; Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев: (Словопроизводство): Учебное пособие по спецкурсу / Под ред. и с предисловием чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина. — Рязань, 1980.

³ См.: Принципы описания языков мира. — М.: Наука, 1976. — С. 154.

⁴ См.: Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. — С. 100 и след.

⁵ См.: Новое в лингвистике: Социалингвистика / Общая редакция и вступительная статья Н. С. Чемоданова. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII. См. также: Новое в лингвистике: Языковые контакты / Составление, редакция, вступительная статья и комментарий В. Ю. Розенцвейга. — М.: Прогресс, 1972. — Вып. VI.

(1976), включающей, в частности, статьи: И. Краус (ЧССР). «К пониманию социалингвистики в Чехословакии», Ф. Папп, К. Э. Кишш (ВНР). «Вопросы социальной лингвистики в Венгрии», У. Лабов (США). «Единство социалингвистики», С. Эрвин Трипп (США). «Социалингвистика в США», Х. Яхнов (ФРГ). «Развитие и проблемы социалингвистики в ФРГ». В 1976 г. был опубликован реферативный сборник «Теория и история языкознания. Проблемы зарубежной социалингвистики». Советские ученые осмысливают конкретные результаты и методологическую сторону исследований американских и других зарубежных социалингвистов с позиции марксистско-ленинской социологии и теории языка. Анализ философских основ главнейших направлений в зарубежной лингвистике, в том числе и социалингвистики, дан в коллективном труде «Философские основы зарубежных направлений в языкознании» (1977).

Социалингвистика в 70-е годы становится одним из важнейших направлений в мировой лингвистике. Большой вклад в укрепление ее позиций внесли советские ученые, языковеды и социологи славянских стран, ученые всех стран социалистического содружества. Наглядное представление о том, что внесено языковедами-славистами в социалингвистическую теорию и практику, дает многотысячный перечень книг и статей (всего свыше 15 тысяч названий), представленный в трехтомной «Комментированной библиографии славянской социалингвистики», выпущенной в 1981 г. в Швейцарии П. Брангом и М. Цюллинг.

В 80-е годы продолжается уверенное выдвижение социальной лингвистики в число влиятельнейших направлений мирового языкознания, нарастание объема публикаций, повышение их научно-теоретического уровня, совершенствование методов и приемов исследований.

Сама социалингвистика осознается как широкая и неоднородная по проблематике и объектам область языкознания. Наряду с синхронной выделяется диахроническая социалингвистика. Наряду с социально ориентированным изучением отдельных языков (частная социалингвистика) начинаются поиски типологически сходных социалингвистических закономерностей, причем как в генетически родственных, так и неродственных языках (сопоставительная социалингвистика). Ставится вопрос о разграничении направлений социалингвистики в зависимости от степени прозрачности социальной природы изучаемых явлений (менее «прозрачными» явлениями занимается ингерентная социалингвистика.

более прозрачными, осознаваемыми самими говорящими, — адгерентная социолингвистика¹).

Наряду с дифференциацией самой социолингвистики продолжается уточнение ее предмета, а также контактов с другими, как традиционными, так и новыми областями лингвистики, в особенности с психолингвистикой. Сопоставление объектных и предметных областей этих двух дисциплин обнаруживает идентичность их объектных областей и несовпадение в предметных. Как отмечает Е. Ф. Тарасов, «в объектную область обеих дисциплин входят взаимодействующие в структуре социальных отношений личности и речь этих личностей... Социолингвисты, принимая без доказательств тезис о детерминации психики некоторыми внешними факторами, выводят его за пределы своей предметной области. Для психолингвистики, напротив, проблема детерминации психики человека является центральной...»².

Социолингвисты в силу коммуникативно-деятельностного истолкования языка и всех видов его проявления начинают усиливать функционально-социальный план исследований по истории литературных языков³, стилистике, культуре речи, лингвострановедению, лингвистике текста, терминологии, ономастике⁴. В поле зрения попадают и новые объекты, такие, как функционирование массовой коммуникации (язык газеты, радио, кино, телевидения), сознательное воздействие на язык, научное управление языковой жизнью народов СССР, взаимодействие языка и национальной культуры, роль русского языка в процессе интернационализации духовной культуры советского народа. Среди публикаций 80-х годов, посвященных общетеоретической и конкретно-социолингвистической проблематике, следует назвать монографии: «Теоретические проблемы социальной лингвистики» (1981), «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР» (1982), «Онтология языка как общественного явления» (1983), «Функционирование языка в близкородственном языковом окружении» (1981), а также монография «Современное зару-

¹ См.: Ахманова О. С., Данчинова И. А. Социолингвистика в свете эвристики и онтологии языка // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — С. 45—46.

² Тарасов Е. Ф. Социолингвистика и психолингвистика // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — С. 140—164.

³ См.: Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М.: Наука, 1981.

⁴ Социолингвистический аспект имени собственного (к XV Международному конгрессу по ономастике, 13—17 авг. 1984 г., Лейпциг): Научно-аналитический обзор. — М., 1984.

бежное языкознание» (1983), которая посвящена критическому анализу методологических направлений и концепций современного западноевропейского и американского языкознания в освещении проблем общественного функционирования и развития языка, методологии его исследования.

Углубленному изучению подвергается историческое развитие языка как проявление его социальной природы. В поле зрения попадают все важнейшие периоды его истории, начиная с возникновения человека и языка в процессе трудовой деятельности и кончая рассмотрением языковой коммуникации современного общества, в частности языковой жизни в СССР, где сформировалась новая историческая общность людей — советский народ — и осуществляется в условиях реального социализма исключительно важная по своим социальным, культурным и лингвистическим последствиям научно-техническая революция.

Социолингвисты, проникая в сущность и закономерности внутренних и внешних (социальных) причин языковых изменений, все глубже осознают сложный, диалектический характер собственно языковых и внеязыковых стимулов развития и совершенствования языка и, исходя из этого, совершенствуют методы и приемы своей работы ¹.

Содружество социалистических государств, общность их марксистско-ленинской идеологии, тесное сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах позволяют приступить к осуществлению межгосударственных исследований по проблемам языкознания. С 1980 г. языковеды Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики приступили к выполнению целевой программы, которая посвящена рассмотрению функционирования национальных языков в социалистическом обществе на его современном этапе развития. К концу 1985 г. ученые европейских социалистических стран подготовили коллективную монографию, посвященную этой теме, где представлены следующие тематические направления:

1) Марксистско-ленинские принципы языковой политики в период современного развития социалистического общества и его строительства.

2) Анализ и выявление роли социальных факторов, воздействующих на общественные функции и структуру нацио-

¹ См.: Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, 1982; Общее языкознание / Под общей ред. А. Е. Супруна. — Минск: Высшая школа, 1983. — С. 359 и след.

нальных языков и формы их существования (т. е. литературных и нелитературных форм) в период современного развития социалистического общества и его строительства.

3) Теоретические и методологические принципы языковой культуры, в особенности проблематики задач языковой культуры, способов и средств регуляции и воздействия на язык.

Касаясь проблематики первого тематического направления, известный языковед Ян Петр подчеркивает, что языкознание может и должно прогнозировать «направленность развития как самого языка, так и его функций, учитывая перспективы экономического и общественного развития социалистического общественного строя»¹. Имеется в виду прежде всего «будущее развитие национальных языков, активное воздействие на этот процесс, предвидение появления в будущем некоторых новых его особенностей в рамках развития науки, при использовании языка в средствах массовой коммуникации, в технике, в процессе обучения языку, а также в процессе воспитания и профессионального обучения широких народных масс». Уже теперь предпринимается сознательная унификация терминологических систем в межнациональном масштабе, выработка «языков» для коммуникации в системе «человек — машина — человек» (роботика, автоматика, управление электронно-вычислительной техникой посредством устной речи и т. п.).

Языковеды-ученые и преподаватели-словесники вовлечены в практическую работу по реализации «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы», в которой видное место отведено изучению родных языков и русского языка, свободное владение которым признается нормой для выпускников средней школы всех республик нашей страны.

Десять лет назад составители сборника «Социально-лингвистические исследования» отмечали существование в нашей стране нескольких научных центров, ведущих систематическую работу по социалингвистике: в Москве — Институт языкознания, Институт русского языка, Институт востоковедения АН СССР, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, в Ленинграде — Институт языкознания АН СССР и Ленинградский университет. Кроме того, назывались города: Саратов, Новосибирск, Красноярск. В настоящее время их число возросло. География социалингвистических исследований расширилась и покрывает теперь почти всю страну. Киев, Минск, Ташкент, Алма-Ата, Баку, Кишинев, Вильнюс, Рига, Таллин,

¹ См.: Вопросы языкознания. — 1984. — № 5. — С. 105.

Душанбе, Фрунзе, Ашхабад, Тбилиси, Ереван — столицы всех союзных, а также многих автономных республик и областей (Казань, Орджоникидзе, Саранск и др.) стали центрами исследования национально-русского двуязычия и других проблем социалингвистики. Интересные сборники и монографии по социальному аспекту языка подготовлены и опубликованы в Горьком, Калининне, Пензе, Перми, Свердловске, Днепропетровске, Барнауле.

Шире, чем в 60—70-е годы, представлены доклады советских социалингвистов на международных конгрессах лингвистов (Токио, 1982 г.), славистов (Киев, 1983 г.), русистов (конгресс МАПРЯЛ, Прага, 1982 г.), социологов (Мехико, 1982 г.). Сама социалингвистика, призванная изучать все проявления общественной природы языка в его строении и функционировании, советскими лингвистами понимается не как добавление, довесок, пусть и весомый, к несоциальной теории языка, а как качественно новая ступень познания языка — важнейшего средства общения. Убедительно сказал об этом Р. А. Будагов: «...с позиции языка как «практического, действительного сознания» социальная природа языка пронизывает весь язык, все его уровни и категории. В этом случае речь идет не о прибавлении социальной теории языка к несоциальной теории, а о принципиально ином осмыслении природы языка, а следовательно, и его социальной сущности. Это — совсем не одно и то же»¹.

¹ Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. — С. 37.

Глава III

СИНХРОННАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМАТИКА СИНХРОННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Разграничение лингвистик на синхронную и диахроническую, связываемое с именем Ф. де Соссюра, было вызвано стремлением преодолеть объективную трудность одновременного исследования и описания: а) системы языка, т. е. его элементов в их синхронных взаимосвязях и взаимоотношениях, б) динамики языковых элементов и языка в целом, т. е. их описания под совершенно иным углом зрения — с позиций исторического развития. И хотя современная наука не признает убедительными конкретные аргументы Ф. де Соссюра, выдвинутые им для обоснования в целом верного тезиса: «...синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции...», синхрония обозначает «состояние языка», диахрония — «фазу эволюции», — тем не менее четкое разграничение задач этих двух лингвистик и выбора разных методов решения «синхронических» и «диахронических» проблем признается оправданным и плодотворным не только для «внутренней», или «чистой», лингвистики, но и для социолингвистики. Более того, в современной социолингвистике различие синхронного, одновременно существующего, и диахронического, последовательно сменяющегося во времени, осознается как непременимое условие соблюдения принципа научности в описании языка и его функционирования в конкретных общественно-исторических условиях. Синхронная социолингвистика и диахроническая социолингвистика, несмотря на их новизну, воспринимаются как вполне закономерные направления социальной лингвистики.

Объектом синхронной социолингвистики являются все формы существования языка, функционирующие в определенный период истории общества в основных сферах человеческой деятельности. Большинство работ по синхронной социолингвистике касается современного периода языковой жизни того или иного народа, государства, лингвистического региона,

всего мира. Из этого вовсе не должно следовать отождествления «синхронности» с «современностью». Синхронным может быть изучение языка (языковой ситуации и ее компонентов) любого из прежних периодов жизни языка, например: древнерусского языка X в., древнерусского языка XIII в., старорусского языка XVII в., русского языка XIX в. Важно, чтобы подвергаемые анализу факты находились в одной хронологической плоскости, а не брались произвольно из разных эпох.

Исследование современных социолингвистических ситуаций оказывается методологически важным в виду доступности объекта наблюдения, возможности проведения проверок, уточнений, применения эксперимента. На синхронном исследовании современного языкового материала можно с большей точностью выделить предметы и единицы социолингвистического анализа, отработать процедуру исследования, модели описания, проверить объяснительную силу выдвинутых концепций и теорий, создать понятийно-терминологический аппарат и т. п., что затем может быть использовано для социолингвистического описания других, более отдаленных от нас хронологических срезов, а также и для соответствующих диахронических исследований.

Как нет единого мнения о предмете социолингвистики, так, естественно, различны представления и о содержании синхронной социолингвистики. Что изучает она? Какова сфера ее компетенции?

Л. Б. Никольский полагает, что для синхронной социолингвистики «существенны прежде всего те языковые явления и процессы, которые обусловлены и объясняются социальными факторами прямо и непосредственно»¹.

В числе проблем и объектов синхронной социальной лингвистики обычно называют: изучение функций языка в обществе (основных функций и функций «частных», т. е. «социальных», «общественных»), выделение форм существования языка, вычленение сфер общения и характеристика используемых в них форм существования языка, функциональная стратификация языка (языков) и отдельных форм их существования, изучение языковых ситуаций и состояний, разработка методов и приемов социолингвистического изучения языка (языков), в частности таких двух путей, когда исследователь отталкивается от языка и движется к социальной структуре общества или, напротив, отталкивается от структуры общества и идет к исследованию функционирующего в нем языка (языков).

¹ Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы. — М.: Наука, 1976. — С. 36.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА

Общие принципы выделения форм существования языка

Исследуя проблему «язык и общество», ученые вычленили и осмыслили значительное число категорий и понятий, помогающих составить представление о закономерностях функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности. Выделенные научные понятия касаются как общества (социум, языковой коллектив, речевой коллектив, сфера общения, среда общения), так и языка (язык, диалект, устно-разговорная форма языка, письменно-книжная форма языка, койне, язык народности, язык нации, литературный язык, типы литературного языка по выполняемым функциям, функциональные стили, состояние языка, внешняя система языка (социально-коммуникативная система и ее компоненты), языковая ситуация, виды языковой ситуации, коммуникативная среда и ее типы и т. д. и т. п.).

Форма существования языка — это одна из конкретных форм его структурной организации и функционирования в человеческом коллективе.

Форм проявления языком своего социального назначения — быть средством общения — в языках мира много. Множество форм существования языка обусловлено разнообразием исторических, социальных, культурных и других жизненных условий и потребностей социумов, неповторимостью конкретных обстоятельств, в которых складывается, развивается и функционирует тот или иной язык, удовлетворяя коммуникативные запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных, возрастных, половых групп.

Несмотря на принципиально очень значительное разнообразие структурного и функционального воплощения языка как средства общения людей, есть повторяющиеся, наиболее типичные формы его жизни в обществе. Сходство функционально-типологических черт многих языков позволяет выделить главные формы существования языка и оперировать ими как единицами, набор и взаимодействие которых может характеризовать состояние языковой жизни того или иного этноса, государства, географического региона, а при подключении других параметров — лингвистическое состояние всего человечества в определенный момент его развития.

К сожалению, изучение форм существования языка только начинается. Еще нет общепринятой терминологии для самой этой категории — для ее обозначения употребляют такие тер-

мины, к тому же не всегда однозначно понимаемые, как «форма существования языка», «языковое образование», «подсистема языка», «компонент социально-коммуникативной системы», «языковое единство», «идиом», «код», «лингвема» и др. Не разработаны единые принципы выделения форм существования языка и отграничения их от других, сходных и взаимодействующих с ними языковых явлений. Нет единого представления о содержании конкретной формы существования языка в различные исторические периоды, о соотношении наиболее общих и типичных форм существования языка, их иерархии. Слабо разработаны вопросы типологии отдельных разновидностей форм существования языка, например, пока нет общепринятых классификаций социальных диалектов, креольских языков, языков специального назначения (ритуальных и т. п.).

Что же такое «форма существования языка»? В. А. Аврорин предложил следующее определение этого понятия социолингвистики: «Это самостоятельные языковые структуры, естественно объединяющиеся в группы с различной иерархией по признаку общности исходного материала и потому в принципе доступные пониманию в пределах одного народа, но различающиеся по уровню совершенства, универсальности и по преимущественным сферам использования»¹.

В этом определении обращено внимание на четыре признака, свойственных форме существования языка: 1) материальная общность «исходного материала», т. е. звукового строя, грамматического строя (морфологии, синтаксиса) и значительной доли словаря, чтобы быть понятным «в пределах одного народа»; 2) определенная системность и самостоятельность структуры каждой из форм существования или каждой группы рядоположенных форм существования (например, всех территориальных диалектов); 3) несовпадение, даже принципиальное разделение сфер их использования; 4) различие в уровне совершенства, в коммуникативных возможностях, вызванное преимущественным использованием их в разных по сложности сферах общения.

Таким образом, речь идет о разных формах, о разных ипостасях существования одного и того же языка (этноязыка). В. А. Аврориным предложен перечень форм существования языка и их разграничение на основные и второстепенные. Мы предлагаем несколько иной набор форм существования языка.

К основным формам существования языка относим: 1) литературный язык; 2) народно-разговорный язык; 3) койне (над-

¹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. — Л.: Наука, 1975. — С. 53.

диалектное образование, интердиалект); 4) просторечие; 5) язык-пиджин; 6) креольский язык; 7) территориальные диалекты; 8) некоторые типы социальных диалектов.

В функционально-целевом отношении основные, или важнейшие, формы существования языка предназначены прежде всего для объединения с помощью языковых контактов «всего народа, его территориального или социального подразделения» (В. А. Аврорин).

Второстепенные формы существования языка — это некоторые типы социальных диалектов (в частности, тайные арготворцев и ремесленников-отходников, групповые жаргоны), ритуальные языки, кастовые языки, половые варианты «языка» (мужские и женские «потайные» языки) и др. Их главное назначение иное — не объединение, а обособление определенных социальных, профессиональных и возрастных групп, составляющих меньшую часть народа.

В группировке В. А. Аврорина не определено место таких языковых образований, как языки-пиджины (лингва франка) и креольские языки, выступающие средством общения для лиц разной этнической (языковой) принадлежности. Признавая их языками-гибридами с упрощенной структурой (например, в кяхтинском русско-китайском «наречии» превалирует русская лексика и упрощенная, редуцированная грамматика), В. А. Аврорин указывает на их близость к койне, имея в виду главным образом их «социальное назначение»: «Привнесение значительного элемента искусственной гибридизации и механического упрощения дает близкие к койне по социальному назначению языки межнационального общения, так называемые «креольские» языки типа pidgin English в портах Южного Китая, lingua franca на Средиземном побережье, негритянско-английские, негритянско-французские, негритянско-португальские языки в Африке»¹. Сходство пиджинов и креольских языков с койне (интердиалектами) по основной социальной цели — объединить разноязычных людей хотя бы примитивным средством общения — позволяет данные формы существования языка отнести к первой группе.

Вероятно, к группе «объединительных» языковых образований можно отнести и искусственные вспомогательные языки типа эсперанто, создаваемые специально для преодоления языковых барьеров, причем не только при устном, но и письменном общении. Правда, в этом случае мы сталкиваемся с таким несоответствием подобных языков типичным формам су-

¹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. — Л.: Наука, 1975. — С. 61.

ществования, как отсутствие у них «общности исходного материала» и — как следствие этого — непонимание этих языков лицами, специально не изучавшими их.

Нам представляется в этой связи слишком жестким определение формы существования языка, данное В. А. Аврориным, в частности введение такого критерия, как доступность понимания в пределах одного народа. Критерий понимания в значительной мере субъективен. Понимаем ли мы специалистов-математиков, когда они ведут научную беседу, используя профессиональную математическую терминологию? Понимают ли жаргон студентов не знакомые с ним посетители литературного языка, территориальных диалектов и других форм существования того же языка? А тайные языки?.. Они создаются как раз для того, чтобы исключить понимание со стороны непосвященных. Впрочем, по поводу тайных аргов, не укладывающихся в очерченные рамки форм существования языка, В. А. Аврорин замечает: «Это скорее не естественные, а искусственные языки, и им нет места среди объектов нашего исследования»¹. Думается, что аргов тоже часть языка (хотя бы потому, что его лексика создается по законам соответствующего языка, а грамматика полностью совпадает с общепарадной грамматикой) и тоже должны включаться в число форм существования языка.

«Формы существования одного языка, — справедливо подчеркивает В. А. Аврорин, — иерархически связаны между собой или как целое и его часть, или как универсальное и ситуативное, или как более совершенное и менее совершенное»².

Хотелось бы обратить внимание на такие признаки-противопоставления форм существования языка, как «универсальное — ситуативное», «более совершенное — менее совершенное». Эти признаки относятся не к структурной, а в основном к функциональной стороне рассматриваемых объектов. Между тем, В. А. Аврорин предостерегает от смешения форм существования и функций, всячески разъясняя, что у всех форм существования языка функции одни и те же (общезыковые, «языка вообще», а не специфические). Специфика разных форм существования, по мнению автора, не в особых функциях, а в их структуре и в «особенностях их использования в социальных нуждах». «Каждая из форм существования языка, — пишет В. А. Аврорин, — способна выполнять свойственные языку функции, но ни одна из них не может сама считать

¹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. — Л.: Наука, 1975. — С. 65.

² Там же. — С. 67.

ся функцией»¹. И это, безусловно, верно, как верно и то, что «функции языка и формы существования — это его характеристики, лежащие в разных, хотя и взаимодействующих, но нигде не пересекающихся плоскостях, столь же самостоятельных, как структура языка и его функции»². И тем не менее, если признавать разный уровень (более высокий, промежуточные и предельно низкий) организации языковой структуры различных форм существования языка, то придется признать «взаимодействие» и — более того — взаимную зависимость структуры и функции. Более совершенная и богатая структура литературного языка, естественно, будет способна выполнять больший объем функций. Другое дело — как называть их — общественными, социальными, частными... но все же это функции, а не просто социальные нужды, цели или «общественные назначения».

Переходя к описанию отдельных форм существования языка, считаем нужным характеризовать их прежде всего с социальной и функциональной стороны, по возможности сочетая их функциональные характеристики с собственно языковыми.

Литературный язык

В статье, написанной для популярного издания, акад. В. В. Виноградов, один из авторитетнейших специалистов по литературному языку, вынужден был признать: «Трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык». Различное понимание литературного языка обусловлено исключительным разнообразием его конкретных национальных форм в современно-синхронном плане и еще большим разнообразием исторических форм литературного языка.

Ф. П. Филин, обобщив опыт советских лингвистов в изучении литературных языков, преимущественно национального периода, назвал семь признаков, сочетание которых дает определение литературного языка, приложимого к современному русскому, польскому, английскому, немецкому, французскому, испанскому и многим другим национальным языкам. Эти признаки следующие: 1) обработанность; 2) нормированность; 3) стабильность; 4) обязательность для всех членов об-

¹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики.— Л.: Наука, 1975.— С. 68.

² Там же.— С. 68.

щества, владеющих им, ведущая роль в системе разновидностей национального языка; 5) стилистическая дифференцированность; 6) универсальность, т. е. обслуживание всех сфер общения (производства, общественно-политической и культурной жизни, науки, быта и т. п.); 7) наличие устной и письменной разновидности¹. Конечно, набор признаков «литературности» языка этим не исчерпывается. С другой стороны, этот набор не является обязательным для всех литературных языков, известных науке. Так, применительно к литературному языку донационального периода эти признаки «в полном наборе не обнаруживаются»; например, в большинстве донациональных литературных языков отсутствует нормированная устная разновидность. Тем не менее отказывать в «литературности» многим письменным языкам средневековья на этом основании было бы неверно. Полную социолингвистическую характеристику литературного языка дал В. В. Виноградов: «Литературный язык — общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов — язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменного бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающейся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и устной. Вот почему различаются письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям»².

Итак, л и т е р а т у р н ы й я з ы к — это главная форма существования национального языка, а также языка народности, обслуживающая самые разнообразные сферы жизни общества, превосходящая все другие разновидности богатством, полифункциональностью, обработанностью и строгостью норм.

В современной научной литературе ставится вопрос об отношении понятий «литературный язык» и «национальный язык», а также об отношении понятий «форма существования языка» и «национальный язык».

Из изложенного выше видно, что литературный язык — одна из частей, одна из форм существования языка нации, а в донациональный период — одна из форм языка народности. «Национальный язык, — говорится в монографии «Общее

¹ См.: Ф и л и п Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М.: Наука, 1981. — С. 176.

² В и н о г р а д о в В. В. Литературный язык // Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. — М.: Наука, 1978. — С. 288.

языкознание», — не является одной из форм существования языка... Под этим термином понимается определенный исторический этап в развитии форм существования языка, соотносенный с процессом становления национального единства. Национальный язык в этом аспекте противопоставляется языку донациональных периодов»¹.

Если придать понятию «форма существования языка» расширительное толкование — как существование языка вообще, то разные стадии существования языка (например, язык (диалект) рода, племени, язык народности, язык нации) можно истолковывать как исторически разные формы существования одного и того же языка, а в общем плане — как разные, противопоставленные в диахроническом плане формы существования языка. Так, известный современный филолог Г. В. Степанов полагает, что национальный язык «может рассматриваться как форма существования языка, т. е. как некий тип бытия языка, противопоставленный другому типу существования»². Среди форм (типов) существования, которые могут быть «исторически разведены», ученый называет: диалект («диалектную форму существования»), общенародный язык (видимо, язык народности. — В. Б.) и национальный язык («национальную форму существования языка») ³. Такой подход в принципе не противоречит изложенному выше синхронному подходу к формам существования языка.

Народно-разговорный язык

Н а р о д н о - р а з г о в о р н у ю ф о р м у с у щ е с т в о в а н и я я з ы к а нередко называют обиходно-разговорной. Это второе название указывает на преимущественную сферу ее использования — каждодневная жизнь, быт, речевой обиход. В принципе народно-разговорная форма противопоставлена, с одной стороны, литературной форме, а с другой, — всем иным формам существования языка, в частности диалектной.

В. А. Аврорин, выделив эту форму существования языка в качестве самостоятельной, показал зыбкость, неопределенность ее границ: «Под народно-разговорной, или обиходно-разговорной, формой понимается любая альтернатива литературной форме, кроме разве что тайных языков как средств

¹ Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970. — С. 530.

² Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. — М.: Наука, 1976. — С. 81.

³ Там же. — С. 30, 31, 84.

ситуативного общения»¹. Принимая во внимание такой параметр, как степень распространенности, разговорную речь (разговорный язык) подразделяют на: а) общенародно-разговорную и б) локализованно-разговорную, или диалектную.

Несмотря на то, что в разговорную речь, если иметь в виду структурный ее тип, а именно: диалогичность, спонтанность проявления, можно включать и территориальные диалекты, в социолингвистическом плане диалекты следует вынести за пределы народно-разговорной формы и считать особой, самостоятельной формой существования языка.

Не вполне ясно отношение народно-разговорного языка к так называемой «разговорной речи» (РР), выделяемой в самостоятельную систему (в частности, в коллективной монографии «Разговорная речь», под ред. Е. А. Земской) и противопоставляемой кодифицированной разновидности литературного языка — «кодифицированному литературному языку» (КЛЯ). «Исследования последнего десятилетия показали очень существенные различия между РР и КЛЯ. Эти различия столь велики, что объединять их в пределах одной системы нет оснований: РР не может быть включена (вернее, втиснута) в систему КЛЯ. Считая, что языковая система характеризуется специфическим набором языковых единиц и специфическими законами их функционирования, мы признаем РР особой, отличной от КЛЯ системой»². По-видимому, отождествлять народно-разговорную и разговорную речь (РР) носителей литературного языка нельзя. Вместе с тем нет достаточных оснований и для резкого их противопоставления.

Не менее сложны отношения народно-разговорного языка и более сниженных нелитературных образований — просторечия и других наддиалектных форм речи (койне, интердиалектов).

Некоторые авторы включают просторечие в состав обиходно-разговорной речи. Так, М. М. Гухман пишет: «В таких языках, как русский или французский, наряду с устными стилями литературного языка существуют нелитературные стили обиходно-разговорной речи, так называемое просторечие. Отличие этих стилей заключается в использовании нелитературных пластов лексики и относительно свободных синтаксических построений. Ср. совр. русск. *пока, зажиться, брешешь, сметаться, погодка у нас нормальная, облаять, не заматайте мою книгу*. Соотношение этих нелитературных стилей и стилей литературного языка меняется в результате определенных

¹ Аврорин В. А. Указ. соч. — С. 56.

² Разговорная речь. — М.: Наука, 1973. — С. 17—18.

аварского языка, издавна используется аварцами для общения с представителями иных диалектов этого языка. Задолго до революции на болмаце стали издаваться многочисленные произведения религиозного характера, которые определенным образом воздействовали на последующее развитие аварского литературного языка. На этом языке после Великой Октябрьской социалистической революции появились и первые произведения молодой аварской художественной литературы. Существование у аварцев языка междиалектного общения во многом облегчило процесс формирования и развития аварского литературного языка»¹.

Просторечие

Просторечие — компонент языка, противопоставленный, с одной стороны, литературной разговорной речи, с другой, — территориальным диалектам. У него свой состав носителей, или, по терминологии Е. Д. Поливанова, свой «социальный субстрат». «Три сферы современной устной речи — диалект, просторечие, литературная разговорная речь — различны между собой прежде всего по составу носителей»².

Подобно другим языковым явлениям, просторечие — категория историческая. Оно неодинаково в разные периоды своего развития как в структурно-лингвистическом, так и в функциональном плане. Не остается постоянным и социальный состав его носителей. Исторически различны и источники просторечной «языковой материи». Так, если в XIX — начале XX в. городское просторечие русского языка «формировали диалектное словоупотребление и городское койне, то к 60-м годам нашего века такими языковыми доминантами становятся жаргоны и «мещанизмы» разного рода. Различие этих двух просторечных стихий очевидно»³.

Просторечие обычно не называют в числе форм существования языка, хотя в реальности его присутствия в языке сомневаться не приходится. Не заметить просторечия нельзя. Две-три фразы, включающие в себя просторечные элементы, маркируют речь говорящего и сигнализируют о его социальном и культурно-речевом статусе.

Не признают просторечия особой формой существования

¹ М и к а и л о в Ш. И. Литературные языки Дагестана // Вопросы языкознания. — 1955. — № 6. — С. 98.

² Городское просторечие: Проблемы изучения. — М.: Наука, 1984. — С. 11.

³ Там же. — С. 12.

языка, по всей вероятности, потому, что современное просторечие не представляет собой единой системы. Своеобразна и его противопоставленность говорам и литературной разговорной речи: оно противопоставлено им «не как система единиц, а как некий общественно-исторический феномен с весьма невысокой степенью структурной организованности»¹, «элементы языка, маркированные как просторечные, не составляют полных парадигм ни на одном уровне языка»².

Термин «просторечие» многозначен даже применительно к объектам современного синхронного уровня. Им обозначаются: 1) «общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся вне литературного языка» (это в н е л и т е р а т у р н о е п р о с т о р е ч и е), 2) «сниженные, грубоватые элементы в составе самого литературного языка» (л и т е р а т у р н о е п р о с т о р е ч и е). Для наших целей интерес представляет внелитературное просторечие. Именно ему посвящен сборник «Городское просторечие» (М., 1984), где «просторечие понимается как не имеющая системного характера совокупность особенностей речи лиц, не вполне владеющих нормами литературного языка»³.

Признаками просторечия (точнее: современного русского городского просторечия) признаются: 1) ненормированность речи; 2) стилистическая недифференцированность («имманентная нейтральность» с точки зрения стилистики); 3) факультативность употребления, «необязательность для членов данного социума»; 4) бесписьменность; 5) функциональная «монотонность» единиц, распространенность полных синонимов (дублетов).

Несмотря на многие структурные «дефекты» просторечия, есть основания относить его к формам существования, причем к важнейшим, и изучать в социалингвистике в качестве одного из важных компонентов национального языка. Справедливо отмечено авторами труда «Городское просторечие...»: «Просторечие — проблема социалингвистическая, а в социалингвистике действует, как правило, многомерный подход с учетом личностной и социальной характеристики собеседников, их установок, намерений, общего опыта, предыстории и условий протекания разговора. ...Окраска создается не одними собственно языковыми средствами, а комплексом факторов, в том числе и экстралингвистических... Необразованный человек

¹ Городское просторечие: Проблемы изучения.— М.: Наука, 1984.— С. 11.

² Ф и л и н Ф. П. Просторечие // Русский язык: Энциклопедия.— М.: Советская энциклопедия, 1979.— С. 239.

³ Городское просторечие...— С. 2.

не замечает своей неграмотности. Доступные ему языковые средства (особенно в грамматике) применяются потому, что он не располагает иными возможностями, тогда как культурный человек сознательно решает, как ему лучше выразиться. Есть синонимия и у носителя просторечия, только она заметно ограничена, по крайней мере рамками узуса его среды»¹.

В XIX в. русское просторечие было языком городских масс, находившихся во взаимодействии с крестьянским языком, в наше время «это язык необразованных слоев города, а значит, — прежде всего язык старшего поколения»². На наших глазах формируется новое просторечие под воздействием в основном городских социальных диалектов.

Просторечие имеет отличия от литературного нормированного языка на всех языковых уровнях. Приведем примеры³.

Лексика и фразеология: *хворать, хворый, хаять, шибко* (очень), *акурат* (точно), *сперва* (спачала), *серчать, покалякать, психануть, хапать, рехнуться, справить* (одежду), *городьба, численник* (календарь), слова-обращения: *мамаша, папаша, батя; уважать* (любить: я *уважаю борца*), *получка* (зарплата), *приступки* (ступеньки), *салфетка* (скатерть), *мой, твой, ваша, наш* в значении 'муж', 'сестра', 'сын'; *благим матом* (орет), *кишка тонка, лезть в бутылку, на фиг, ни бельмеса* (не знает) и др.

Морфология: *волбсья, -ев, шоферá, токаря́, братья́, стаканы́, разбá, сапогбá, местбв, делбв; красивше, ширше, хужее; ихний дом, ихняя изба, в какйм доме, мавб, тваб, сваб* (вм. *моего, твоего, своего*); *пекешь, пекет, пекем...*, *хотйм* (хочет), *хочим* (хотим), *согинать* (вм. *сгибать*), *пбкласть* (положить), *ложить* (класть), *итить, несть, бресть, везть, привезть, бечь* (бежать), *бёг* (бежал), *убёг, убёгла, полбжь, ляжь* (ляг), *выдь, выйдь, вложь* (вложи), *не бойсь* (не бойся); *разувиши* (разувшись), *раздевиши* (раздевшись), *обумиши, разумиши, раздемиши, поемиши, не емиши; тепёрича* (теперь), *откудова* (откуда), *оттудова, оттеда* (оттуда), *опосля* и др.

Фонетика: преобладание мягкого произношения зубного согласного: а) перед мягким зубным {з'д'л'сь, ко{т'л'л'ета, ра{з'д'л'елаться, {з'д'л'ядей (с дядей), {с'т'летрдкой

¹ Городское просторечие: Проблемы изучения.— М.: Наука, 1984.— С. 17.

² Там же.— С. 7.

³ Приводимые ниже примеры мы наблюдали в городском просторечии Пензы, Куйбышева и ряда других городов. Систематическая подборка материала по просторечию дана в сборнике «Городское просторечие» (М., 1984), в статьях Л. А. Капанадзе, Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой и др.

(с тетрадкой); б) перед мягким губным: [д'в']*ерь*, [д'в']*ести*, [т'в']*ордый*, [с'м']*ехотá* (смех), о[т'в']*ет*; в словах иноязычного происхождения: по[р]т[в']*ейн*, ко[н]ф'*еты*; губного согласного [в] перед мягким губным: [ф'п']*исать*, [в'м']*есте*; губных: а) перед мягкими заднеязычными: ю[п'к']*и*, де[ф'к']*и*; б) перед мягкими зубными: со[ф'с']*ем*, на бре[в'н']*е*, [в'д']*евять* (часов) и др.; просторечное произношение слов: *грибы*, *принцесса*, *очен* (очень) и др.; вставка согласных между гласными в иноязычных словах типа: радио — *ра́д'ива*, како́ — *какáва*, киоск — *кийо́ск*, проект — *прайе́кт*, хаос — *хаво́с* и др.; стяжение гласных: [накне́] (на окне), [пъднаму́] (по одному), [пабэдьли] (пообедали) и т. п.; постановка ударения на другом слоге по сравнению с литературной нормой: *инстру́мент*, *кило́метр*, *портфе́ль*, *це́мент*, *шбфе́р*, *посла́ла*, *загна́ла*, *случа́й*, *звони́шь* (*звони́т*, *звони́м*, *звони́те*, *звони́ят*), *предло́жил* (*предло́жила*, *предло́жили*), *пони́ял* (*пони́яла*, *пони́яли*), *нача́л* (*нача́ла*, *нача́ли*), *вклеи́ть* (*вклею́*, *вклеи́шь*, *вклеи́т*), *оста́лся* (*оста́лась*, *оста́лись*), *молоде́жь*, *све́кла*, *прóстыня* (*прóстынь*), *рево́лвер*, *туфля́*, *при́говор*, *средствá*, *языки*, *двоюрóдный* и др.

Приведенными примерами мы иллюстрируем с о в р е м е н н о е просторечие, связывая его с определенным контингентом носителей нелитературной формы речи. Еще отчетливее в социальном плане «просторечный» тип выделялся и осознавался специалистами-языковедами в дореволюционное время, в начале XX в. Современный советский диалектолог и историк русского языка С. С. Высотский, а также известные филологи XIX в. и первой трети XX в. Ф. Е. Корш, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаков в разговорном языке Москвы выделяют не только литературный язык («язык образованной части московского населения»), но и другой, хотя и близкий к нему «тип московской речи, а именно городской мещанский говор, говор низших слоев населения, говор необразованных классов, причем (слово класс тут нетерминологично) под этим подразумевались различные социальные группировки, сословные, профессиональные и так далее, речь которых заметно контрастировала с литературно обработанной нормой литературного национального языка»¹.

Итак, просторечие как форма существования языка, контрастирующая и тем самым оттеняющая нормы литературного языка, — один из существенных компонентов языка национального этапа его развития.

¹ Городское просторечие... — С. 25.

Язык-пиджин

П и д ж и н — разновидность смешанного языка, возникающая в результате необходимости общения на разноязычной территории. Первоначально сочетанием «пиджин инглиш» (англ. pidgin English) называли «деловой» (pidgin из business — дело), предельно упрощенный язык, самопроизвольно возникший в многоязычных портах Южного Китая в качестве подсобного средства общения. Его лексика — английская, обычно искаженная в фонетическом плане и семантически: *pusi-pera* — книга, письмо из *pews-paper* — газета, *maгу* — женщина, *pidjon* — птица и др., а грамматика — китайская. Социальный престиж и материальный субстрат пиджина не идет ни в какое сравнение с престижем и богатством полноценного (родного или импортированного и т. д.) языка. Пиджином называют редуцированный вспомогательный язык, который выполняет ситуативно ограниченные коммуникативные функции и не является родным ни для кого из говорящих на нем.

Деловым, торговым по сфере возникновения и применению пиджином было так называемое *кяхтинское* (г. Кяхта — на границе России и Китая), или «китайское наречие русского языка», описанное в середине XIX в. С. И. Черепановым. Основа этого «наречия» — русский язык с предельно упрощенной (на китайский манер) грамматикой — без склонения и без спряжения слов. К кяхтинскому пиджину обращались китайские торговцы городка Маймачень (рядом с Кяхтой) и русские «от взаимного незнания» языков. Русским такой «язык» казался «ломаным», пользование им означалось выражением «говорить по-китайски».

Вот его краткая характеристика.

1. Русские слова без сочетаний согласных, трудных для китайцев, произносятся без искажения, однако с разбивкой на слоги: хорошо — *хо-ро-шо*, молоко — *мо-ло-ко* и др.

2. В словах (словах), где имеется сочетание согласных, появляется вставочный гласный: прошу — *порошу*, два — *дува*, жарко — *жареко*, шампанское — *шампанесеки* и т. п.

3. Глаголы на *-ся* произносятся с финалией *-иза*: бояться — *боиза*, дерутся — *подериза* (приставка *по-* прибавляется ко многим глаголам: гулять — *погули*, ходить — *походи*).

4. Вместо «длинных», сложных по образованию русских слов, употребляют свои сочетания, нередко с новой внутренней формой: *вм. красноречие* — *языка мёда*, *вм. перчатки* — *рука сапоги*.

5. Существительные, прилагательные, числительные, местоимения имеют, как правило, только форму именительного (ис-

ходного) падежа единственного числа, нередко фонетически деформированную: *Семена* — Семен, *дома* — дом, *лошаки хвоста* — лошадиный хвост, *вчера день* — вчерашний день, *медведи коже* — медвежья шкура.

6. Сравнительная степень прилагательных и наречий образуется прибавлением слова *лучше* (*лучше*): *лучше беленьки* — белее, а превосходная — прибавлением наречия *шибко* (*шибки*): *шибки беленьки* — белейший, самый белый.

7. Порядковые числительные по форме не отличаются от количественных: *одина* — 1) «один», 2) «первый»; *дува*, *тери*, *чотыре*, *пяти*, *шесети*, *сема*, *восема*, *девяти*, *десяти*.

8. Личные местоимения имеют формы притяжательных (*моя* вм. я, *твоя* вм. ты, *его* вм. он), их «склонение» осуществляется прибавлением служебного слова (предлога) *за*, которое не имеет дифференцированной и четкой семантики: *за моя* — 1) ко мне, 2) у меня, 3) мой.

9. Время глаголов выражается прибавлением слов *было*, *еса* (*есть*), *буду*: *погули было* — гулял, гуляла; *погули еса* — гуляю, гуляем; *погули буду* — буду гулять.

10. Фразы (диалог китайца с женою русского купца):
— *Илисандера за тиби кака подумай за моя пришел еса?*
(Александра, как полагаешь, зачем я пришел?)

— *Погули еса, господине Далай.* (В гости, господин Далай).

Подобный пиджин, правда на иной основе (русско-норвежской), был в ходу у северных поморов — русских и норвежцев (он носит название «*ruska-norsk*»), его лексика — смесь русских, норвежских, немецких, английских слов.

В большом числе пиджины как вторичные языки межэтнического общения возникали в крупных городах-портах Средиземного моря, в городах (старых и новых) и сельских районах (особенно на плантациях с разноязычным составом сезонных рабочих) Африки, Америки, на островах (Ямайка, Гаити и др.). Языками-источниками пиджинов чаще всего оказывались английский, французский, испанский, португальский и другие европейские языки, языками-субстратами — языки местных этносов.

Креольский язык

В плане социолингвистической характеристики языка особую форму существования представляет креольский язык. На креольских языках говорит около 10 млн. человек. В чем их социальная и лингвистическая специфика? Больше всего креольский язык похож на пиджин. Но между креольским языком и пиджином имеются и существенные различия.

Исходя из этого, целесообразно начать с рассмотрения основного социалингвистического различия между пиджином и креольским языком. Пиджин имеет только «социальный субстрат» (контингент носителей, связанный с торговлей, урбанизацией, миграцией), но не имеет этнического, т. е. ни для одного народа он не является родным, — «креольский язык, напротив, имеет в первую очередь этнический субстрат в лице нового этноса, формирующегося в результате действия определенного этнического процесса — интеграции, этнотрансформационной консолидации или миксации»¹ (этими терминами, предложенными советским этнографом Ю. В. Бромлеем, обозначаются разновидности процесса объединения этносов).

Креольский язык — это в принципе полноценный язык, располагающий обширной лексикой и самостоятельно выработанной грамматикой, способный развиваться по своим внутренним законам, подобно любому естественному языку.

Креольский язык начинает свой путь с пиджина и постепенно перерастает в самостоятельный, хотя и вторичный в структурном отношении, язык. Пиджин никогда не бывает родным языком, он всегда лишь необходимое дополнение к нему; креольский может стать и становится родным (чаще всего во втором поколении лиц, пользовавшихся пиджином) и выполняет в условиях этнической пестроты и разноязычия функции общего, надэтнического и даже межнационального языка.

Общее число носителей креольских языков в настоящее время постоянно растет. Основными являются креольские языки, сформировавшиеся из англоязычных, франкоязычных, испаноязычных и португалоязычных пиджинов².

Несмотря на огромную территориальную разобщенность креольских языков, они имеют структурное сходство, связанное с механизмом их образования из пиджинов и дальнейшего развития в более или менее структурно самобытные языки. Р. У. Томпсон в статье «Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизированные диалекты Старого и Нового Света», отметив, что креолизированные диалекты Нового Света, возникшие на базе различных европейских языков, тем не менее имеют «ряд общих структурных черт», подчеркивает, что такие аналогии не случайны, а подчиняются «единой модели генезиса и развития»³.

¹ Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомский В. Я. Социалингвистическая типология Западной Африки. — М.: Наука, 1984. — С. 47.

² См.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — С. 301—302.

³ Новое в лингвистике. Языковые контакты. — М.: Прогресс, 1972. — Вып. VI. — С. 478.

Так, черты, наблюдаемые им в английских и французских креольских языках Нового Света (в Карибском бассейне), присутствуют в креолизированных португальских диалектах Старого Света (в районе от островов Зеленого Мыса, по берегам Африки, Индийского субконтинента, Малазийского архипелага и восточноиндийских островов до Макао, Гонконга и Шанхая), а также в креольско-испанских диалектах Филиппинских островов. Это такие бросающиеся в глаза особенности, как: а) однотипность их глагольной системы: одна неизменная основа используется для выражения времени, вида, наклонения с добавлением соответствующих частиц: *pwę* (е я съел (*te* — показатель прошедшего времени), *pwę ke* я буду есть (*ke* — показатель будущего времени); б) широкое использование повтора для выражения множественности или интенсивности: *pedra-pedra* — камни, *amigo-amigo* — друзья, *grande-grande* — очень большой, *dulce-dulce* — очень сладкий, *china-china* — китайский народ; *im taak, im taak, im taak* — *bot im no se potin* — Он много болтает, но не говорит ничего (последний пример на креольском языке острова Ямайка); в) употребление существительного со значением 'вещь' в качестве вопросительного местоимения «что?» и др.; г) общие лексико-семантические закономерности, в частности значительная омонимия: как следствие упрощения фонологической системы языка-источника (в языке крио: 1. *at* — сердце (от англ. *heart* [hɑ:t]), 2. *at* — шляпа (от англ. *hat* [hæt]), 3. *at* — повредить (от англ. *hurt* [hɜ:t]) и как результат расширения значения полнозначных и служебных слов (в том же крио: *dem* — 1) личное местоимение 3-го лица мн. числа; 2) указательное местоимение мн. числа; 3) постпозитивный плюративповыделительный формант (от англ. *them* [ðem]).

В настоящее время предпринимаются классификации креолизированных языков (не только с учетом их генетического источника, но и структурных признаков), на повестку дня поставлено составление «общекреольской грамматики».

Территориальные диалекты

Если признать, что в настоящее время на нашей планете насчитывается около 3000 языков и из них лишь 300 имеют письменность, то есть являются безусловно литературными, то окажется, что остальные 2700 языков существуют в виде бесписьменных диалектов. А если учесть, что литературно-письменные языки не являются единственной формой существования соответствующих языков наций и народностей

(для большинства из них, например для русского, немецкого, итальянского и других языков, свойственны территориальные разновидности), то придется признать, что т е р р и т о р и а л ь н ы е д и а л е к т ы — одна из самых распространенных форм существования языка. Что же касается периода до возникновения письменности и литературных языков (чаще всего они возникают одновременно), то на этой стадии территориальные диалекты были, несомненно, главнейшей формой существования языка.

Функциональные и структурные признаки территориального диалекта чаще всего характеризуют через его противопоставление литературному языку. Д и а л е к т — это такая форма существования языка, для которой характерны: а) территориальная ограниченность; б) неполнота общественных функций и как следствие этого — незначительное стилевое разнообразие, в частности наличие стилей, связанных лишь с разговорной формой реализации языка (диалекту как бесписьменной форме несвойственны такие книжные функциональные стили, как официально-деловой, научный, публицистический и др.); в) закреплённость за бытовой и обиходно-производственной сферой общения; г) определенная, исторически обусловленная социальная сфера распространения — среди крестьян и близких к ним социальных групп; д) отсутствие отбора и регламентации языковых средств (существование нормы в виде узуса, а не кодифицированных правил); е) структурная подчиненность диалекта высшим формам существования языка, в частности литературному языку.

Территориальные диалекты — компоненты как национального, так и донационального периода существования языка, причем формирование и расцвет основной массы территориальных диалектов приходится на донациональную стадию, т. е. на социальный тип языка, называемый языком народности. В национальный период, особенно в период формирования социалистических наций, местные варианты языка существуют пережиточно и «тают» под мощным воздействием литературного языка.

Русские территориальные диалекты реально существовали и существуют теперь в виде г о в о р о в. Г о в о р — это наименьшая территориальная разновидность языка, обслуживающая жителей населенного пункта (села, деревни) и имеющая отличительные особенности во всех сторонах языковой системы. В качестве иллюстрации перечислим главнейшие особенности говора с. Ореховки Алексеевского района Куйбышевской области (Ореховка расположена в 100 км от г. Куйбышева на юго-восток). Ему свойственны такие черты:

1) произношение старого *ль* под ударением как *é*: *хлѣп*, *вѣтир*, *нѣ сталé* *;

2) произношение *ё* [ʼo] на месте ударных *е*, *ь* — в тех же случаях, где он звучит и в литературном языке; однако во флексиях глаголов настоящего и будущего времени, а также в местоимениях иногда сохраняется *е*: *видѣть*, *ривѣть*, *пришлѣш*, *пайдѣш*, *найдѣш*, *йийѣ*, *биз нийѣ*;

3) аканье недиссимилятивного типа: *вадá*, *вады́*, *вадѣ́*; в слогах второй позиции [o] и [a] изменяются в [ъ]: *пѣталóк*, *кóльс*, *на́дъ(а)*;

4) яканье ассимилятивно-диссимилятивное, отличное от кидусовской, новоселковской и култуковской разновидностей и известное под названием «ореховское» (см. ниже);

5) фрикативное произношение звука [г] с оглушением его в [х]: *друра* — *дрѹх* (в дальнейшем вместо буквы *у* употребляем *э*);

6) твердое произношение долгих шипящих: *лаши́йна*, *дрóжжы*;

7) наличие *хв*, *х* на месте орфографического *ф*: *сѣрахвáн*, *канхвѣтка*, *хургóн* и др.;

8) губно-зубной [в] (ф): *в бáню*, *в цѣркву*, *ф шкóлу*, *ф чюлáн*, *ф пóгрибе*, *в вадѣ́* и др.;

9) прогрессивная ассимиляция звука [к] после всех мягких согласных: *дóчькя*, *Вáськя* и др.;

10) употребление окончания *-е* и *-ы* в родительном падеже ед. числа 1-го склонения: *у стянѣ́*, *две сестрѣ́*;

11) окончание *-ово*, *-ево* (с изменением [г] в [в]) в родительном падеже прилагательных: *новѣ́ва*, *чистѣ́ва*, *ны́нишнива* и др.;

12) род.-вин. пад. личных и возвратного местоимения на *-е*: *у минѣ́*, *ат тибѣ́*, *прѣ сибѣ́*;

13) окончание *-ть* (мягкое) и формы без *т* (только в ед. числе) в 3-м л. глаголов настоящего и будущего времени: *пришлѣ́ть*, *бирѣ́ть*, *бярѹ́ть*, *пайдѣ́*, *знáя*, *видя́*, *лю́бя* и др.;

14) отсутствие стяженных глагольных форм: *знáить* (*знáя*), *рабóтѣить* (*рабóтѣя*) и др.;

15) лексика говора — типично южнорусская: *карѣ́ц*, *рагáч*, *кóчит*, *дьяжá* и др.

Своеобразие ореховского ассимилятивно-диссимилятивного яканья состоит в том, что при нем на месте этимологических гласных *е*, *ь*, *'а* в первом предударном слоге появляется *'а* не только перед слогом с *и*, *ы*, *у*, *а*, *о* (из *о*, *ѣ*), *е* (из *ь*), но и

* Здесь и далее пользуемся упрощенной транскрипцией, основанной на слоговом принципе русской графики.

перед слогом с гласным *ě* (из *e, ъ*). Произношением 'а перед *ь* ореховское яканье напоминает ассимилятивно-диссимилятивное яканье группы Б, или новоселковского типа (в отличие от кидусовского и култуковского), а произношением 'а перед слогом с *ě* — яканье култуковского типа (в отличие от кидусовского и новоселковского). Звук [и] в ореховском яканье закономерно появляется лишь в одной фонетической позиции — перед слогом с *e* (из *e, ъ*). Таким образом, судьба старых предударных *e, ъ*, 'а в этом яканье зависит не только от того, к *ь* или к *e* восходит *e* ударного слога, но и от того, как *ě* или как *e* произносится этимологический *e* (а также *ъ*): перед слогом с *ě* слышится 'а (*вясѣлый, бярѣза*), перед слогом с *e* — и (*висѣлья, плитѣнь*).

Приведем соответствующие примеры: *глядѣй, бяды, нясѣ, вялю, дяржѣли, сямья, нявѣста, вялѣла, бярѣза, вясѣлый, Сярѣжа, сядѣлка, дянкѣ, сямьѣй, дирѣвня, дитѣй, плитѣнь, римѣнь, двирѣй, винѣц, рипѣй, свичѣй* и др.

Совокупность более или менее однородных говоров образует н а р е ч и е. В русском языке два наречия — с е в е р н о р у с с к о е (для входящих в него говоров характерно: 1) оканье; 2) взрывное произношение звука [г]; 3) окончание -я в родит. и винит. пад. ед. числа личных местоимений *я, ты* и возвратного *себя*; 4) -т (твердое) в окончаниях глаголов 3-го л. ед. и мн. числа настоящего и простого будущего времени; 5) наличие слов: *кови, кашня, сковородник, зыбка, кафтан, озимь, сугная* (овца), *бережая* (лошадь), *лает* (собака) и др.) и ю ж н о р у с с к о е (для его говоров характерно: 1) аканье; 2) фрикативное произношение звука [г]; 3) окончание -е в родит. и винит. пад. ед. числа личных *я, ты* и возвратного местоимений; 4) -т' (мягкое) в 3-м л. глаголов ед. и мн. числа настоящего и простого будущего времени; 5) наличие слов, противопоставленных «севернорусским» словам: *корец, дежа, чепельник, люлька, зипун, зеленыя, котная* (овца), *жеребая* (лошадь), *брешет* (собака) и др.). Говор с. Ореховки относится к южнорусскому наречию.

Внутри наречий имеются группы говоров, характеризующихся большим единством. Так, внутри южнорусского наречия выделяются 5 групп говоров (по типу яканья и другим чертам). Ореховский говор входит в Восточную (Рязанскую) группу, которой свойственны: яканье ассимилятивно-диссимилятивных разновидностей, прогрессивное смягчение [к] под влиянием парных мягких согласных, а также звуков [ч] и [j]: *Петькя, Колькя, дочкя, майкя*; распространение слов: *рогач* (ухват), *чепельник, чапля* (сковородник), *городьба, котух* (постройка для мелкого домашнего скота), *кочет* (пе-

тух), *запон* (фартук), *ыкры* (льдины), *гутарить* (разговаривать), *добрэ* (очень) и др.

Помимо наречий и групп говоров существуют д и а л е к т н ы е з о н ы, выделяющиеся пучком изоглосс отдельных языковых явлений. Диалектные зоны не повторяют ни границ групп говоров, ни наречий.

Ни наречия, ни группы говоров, ни диалектные зоны не считаются формами существования языка, так как в силу «сборного» характера не образуют единой коммуникативной системы: на всем наречии (севернорусском, южнорусском), на всей группе говоров и т. д. никто не говорит. Самодостаточной, реально функционирующей системой является диалект и его самая мелкая разновидность — говор.

Завершая сжатый очерк территориального диалекта как формы существования языка, коснемся вопроса об отношении территориальных диалектов к социальным диалектам. В одной из своих последних работ В. М. Жирмунский писал: «Традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым... всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной»¹. Деление диалектов на территориальные и социальные имеет реальные основания и в принципе не является «мнимым», особенно, если иметь в виду территориальные (локальные) диалекты феодального периода, которые служили средством общения для всех классов и сословий в пределах данного княжества (государства): речь феодала по своим основным структурно-языковым чертам не отличалась от речи крестьянина. В национальный период, когда в качестве универсальной по охвату сфер человеческой деятельности (быт, культура, наука и т. д.) и социально престижной формы общения употребляется литературный язык, превосходящий каждую из местных разновидностей языка богатством ресурсов и их дифференцированностью в семантическом и стилистическом плане, диалекты, естественно, становятся языком «простонародья», т. е. приобретают социальную маркированность. Даже по сравнению с мещанскими городскими полудиалектами и просторечием социальный престиж территориальных диалектов оказывается не в их пользу.

Далее, в национальную эпоху и особенно в условиях социалистической стадии развития нации традиционные территориальные диалекты теряют свое единство: они как бы расслаиваются (структурно и функционально) на несколько структур-

¹ Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969. — С. 23.

но-функциональных типов (архаический тип, промежуточный тип и передовой тип говора, близкий к литературному), каждый из которых имеет свой социальный субстрат (своих носителей) и свою сферу преимущественного использования (например, в производственной сфере — промежуточный или передовой тип, в быту — архаический или промежуточный). И в этом смысле изучение территориальных диалектов не может не быть социолингвистическим, так как сам объект исследования территориально-социален.

Социальные диалекты

В научной и учебной литературе термин «социальные диалекты» (социолекты) употребляют то в очень широком, то в очень узком смысле. При широком понимании содержания термина в категорию социальных диалектов включают все или почти все социально обусловленные разновидности языка, независимо от их структурно-языковых и функциональных особенностей. Иногда «социальными диалектами» называют основные формы существования языка. Так, В. М. Жирмунский к числу социальных диалектов относил и территориальные диалекты (говоры крестьян), и полудиалекты («язык городского мещанства»), и литературный язык (в его разговорной и письменной форме), считая их «социальными уровнями языка», в конечном счете восходящими к классовой дифференциации общества¹. И такой подход закономерен, поскольку в силу общественного характера языка его конкретные воплощения в той или иной форме обязательно будут социально детерминированными и (хотя и не прямолинейно) соотнесены с «социальным субстратом». В классовом обществе социальные уровни языка, по мнению В. М. Жирмунского, образуют своеобразную иерархию, соотносимую с социальной неоднородностью носителей данного языка. «Социальные диалекты в языке классового общества образуют как бы пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка. Основу пирамиды (низший уровень) образуют местные диалекты, в которых расхождения наиболее значительны и представляют наибольшую дробность; в полудиалектах (на среднем уровне) пирамида сужается как в смысле значительности расхождений, так и в смысле дифференцирующих признаков; в обиходной (разговорной) форме литературного языка, более или менее унифицированной (на высшем уровне),

¹ См.: Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики.— Л.: Наука, 1969.— С. 23.

схождение еще больше, но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная «норма») представляется скорее идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью»¹. Указанные социальные «уровни» общенационального языка В. М. Жирмунский и предлагает называть социальными диалектами. Что касается диалектов и арго, то они, согласно его концепции, «не являются социальными диалектами в строгом смысле», поскольку развиваются в рамках того или иного языка и диалекта «как лексика и фразеология специального назначения». По существу, такого же мнения о профессиональных языках, жаргонах и арго придерживается и Б. А. Серебренников, который называет их не диалектами, а «социальными вариантами речи» или «речевыми стилями». Основанием для отказа этим «вариантам речи» в статусе диалекта служит то, что «они не имеют специфической фонетической системы, специфического грамматического строя и существуют на базе обычного языка»². В. А. Аврорин отказ от термина «социальный диалект» для обозначения социальных вариантов речи считает необоснованным.

Предельно узкое наполнение термина «социальные диалекты» видим в учебном пособии Ю. С. Степанова «Основы общего языкознания»: «К местным крестьянским диалектам, — пишет автор, — близки социальные диалекты одного языка... иначе их называют «условными языками» (далее приводится характеристика арго бродячих торговцев-офеней и ремесленников)³.

Итак, диапазон понятийного наполнения термина «социальный диалект» поистине широк — от формы существования языка (в том числе его литературно-книжной формы) до одной из разновидностей социальной дифференциации языка — конспиративного арго («условного языка») и внешне сходного с ним условного детского языка — способа механической шифровки слов (*Пия пипо-пишол пившко-пилу. — Я пошел в школу — перед каждым слогом приставляется пи*).

Очевидно, нам следует принять такое определение социальных диалектов, которое бы, с одной стороны, не поглощало рассмотренные выше формы существования языка и, с другой, — не сводилось лишь к одному типу социального диалекта.

¹ Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969. — С. 21.

² Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970. — С. 496.

³ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1975. — С. 198.

Общей чертой всех языковых образований, включаемых в категорию социальных диалектов, является ограниченность их социальной основы: они выступают средством общения, причем, как правило, дополнительным, отдельных социально-сословных, производственно-профессиональных, групповых и возрастных коллективов, а не всего народа (как литературный язык) и не всего населения региона (как территориальные диалекты).

Если территориальные диалекты порождены пространственной, географической разобщенностью народа (хотя такая разобщенность также имеет социальные корни: не случайно образование местных диалектов связано с одной из социально-экономических формаций — феодализмом), то природа социальных диалектов — в социально-сословной, профессиональной, социально-возрастной и социально-половой (или профессионально-половой) разобщенности общества. Территориальная неоднородность языка дает как бы его «горизонтальное» членение, социальная неоднородность — его «вертикальное» членение.

Назначение социальных диалектов — служить средством связи для лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку, объединять членов в одну корпорацию, имеющую свои интересы — профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и т. п. Возникая в ответ на различные профессиональные и групповые потребности отдельных коллективов, социальные диалекты в речевой практике говорящих всегда сосуществуют с другими формами существования языка, которые всегда выступают как первичные, опорные, основные (литературный язык, территориальные диалекты, городское койне, просторечие), а социальные диалекты — как дополнение к ним (иногда профессионально необходимое, а иногда и явно факультативное, например, жаргон).

Б. А. Ларин, изучавший «языковой быт города», обратил внимание на такую черту городских аргю, как «теснейшая взаимная обусловленность двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в силу того, что она (или индивид) принадлежит одновременно нескольким разным по охвату коллективам»¹. В этом высказывании хотелось бы подчеркнуть про-

¹ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. — М.: Просвещение, 1977. — С. 178.

дуктивную мысль о сосуществовании нескольких языковых систем, то есть о владении индивидом несколькими формами существования языка, поскольку он одновременно входит в разные социальные и речевые коллективы. Например, торговец-офеня слободы Мстера Владимирской губернии, безусловно, владел местным, мстерским говором, далее, он хорошо знал «офенское наречие» (арго), и, наконец, он мог, как бывалый человек, знать и «культурный» язык — городское просторечие (кстати, нам приходилось встречаться с такими людьми в Мстере в 50-е годы).

Однако трудно согласиться с утверждением, что арго имеет значение основной, первой речевой системы: «Только известная речевая с и с т е м а, причем имеющая значение основной, первой для какой-нибудь социальной группы, может быть названа арго»¹. Принимать арготический ряд слов за «основной и исходный», как это советует Б. А. Ларин, можно лишь в качестве одного из методических приемов изучения данной формы существования языка. В функциональном и в структурном плане арго, как и все другие социальные типы диалектов, являются производными, сформировавшимися на базе ведущих форм бытования языка и пользующимися их фонетическим и грамматическим строем.

В 60-е годы нами была предложена классификация социальных диалектов в зависимости от их природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования. Сколь-либо веских доводов против нее приведено не было, поэтому воспроизведем ее здесь с некоторыми уточнениями, комментариями и иллюстрациями.

К социальным диалектам относим:

1) собственно профессиональные «языки» (точнее — лексические системы), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также других промыслов и занятий;

2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных коллективов;

3) условные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп;

4) жаргон (арго) деклассированных.

В этой классификации впервые разграничены условные языки (арго) и жаргон деклассированных как два разных типа социальных диалектов, поскольку они вызваны к жизни раз-

¹ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. — М.: Просвещение, 1977. — С. 186.

ными социальными причинами и имеют разное назначение. Их функциональные различия повлекли расхождения: 1) в материально-понятийном составе лексики (словарь ремесленников-отходников равномерно покрывает все сферы их жизни и повседневных интересов, воровской словарь отличается специализацией); 2) в доле экспрессивно окрашенной лексики (в арго господствуют нейтральные слова, в жаргоне воров — эмоционально-экспрессивные); 3) в ведущих приемах словопроизводства (в арго превалируют словарные, словарно-фонетические и фонетико-морфологические арготизмы, в жаргоне — семантические, в частности метафорические и метонимические образования); 4) в источниках основных заимствований (в арго — заимствования из «близлежащих» языков¹, в жаргоне деклассированных — из «отдаленных», нередко межэтнических (международных языков).

Помимо выделенных основных типов встречается множество промежуточных разновидностей, например совмещающих профессиональный «язык» и групповой жаргон (профессиональные жаргоны), профессиональный «язык» и особенности сословной речи (купеческий, чиновничий, церковно-служительский и другие жаргоны).

1. Профессиональные «языки» — это дополнительные к основной форме существования языка (литературному языку, территориальному диалекту) лексические системы, свойственные представителям определенной профессии, промысла, а также профессии или отрасли производства: *кок* (повар) в речи моряков, *на-гора* — у шахтеров, *правило* (хвост лисицы), *полено* (хвост волка) — у охотников, *матка*, *трутьень*, *рабочая пчела* — у пчеловодов. Насчитывают десятки тысяч профессий, и у каждой свой «язык», точнее, лексическая система. Количество профессионализмов зависит от степени развитости и специализации соответствующего производства;

¹ См.: Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских условно-профессиональных арго // Вопросы теории и методики изучения русского языка. — Саратов, 1965. — С. 260—268; Он же. Заимствования из германских языков в лексике русских условно-профессиональных арго // Язык и общество. — Саратов, 1967. — С. 226—234; Он же. Цыганизмы в составе русских условных языков. — Там же. — С. 235—242; Он же. Пермские, прибалтийско-финские и венгерские заимствования в лексике русских условных языков // Очерки по русскому языку и стилистике. — Саратов, 1967. — С. 184—192; Он же. Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников // Этимологические исследования по русскому языку. — Вып. 7. — Изд-во МГУ, 1972. — С. 19—62; Он же. Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском арго: К проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков // Этимология. 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 64—79.

так, только в отделочном цехе текстильного производства более 10 видов машин (*красильная, отбивная, стрігальная* и др.); у немецких плотников отмечено 6 типов топоров, 5 — молотков, 10 — пил, 22 — рубанка; русские коневоды знают более 40 мастей лошади (вороная, соловая и др.), около 20 аллюров (*рысца, хлынь, иноходь* и др.).

Профессиональные «языки», разумеется, не являются языками в полном смысле этого слова. Их собственно языковая часть ограничивается специализированной лексикой, частично словообразованием и не распространяется на звуковой и грамматический строй.

Зарождение профессионально дифференцированных диалектов (говоров) относится к глубокой древности и связано с разделением труда между членами социума, а иногда и между целыми родственными этносами. Профессионально специализированные этносы встречаются и в настоящее время, например в Африке: этническая группа бороро — пастухи, сорко — рыболовы, туареги — корзинщики, диула — профессионально-этническая группа бродячих торговцев; нередко этно-профессиональная специализация связана с монополией этнических групп и каст на профессии, что может приводить к выработке не только профессионального «языка» рассматриваемого типа, но и тайных языков (типа офенского языка русских торговцев-коробейников). В этом случае налицо либо сосуществование двух типов социолектов, либо образование смешанной условно-профессиональной разновидности.

Профессионально-ремесленнические группы широко представлены и внутри одного этноса (народа). Так, у народа фульбе в Западной Африке выделяются группы-касты мастеров по металлу, по дереву, горшечников, кожевников, ткачей и мастеров «словесного и музыкального ремесла» — гриотов, что касается групп пастухов, то различают пастухов коров, верблюдоводов и др.

В дореволюционной России говоры различных промыслов характеризовались не только своими профессиональными словарями, но и территориальной неоднородностью. После Великой Октябрьской социалистической революции многие профессиональные говоры развились в терминологии (отраслевые «подъязыки»), единые для всех специалистов соответствующей отрасли сельскохозяйственного и промышленного производства страны.

2. **Г р у п п о в ы е ж а р г о н ы** в отличие от профессиональных социолектов порождены не потребностью в назывании новых, сверх обычных, «общенародных», профессиональных понятий, а стремлением дать общеизвестным понятиям свое

обозначение, отличающееся новизной и экспрессией. Лексика жаргона — это параллельный ряд слов и выражений, синонимичных первичному, нежаргонному ряду. Поскольку жаргонизмами обозначают в основном уже известное (предмет, качество, состояние), то здесь мы имеем дело с синонимами не понятийными, а почти исключительно экспрессивно-оценочными, чаще всего стилистически сниженными. Например, «голова» — в жаргоне: *котёл, котелёк, черепок, корзина, тыква, арбуз, глобус, кастрюля, коробочка* и др.; «руки» — *хваталы, махалки, коромысла, грабли, клешни, крабы, плети*; «худой, тощий человек» — *доходяга, скелетина, мосол, вешалка, плащ, спица, кол, жердь, шницель, как велосипед (худой)* и др.; «отлично, прекрасно» — *законно, шикарно, шик-модерн, клёво, кайф, лафа* и др. В тематическом плане жаргонные слова служат обозначениями довольно широкого круга предметов и понятий, представляющих живой интерес для жаргонносителей: человек, его оценка, одежда, основные действия и состояния, учеба, быт, отдых, спорт, любовь, красота, поведение, развлечения, слова-оценки и т. д. («общебытовой словарь» и «профессиональный словарь») ¹.

Жаргон порождается социально-психологической общностью его носителей — обычно молодых людей, которым свойственны «эмоциональная избыточность», максимализм, свое представление о жизненных ценностях, норме поведения, свой особый стиль и манеры (внешний вид, одежда, жесты), чувство солидарности и «группового духа». Жаргон — и символ принадлежности к данной социальной группе, и показатель ее своеобразного языкового существования, и лингвистическое проявление ее субкультуры. Как разновидность формы существования языка жаргон всегда вторичен, его использование факультативно.

3. Условные языки (арго) — лексические системы, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной (эзотерической, криптофорной) функции. Потребность в пользовании тайным, непонятным для непосвященных языком (или хотя бы подобием такого языка) возникает у социальных групп, стремящихся сознательно изолировать себя от «других», от основной части общества. Обычно это небольшие подвижные группы, и «потайным» языком они пользуются вне дома — во время отхожих промыслов, работая в чужих людях. Цели засекречивания содержания речи могут

¹ См.: Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи // Вопросы культуры речи. — М.: Наука, 1964. — Вып. V. — С. 50—52; Овже. Культура языка — достоинство социалистической культуры. — М.: Просвещение, 1981. — С. 56—116.

быть самыми разными — и сохранение «тайн» своего ремесла (способа производства), и защита в условиях бродячей жизни, и свободная беседа о своих делах в присутствии хозяина дома, и желание показать свое языковое превосходство перед незнающими их «языка», и соображения эвфемистического порядка.

Степень засекреченности у арго обычно невысокая. В некоторых группах (кастах) язык сохраняется в тайне, его оберегают от женщин и детей, сведения о нем сообщаются «под величайшим секретом», в других местах «никто... не думает скрывать его как тайну... и всякому воля ему выучиться, лишь была бы охота» (И. И. Срезневский). Как бы ни относились к арго его обладатели, посторонние люди арготическую речь не понимают и основная функция секретного кода им выполняется. Вот примеры-фразы на офенском «наречии», записанные нами в поселке Мстера Вязниковского района Владимирской области: 1. *Босвы лухту бряете, а масам не биряете.* 2. *Ерддем в курёху мерковать.* 3. *Ряха не ласа, про вишитошных мийшит.* Без перевода эти предложения не понятны, хотя они построены по законам русской морфологии и русского синтаксиса. Даем их перевод: 1. Сами кашу едите, а нам не даете. 2. Едем в деревню ночевать. 3. Изба не мала, про (для) всех хватит.

Тайные арго имели распространение среди ремесленников-отходников: портных, шерстобитов, шорников, жестянщиков, печников, стекольщиков, коновалов, ямщиков, каменщиков, штукатуров, маляров, бондарей и др., у сезонных рабочих — сельскохозяйственных (жнецов, чесальщиков льна и конопли) и промышленных (котельщиков, трубочистов) в Европе, Азии, Америке, Африке.

Близки к условным языкам (арго) в функциональном плане языки тайных обществ, а также поло-возрастные языки, в частности специальные мужские (и юношеские) и женские языки, отмечаемые в Африке, например в Камеруне: «секретный» язык юношей, проходящих обряд «инициации», призван скрывать от непосвященных (и прежде всего от женщин) таинства культовой жизни иницируемых; их язык (лексический состав) может сознательно обновляться: нередко для замены старого слова достаточно того, что его стали знать женщины.

Иную социальную природу и иные функции имеют (и имели в прошлом) женские и мужские варианты этнических языков, различающиеся либо только словарем (иногда непонятным для представителей другого пола), либо только разным («мужским», «женским») произношением, либо словарем и грамматикой (ее элементами) одновременно.

4. Жаргон деклассированных — это совокупность слов и фразеологических оборотов, служащих для группового общения деклассированных элементов. Нередко основной функцией воровского жаргона (арго) считают конспиративную. Да, этот тип социального диалекта может выполнять ее. Но это не единственная его функция. Жаргон служит и своеобразным паролем, средством опознания «своего» человека в отличие от остальных («врагов», жертв). Наличие в составе словаря арго до 70% экспрессивно-эмоциональных слов наводит на мысль о том, что одной из его функций, причем не второстепенной, а основной, является экспрессивно-выразительная. Стилистически сниженная, грубая, вульгарная речь деклассированных, избыливающая словами и выражениями с резко отрицательными коннотациями (окраской, ассоциациями, семантическими «довесками»), отражает мораль деклассированного, его презрение к обществу, к труду, к людям труда, к женщине, к общепринятым нормам поведения (например: *балда* — ночной сторож, *укрбп*, *лапоть* — крестьянин, *лягавый* — предатель и т. п.).

О социальной, лингвистической (словообразование, этимология), психологической, правовой сторонах воровского жаргона и его носителей существует обширная специальная литература, однако социолингвистическая интерпретация этого типа социолекта пока страдает разнобразием.

СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА

Понятие «состояние языка» как социолингвистическая категория

Мы уже отмечали, что социолингвистику одинаково интересует и внешняя, функциональная сторона языка, и внутренняя, собственно структурная его сторона, причем не в их раздельном существовании, а во взаимосвязи, взаимодействии и взаимообусловленности. Взаимосвязь внутренней и внешней сторон языка можно понимать как его с о с т о я н и е, представляющее собой, по Г. В. Степанову, «некий итог сбалансированного взаимодействия языковых и внеязыковых факторов». Состояние того или иного конкретного языка (со всеми формами его существования) в конкретный период его истории обеспечивается единством его внутренней структуры и внешней системы, включающей весь комплекс подсистем, возникших «на базе варьирования и комбинирования элементов его внутренней структуры»¹.

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний... — С. 29.

Понятие «состояние языка» (языковое состояние) в качестве социолингвистической категории в наиболее четком виде выделено Г. В. Степановым в монографии «Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи» (1976). Это важно для характеристики жизни языка понятие предполагает ясное осознание единства двух сторон «фактического состояния языка» — его внешней (функциональной) системы и его внутренней структуры.

Внешнюю, или функциональную, систему данного языка, по Г. В. Степанову, составляют «все виды дифференциации (варьирования) языка, возникающие под воздействием внешних факторов (временных, пространственных, социальных) и имеющие ту или иную функцию в социуме».

Внутреннюю, или собственно языковую, структуру составляет комплекс подсистем, образуемых элементами его внутренней структуры. Внутренняя структура связана с внешней системой, но не изоморфна ей: «...нельзя сказать, что данной внутренней структуре языка, характеризующейся таким-то состоянием, обязательно соответствует такая-то функциональная система и что данные функции могут выполняться только данной структурой. Вместе с тем внутренняя структура должна обладать некоторыми свойствами для выполнения определенных функций»¹.

Характеризовать внутреннюю структуру языка — значит повторять в принципе те описания, которые сделаны традиционной («внутренней», «конструктивной») лингвистикой. Правда, подобные «внутренние» описания в их органической увязке с «внешними», функциональными характеристиками получают новый угол освещения и осмысления. Тем не менее в работах по социолингвистике редко описывают всю структуру языка, обычно берут лишь социально нагруженные, функционально значимые элементы структуры, а все внимание сосредоточивают на внешней системе языка и его состоянии (языковое состояние) описывают через номенклатуру внешней системы языка.

Г. В. Степанов дает следующее определение «состоянию языка»: «Под состоянием языка мы понимаем совокупность всех его вариантов... Компоненты, характеризующие состояние языка, складываются из репертуара функциональных стилей (официально-деловой, научный, художественный, обиходно-разговорный и др.), форм существования (диалект, общенародный язык, национальный язык и др.) и форм

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний... — С. 83.

реализации (устная, письменная)»¹. В приведенном определении обращает на себя внимание подключение к характеристике языка не только форм существования, но и стилей (разумеется, стилей тех форм существования, которые располагают ими, — прежде всего литературного языка), а также устной и письменной форм реализации разновидности языка (формы существования или стиля); например, обиходно-разговорный стиль литературного языка реализуется преимущественно в устной форме, диалекты — территориальные и социальные — тоже в устной форме, а такие стили литературного языка, как научный, официально-деловой, — в письменной форме.

Несколько неожиданным в этом определении может показаться понимание форм существования языка: среди них автор называет «диалект», «общенародный язык», «национальный язык». В нашем перечне форм существования языка «общенародного языка» и «национального языка» нет. Может быть, автор не признает рассмотренных выше форм существования, в частности «литературного языка», «территориального диалекта», «социального диалекта»? Г. В. Степанов признает их. Об этом свидетельствуют и все содержание его книги, и такие прямые указания, как: «К формам существования языка нами относятся диалекты не только территориальные, но и социальные, а также литературный язык, поскольку он входит в национальный язык как наиболее существенная и типическая часть данной формы существования»². Кстати, и в этой цитате национальный язык снова объявляется... формой существования языка (хотя тут же формой существования именуется и литературный язык как наиболее существенная часть языка национального). Дело в том, что Г. В. Степанов термин «формы существования языка» употребляет в двух значениях: 1) обычном, общепринятом и 2) в необычном, расширительном значении. Причем расширение значения коснулось сразу двух аспектов — диахронического (форма существования — как стадия развития языка: язык (диалект) этноса, язык народности (по Г. В. Степанову, «общенародный язык»), язык нации) и синхронного — существование одного и того же языка, функционирующего в разных социумах, например испанского языка в Испании и почти в двадцати странах Южной и Центральной Америки — в Аргентине, Мексике, на Кубе и др., португальского — в Португалии, Бразилии и др. странах, т. е. национальных вариантов языка. «Такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структур-

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний... — С. 30.

² Там же. — С. 30.

ных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности, можно было бы именовать и а ц и о н а л ь н ы м и в а р и а н т а м и языка», — пишет ученый¹. Эти варианты принципиально отличаются от диалектов. «Вариант языка, так же как любой национальный язык, обслуживает нацию, тогда как диалект — только часть национальной общности, при этом в ограниченной сфере общественной жизни»². Будучи самостоятельными, хотя генетически и структурно сходными, национальные варианты языка могут иметь расхождения в их с о с т о я н и и, т. е. в наборе и взаимоотношениях форм существования языка, функциональных стилей и т. д., поскольку в принципе каждый национальный язык неповторим.

Мы будем придерживаться нашего понимания формы существования языка, соотносимого с одним социумом. С одним социумом будем соотносить и понятие «состояние языка».

Состояние конкретного языка (языковое состояние) зависит от набора форм его существования, их коммуникативных возможностей, распределения по сферам общения, взаимодействия форм существования языка (их стилей и форм реализации) в речевой практике данного народа в определенный исторический период.

Большая часть рассмотренных выше форм существования языка и их разновидностей бывает представлена в языке в пределах одного синхронного среза. Разумеется, место форм существования в социально-коммуникативной системе будет разным, а конкретные переходы, или переключения, с одной формы на другую будут многообразными. Рассмотрим типичные случаи таких переключений.

Диглоссия

Простейший вариант языкового состояния — это случай, когда индивид или языковая общность владеет лишь одной формой существования языка. Это моноглоссия (от греч. *monos* — один, единственный и *glōssa* — язык). Ей противопоставлена д и г л о с с и я (от греч. *di* — дважды, двойной и *glōssa* — язык) — пользование двумя и более формами существования данного языка (эти термины введены Ч. Фергюсоном).

Моноглоссия в чистом виде встречается редко. Ее можно

¹ Степанов Г. В. Типология языковых состояний... — С. 100.

² Там же. — С. 102.

видеть там, где единственным средством общения выступает территориальный диалект, креольский язык, койне, языки без функциональных вариантов (племенные, одноаульные). По мнению В. А. Аврорина, моногlossия характерна для начальных этапов развития языка, когда каждый человек пользовался одним языком, еще не имевшим диалектного дробления; встречается моногlossия и на значительно более поздних этапах, когда имеет место владение одним диалектом. Основной формой состояния языка обычно служит дигlossия, поскольку каждый индивид (социальная группа) «сопринадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам» (Б. А. Ларин) и может пользоваться разными языковыми подсистемами.

При дигlossии одна из форм существования языка выступает как главная, доминирующая, а вторая — как дополнение к ней. Схемы сочетаемости разных форм существования языка довольно разнообразны. Назовем их, а затем отметим типичные, наиболее распространенные в русском языке и языках народов СССР.

1-й вариант дигlossии: литературный язык — народно-разговорный язык. Пример: чешский литературный язык и чешский обиходно-разговорный язык (см. выше);

2-й вариант дигlossии: литературный язык — наддиалектное койне. Примеры: русский литературный язык национального досоциалистического периода и городские койне; современный аварский литературный язык и болмац — интердиалект, возникший на базе северных диалектов аварского языка;

3-й вариант дигlossии: литературный язык — просторечие. Это довольно редкое сочетание, однако оно все же встречается, так как в некоторых ситуациях владеющие литературной нормой могут переходить на заведомо сниженную, ненормированную речь (иногда преследуя стилистические цели);

4-й вариант: литературный язык — пиджин, возникший на его основе. Тоже редкий случай, однако теоретически допустимый, например переход на пиджин (или кяхтинское наречие) лиц, владеющих литературным языком (английским, русским).

5-й вариант дигlossии: литературный язык — креольский язык; примером может служить усвоение носителями литературных языков (английского, испанского, португальского, французского) негритянско-английского, негритянско-испанского, негритянско-французского и других креольских языков в Африке, а также в районе Карибского моря, на островах Атлантического и Индийского океанов;

6-й вариант диглоссии: литературный язык — территориальный диалект; довольно частый случай, заключающийся в том, что носитель литературного языка, находясь длительное время в условиях диалектного окружения, усваивает местный говор и пользуется им в разговоре с односельчанами. Этот вариант диглоссии может возникнуть и иначе: выходец из деревни полностью освоил литературный язык, но не забыл и свой родной диалект;

7-й вариант диглоссии: литературный язык — социальный диалект (одного или нескольких его типов). Это случай, когда носители литературного языка, например учащиеся, студенты, солдаты, пользуются «молодежным жаргоном»;

8-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — литературный язык;

9-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — наддиалектное койне;

10-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — просторечие;

11-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — пиджин;

12-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — креольский язык;

13-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — территориальный диалект;

14-й вариант диглоссии: народно-разговорный язык — социальный диалект;

15-й — 21-й варианты диглоссии: койне (наддиалектный язык) в сочетании с литературным языком, народно-разговорной формой, просторечием, пиджином, креольским языком, территориальными диалектами, социальными диалектами.

Следующие варианты диглоссии (не менее 30) получаются при сочетании просторечия с прочими вариантами языка, пиджина — с другими вариантами языка, креольского языка — с некоторыми другими формами, территориального диалекта — с другим территориальным диалектом, а также другими социально-функциональными вариантами языка. Что касается социальных диалектов, то они в роли основных форм общения не выступают.

Мы не перечислили всех встречающихся в языках мира форм существования языка (опущены в нашем перечне ритуальные языки, половые, поло-возрастные, варианты литературных языков, варианты, противопоставляемые как «старый» и «новый» язык и др.) и тем самым не дали исчерпывающего перечня диглоссных комбинаций. Это не входит в нашу задачу.

В каждом конкретно взятом языке на определенном синхронном срезе действуют разные варианты диглоссий, и задача исследователя заключается в их выявлении и определении объемов общественных функций, выполняемых каждым из членов оппозиционной пары ¹.

Для современного русского языка наиболее актуальны следующие виды диглоссии: литературный язык — просторечие; литературный язык — территориальный диалект; литературный язык — социальный диалект (профессиональный «подъязык», групповой жаргон); народно-разговорный язык — литературный язык; народно-разговорный язык — территориальный диалект; народно-разговорный язык — социальный диалект (профессиональный говор, жаргон, арг); территориальный диалект — литературный язык; территориальный диалект — территориальный диалект другого типа; территориальный диалект — социальный диалект (профессиональный говор, арг, групповой жаргон). Например, территориальный диалект и литературный язык как два члена диглоссной оппозиции характерны для контингентов носителей русского языка, родившихся в сельской местности и с детства пользовавшихся диалектом, но затем с получением среднего (и высшего) образования усвоивших нормы литературного языка. Функционально диалект и литературный язык «разведены»: первый используется при посещении родной деревни (в разговоре с родителями, друзьями детства), второй — во всех остальных случаях (на работе, в общественной жизни, в условиях города).

Оппозиция «территориальный диалект — социальный диалект» сложна, поскольку включает один или два из четырех социальных диалектов. Чаще всего носители территориального варианта русского языка (одного из севернорусских, южнорусских или среднерусских говоров) владеют профессиональным говором (знают ремесленно-промысловую лексику (терминологию) одного из таких народных промыслов, как рыболовство, охота, пастушество, пчеловодство, льнообработка, прядение и ткачество, изготовление и ремонт валяных сапог, лесозаготовка и первичная обработка леса, лесосплав, смолокурение и выгонка дегтя, углежжение, заготовка живицы и др.), и условным языком (арго), в частности владимирские торговцы (офени), костромские и горьковские шерстобиты (жгоны), пензенские шерстобиты, жестянщики и портные, орловские шорники, калужские глинотопы-печники и другие ремесленники-отходники.

¹ См.: Туманян Э. Г. Типология языковых ситуаций: Комплексные модели оппозиций форм существования языка // Теоретические проблемы социальной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — С. 72—89.

В заключение затронем два вопроса, имеющих прямое отношение к понятиям «состояние языка» и «диглоссия».

Первый вопрос — о разговорной речи¹ (РР), второй — о функциональных стилях литературного языка². Разговорную речь, включаемую в литературный язык, но противопоставляемую его кодифицированной разновидности (КЛЯ), обычно не признают особой формой существования языка. Не относят к категории форм существования языка и функциональные стили. Между тем своеобразие и разговорной речи, и каждого из функциональных стилей (с распределением сфер их применения) столь существенно, что некоторые авторы считают возможным включать их в диглосные оппозиции в пределах литературного языка. «Существует еще один тип диглоссии, который характеризуется сосуществованием различных подсистем полифункционального литературного языка... Наиболее распространенным видом этой диглоссии является взаимодействие кодифицированного литературного языка и разговорной речи. Другой разновидностью этого же функционального типа является владение несколькими функциональными стилями литературного языка. Диапазон функциональных стилей, которыми владеет говорящий, зависит от его социального происхождения, положения, уровня образования, профессии»³. Функциональные стили, как они понимаются в лингвистике и как их представляет себе Г. В. Степанов (например, в приведенном выше определении «состояния языка»), не должны приравниваться к формам существования языка и, следовательно, не дают диглоссии при переходе с одного стиля на другой — с официально-делового на научный, с научного на публицистический, на обиходно-разговорный и т. д. Однако в социолингвистике некоторые авторы в термин «функциональный стиль» вкладывают иное содержание, здесь он — категория социально-функциональная и включает в себя другой набор разновидностей (официальный, неофициальный, профессиональный, ритуальный, или культовый, стили). В этом новом, социолингвистическом содержании функциональный стиль можно рассматривать как компонент диглоссии.

¹ О разговорной речи (РР) см. в разделе «Народно-разговорный язык» настоящей книги (с. 50—52). См. также: Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М., 1979.

² Бондалетов В. Д. и др. Стилистика русского языка: Учебное пособие / Под ред. Н. М. Шанского. — Л.: Просвещение, 1982; Бондалетов В. Д., Варгапетова С. С., Кушлина Э. Н. Сборник упражнений по стилистике русского языка. — Л.: Просвещение, 1983. — С. 92—127.

³ Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. — М.: Высшая школа, 1978. — С. 116.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

«Языковая ситуация» и ее компоненты

Языковая ситуация — это «конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития»¹. Таково самое общее определение языковой ситуации, данное В. А. Аврориным. В развернутом изложении, соблюдая причинную зависимость между объектами, подлежащими исследованию при выяснении языковой ситуации, автор называет три обязательных ее «момента»: 1) социальные условия функционирования языка; 2) сферы и среды употребления языка; 3) формы существования языка.

В. А. Аврорин одинаково применяет термин «языковая ситуация» для одноязычного народа и для неодноязычных ситуаций. Языковая ситуация одноязычного народа им определяется как функционирование всех наличных форм существования языка «во всех средах и сферах общественной деятельности при определенных социальных условиях жизни данного народа».

Действительно, рассмотренное ранее «состояние языка» (по Г. В. Степанову) можно считать простейшей разновидностью языковой (одноязычной!) ситуации. Гораздо чаще приходится иметь дело с функционированием в пределах административно-политического региона (в пределах страны) не одного, а двух или большего числа языков, т. е. иметь ситуацию двуязычия (билингвизма) или многоязычия (полилингвизма). Факт широкого распространения в мире двуязычия и многоязычия обычно учитывается в определениях, даваемых языковой ситуации как социолингвистическому явлению. Из этого исходил и В. А. Аврорин. Это обстоятельство учтено и в определении Л. Б. Никольского: «Языковой ситуацией мы называем совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности»². Языковые ситуации, будучи крупными и сложными социально-языковыми образованиями, изучаются в макросоциолингвистике.

Билингвизм и полилингвизм

Билингвизм (lat. bi — два, lingua — язык) — это двуязычие, т. е. сосуществование у человека или у всего народа двух языков, обычно первого — родного, и второго —

¹ Аврорин В. А. Указ. соч. — С. 2.

² Никольский Л. Б. Указ. соч. — С. 79—80.

приобретенного. Если знание двух языков свойственно отдельным членам социума, то это индивидуальный билингвизм, если большим контингентам говорящих, то это массовый билингвизм.

Массовый билингвизм может охватывать население одного из регионов страны (административно-территориальную область или экономический район), а может — всю нацию (национальность). В первом случае говорят о региональном двуязычии, во втором — о национальном двуязычии (билингвизме). Если билингвизм свойствен всем без исключения социально-культурным группам народа, то такой билингвизм называют полным или сплошным, если он характерен лишь для отдельных социальных слоев (торговцев, транспортников, мореходов, научных работников и др.), то его называют частичным или групповым.

Не при всяком билингвизме налицо взаимодействие между сосуществующими языками. Если билингв (носитель двух языков) свободно переводит с одного языка на другой, т. е. если в его сознании одному понятию соответствует два слова, то имеет место смешанное двуязычие (по Л. В. Щербе — «смешанный язык с двумя терминами»), если этого нет и языки функционируют как две автономные знаковые системы, то здесь так называемое чистое двуязычие (оно бывает очень редко — лишь как исключение).

Билингвизм — явление многостороннее и может изучаться в разных аспектах. Наиболее рельефно выделяется три аспекта изучения билингвизма: 1) лингвистический (социолингвистический), 2) психологический, 3) педагогический. Методологической основой исследования двуязычия во всех названных аспектах должно быть ленинское учение о нациях, о национально-языковой политике, о языковом строительстве в условиях многонационального и многоязычного государства. Теория и практика национально-языкового строительства в СССР дали мощный стимул для разработки теории билингвизма.

В социолингвистическом аспекте важен вопрос о функциональной нагруженности второго языка — о сферах его использования (в сопоставлении с первым языком), о степени свободы владения им (здесь различают несколько стадий — начальную, переходную, высшую), о конкретном наборе используемых социально-функциональных компонентов второго языка, т. е. его форм существования (литературный язык, койне, диалект и др.), о распределении коммуникативных функций между первым и вторым языками (включая все наличные фор-

мы их существования), о контингентах, охваченных двуязычием, о широте использования второго языка и его восприятии (например, о принятии русского языка в качестве второго родного языка), об оценке двуязычия как социально-лингвистического феномена.

Касаясь последнего пункта, сразу подчеркнем, что в советской науке билингвизм признается положительным явлением. «В условиях советской действительности высшая цель развития двуязычия (и прежде всего основного типа двуязычия в нашей стране — национально-русского) — всемерно способствовать тесному сближению народов, взаимообогащению их культур, овладению всеми народами Советского Союза высшими достижениями культуры, науки и техники. Этому способствует овладение русским языком — одним из наиболее развитых языков международного и межнационального общения», — говорится в предисловии к монографии, изданной Институтом языкознания АН СССР, «Развитие национально-русского двуязычия»¹.

Русский язык выступает в качестве компонента многих разновидностей двуязычия: украинско-русского, белорусско-русского, узбекско-русского и т. д. Практически им владеют все нации и народности СССР, и потому он является всеобщим для народов нашей страны, или межнациональным, языком. Однако в качестве средства общения представителей разных наций и народностей могут выступать и региональные языки, обслуживающие лишь часть народов в определенных регионах страны. Так, коми-языком, кроме самих коми, пользуются и ненцы, живущие в Коми АССР, якутским языком — эвенки, эвены и юкагиры, проживающие в Якутии, грузинским языком — осетины, абхазы и курды, живущие в Грузии, азербайджанским языком — дагестанцы, армяне и лезгины, проживающие в Азербайджанской ССР. Кроме региональных общих языков связь между представителями разных народностей и наций на территории союзных и автономных республик осуществляется и на русском языке. Следовательно, народам отдельных регионов нашей страны свойственно многоязычие, или полилингвизм (от греч. *poli* — много и лат. *lingua* — язык).

Подобно тому, как сочетание форм существования языка в пределах «языкового состояния» дает различные варианты диглоссии, сосуществование функционально разных языков дает разные варианты билингвизма, формирующие различные языковые ситуации.

¹ Развитие национально-русского двуязычия. — М.: Наука, 1976. — С. 6.

Среди вариантов билингвизма отмечают¹: 1) билингвизм, возникающий при использовании двух местных языков (чаще всего их территориальных диалектов). Обычно он бывает двусторонним, например таджикско-узбекское и узбекско-таджикское двуязычие и т. п.; 2) билингвизм, возникающий при использовании родного местного языка и языка регионального общения, например в городах Африки (в Кении наряду с местными, этническими языками широкое хождение имеет суахили как региональное средство межэтнического общения); 3) билингвизм, возникающий при использовании местного языка и языка-макропосредника (межнационального языка); здесь складываются принципиально разные ситуации: а) в обществах антагонистических (социально неоднородных), где язык-макропосредник, зачастую импортированный, навязывается местному населению и может привести к вытеснению родных местных языков, б) в обществах неантагонистических (социально однородных), где язык-макропосредник, например русский язык, и малые языки страны юридически равноправны и имеет место гармоническое национально-русское двуязычие; 4) билингвизм, состоящий в использовании регионального языка и языка-макропосредника, например языка коренного населения союзных республик (в Азербайджане — азербайджанского, в Узбекистане — узбекского и т. д.) и русского языка как общего языка всех народов нашей страны; 5) билингвизм, состоящий в знании национального языка и профессионального языка (языка ритуального — типа санскрита, языка науки — типа латинского, классического арабского и др., языка-пиджина, условного языка, например мордовские ремесленники с. Селкса близ города Пензы кроме своего родного языка использовали арг («ионатский язык»), полученный ими от русских ремесленников-отходников с. Чемодановка Пензенской обл.).

КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗОНА

Кроме «языкового состояния», под которым понимается функционирование языка и всех его разновидностей в язычном социуме, кроме «языковой ситуации», представляющей функциональную общность нескольких языков со всей системой их вариантов в пределах одного социума, для адекватной социолингвистической характеристики современного мира возникает необходимость в выделении и других катего-

¹ Разновидности билингвизма даем по Л. Б. Никольскому. См.: Никольский Л. Б. Указ. соч. — С. 96—103.

рий. Среди них заслуживают внимание осознанные и выделенные советскими социолингвистами В. А. Виноградовым, А. И. Коваль и В. Я. Пархомовским понятия «коммуникативная среда» и «социолингвистическая зона». Эти понятия вводятся с целью более точной характеристики языковой жизни населения определенных территорий в конкретных этнических, социальных, политических, культурно-бытовых, природно-географических обстоятельствах и условиях, в которых реализуются коммуникативные контакты населения.

Коммуникативная среда (КС) определяется как «исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаясь относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью»¹. Территория одной коммуникативной среды обычно меньше, чем государство. Ее границы не совпадают с зоной распространения одного языка. Коммуникативная среда не равна ни социальной группе (в одной КС может быть несколько социальных групп), ни этнической общности (имеющей, как известно, значительное сходство в материальной и духовной культуре, общую территорию и общее средство общения — язык или диалект). Коммуникативные среды выделяются в основном «по степени интенсивности внутренних коммуникативных связей, характерных для определенных ареалов, из которых складывается общая коммуникативная картина страны или географической области»². Они соотносимы с понятиями «языковой (речевой) коллектив» (А. Д. Швейцер), «языковая общность» (Дж. Гамперц), но отличаются от них выделением коммуникативного признака в качестве ведущего. Иными словами, коммуникативная среда — это этноязыковой ареал, в котором осуществляются активные коммуникативные связи на нескольких языках или их вариантах.

Коммуникативная среда как этноязыковой ареал не может приравниваться ни к диалектным зонам (их выделяют внутри одного языка по пучкам изоглосс), ни к языковым союзам (их выделяют на основе благоприобретенных свойств в структуре двух или нескольких смежных языков).

Коммуникативные среды могут быть объединены в социолингвистические зоны, представляющие собой более крупные и обычно более устойчивые образования. Так,

¹ Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Указ. соч. — С. 9.

² Там же. — С. 11.

в Западной Африке выделяют три социолингвистические зоны: 1) внутреннюю (суданскую); 2) береговую (гвинейскую); 3) среднюю (лесную)¹. Зона не есть механическая совокупность коммуникативных сред, а автономное образование более высокого уровня, чем входящие в нее коммуникативные среды. Различие между зонами касается многих факторов — политико-административных, социальных, экономических, культурных, религиозных. Они-то и обуславливают социолингвистическое лицо зоны. Например, для суданской зоны характерны такие признаки, как высокий престиж языков крупных исламизированных народов (йоруба, хауса), широкое использование местных языков для межэтнического общения на разных уровнях (лингва франка, городские койне, койне области или страны), формирование на базе крупных языков и языков регионального общения своих «стандартных» (литературно обработанных) языков как для устного, так и для письменного общения параллельно с европейскими языками, имеющими здесь статус официальных. Для второй, гвинейской зоны характерны высокий престиж и коммуникативный вес языков бывших метрополий (французского, английского), возникновение на их основе языков-пиджинов, а затем и креольских языков для межэтнической коммуникации, забвение и полное отмирание этнических языков в интеллектуальной элите. Задача выработки своих национально-литературных языков вместо языков бывших метрополий здесь решается сложнее, чем в суданской зоне.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, СФЕРЫ И СРЕДЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Социальные условия — это конкретно-исторические условия, в которых живет народ. Они всегда обусловлены социально-экономическим, культурным и политическим уровнем его развития.

Среди социально-исторических условий основными являются формы этнической общности: первобытная орда (первобытное человеческое стадо), племя, народность, нация, содружество наций (например, советский народ как новая социально-историческая общность людей, сформировавшаяся в условиях социализма). Социальные условия через исторически сменяющиеся друг друга этнические общности (племя → народность → нация) оказывают непосредственное влияние на скла-

¹ Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Указ. соч. — С. 64 и след.

дывание сфер и сред использования языка, которые в свою очередь приводят к появлению и развитию (функциональному и структурному) различных форм существования языка. Указанную цепь зависимостей хорошо показал В. А. Аврорин схемой: 1) социальные условия > 2) сферы и среды употребления языка > 3) формы существования языка > 4) структура языка в тех ее особенностях и элементах, которые порождаются внеструктурными факторами. Первые два компонента лежат вне языка, два других составляют сам язык в конкретных структурных и функциональных формах его бытования.

Социальное взаимодействие невозможно без языкового взаимодействия. Области социального взаимодействия людей различны в исторически сменяющихся общественно-экономических формациях (первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм). Обычно идет нарастание, расширение и углубление сфер социального взаимодействия, хотя, естественно, некоторые из ранее существовавших сфер могут оказаться ненужными и исчезнуть в новых социальных условиях.

Областям социального взаимодействия соответствуют сферы языкового взаимодействия, в частности сферы и среды употребления языка. Набор, емкость, а также конкретное социальное содержание сфер и сред функционирования языка исторически изменчивы; они зависят от прогрессирующего нарастания социального взаимодействия. Малочисленные и незначительные по емкости сферы и среды общения родоплеменного периода в эпоху народности и нации сменяются разветвленной системой сфер и сред функционирования языка.

Несмотря на то что сферы и среды находятся за пределами языка, они интересуют лингвистов как конкретные условия его непосредственного «местопребывания», как экология языка. Знание социальных условий проливает свет не только на функциональную сторону языка, но и на его структурную организацию, на язык во всем его объеме, на взаимодействии языков, иными словами, на более глубокое понимание общественной сущности языка и общественных условий его функционирования и развития.

К сожалению, пока нет перечней даже главнейших сфер-областей и сред употребления языка применительно к основным социально-историческим периодам развития человеческого общества, нет типологии сфер и сред с учетом специфики этнических и национальных особенностей конкретных народов мира. Более того, не все лингвисты находят необходимым разграничивать сферы употребления и

среды употребления языка как разные явления.

В настоящей книге принята концепция сфер и сред В. А. Аврорина. В. А. Аврорин следующим образом показал сущность функций (общих и частных), форм существования, сред и сфер употребления языка: «функция — это цель; форма существования — это вид орудия, среда — это условие, а сфера — это область применения этого орудия»¹.

Сфера использования языка — это общение людей между собой в области определенного вида общественной деятельности. Применительно к современной эпохе важнейшими являются следующие сферы общения (по В. А. Аврорину):

1) сфера хозяйственной деятельности; 2) сфера общественно-политической деятельности; 3) сфера быта; 4) сфера организованного обучения; 5) сфера художественной литературы; 6) сфера массовой коммуникации; 7) сфера эстетического воздействия; 8) сфера устного народного творчества; 9) сфера науки; 10) сфера всех видов делопроизводства; 11) сфера личной переписки; 12) сфера религиозного культа.

Сфера общения характеризуется не только особым видом деятельности, но тематикой коммуникации, а также преимущественным использованием определенных форм существования языка и определенных его функциональных типов. Например, сфера повседневного быта обслуживается, как правило, родным языком — местным диалектом, просторечием, наддиалектными койне, у образованных слоев общества — некодифицированной разговорной речью (РР) своего литературного языка или языка другого народа (например, русское дворянство пользовалось русским и французским языком). Сфера науки, напротив, не допускает «низких» форм вроде диалекта и просторечия, а требует оформления результатов научной деятельности наиболее совершенными формами языка — чаще всего литературным языком в его письменной разновидности (причем в формах, принятых в научном стиле данного языка). Нередко языком науки служит чужой язык (латынь в Европе, арабский язык — в странах Азии и Африки) или язык межнационального общения (например, многие научные работники национальных республик Советского Союза свои исследования в области (в подсфере) точных, технических и естественных наук пишут на русском языке).

Среда использования языка — это общность людей, связанных между собой теми или иными узлами — род-

¹ Аврорин В. А. Указ. соч. — С. 83.

ственными, этническими, социальными, территориальными — и пользующихся в соответствии с характером соединяющих их уз определенными формами существования языка. В. А. Аврорин выделяет восемь важнейших сред, перечисляя их в порядке нарастания их объемов: 1) семейное общение; 2) общение внутри производственного коллектива; 3) общение внутри социальной группы; 4) общение внутри населенного пункта или ограниченного региона; 5) общение при временно организованном средоточии людей; 6) общение внутри целого народа, независимо от его численности; 7) межнациональное общение; 8) общечеловеческое общение.

Среда общения в пределах семьи детерминирует преимущественно бытовую тематику разговоров, диалогическую организацию речи в ее устной форме, использование диалектной, народно-разговорной, а в случае национально-смешанной семьи — двух разных языков в зависимости от обстоятельств; обращение к литературной форме языка, а также к языку межнационального общения в семейном общении — явление редкое.

Среда общения внутри производственного коллектива (на заводах, крупных фабриках, в портах, на больших плантациях, в других трудовых и учебных коллективах), особенно с многонациональным и, следовательно, многоязычным составом, побуждает к пользованию языком межнационального общения — родным для большей части коллектива или неродным для всех участников производства. При обращении к межнациональному языку в первую очередь осваивается общеупотребительная и производственно-профессиональная лексика (терминология), в качестве неродного для всех участников производственного общения может выступать язык-пиджин (например, на африканских плантациях).

Имеются группировки, как бы сочетающие в себе сферы и среды употребления языка. Так, Л. Б. Никольский выделяет следующие шесть областей-сфер, соотнося их с типичными для них «языковыми образованиями» (языками, формами существования языков):

1) сфера общегосударственного общения; ее обслуживает в однонациональном государстве литературная форма родного языка, в многонациональном — один из национальных языков в роли межнационального средства общения;

2) сфера регионального общения; ее обслуживает в однонациональном государстве наддиалектная койне, в многонациональном — язык пации, не объявленный официальным языком страны;

3) сфера местного общения; ее обслуживают соответственно: бесписьменный или «письменный» диалект и языки нацменьшинств;

4) сфера производства; ее обслуживают профессионально-отраслевые «подязыки» и языки науки; нередко в качестве таковых выступают языки, неродные для основного населения (например, латынь в средневековой Европе, санскрит в современной Индии);

5) сфера семейно-бытового общения; ее обслуживают территориальные диалекты (говоры), народно-разговорный язык, койне, просторечие и соответственно — языки этнолингвистических общностей, иностранные языки (в высших слоях общества);

6) сфера ритуального общения; ее обслуживают в однонациональных и многонациональных государствах литературная форма национального языка, старописьменный национальный язык, иностранный язык (живой, мертвый).

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Изучением основных функций языка и функций «общественных», выполняемых языком в конкретно-исторических соцнумах, лингвисты стали заниматься лишь в середине XX столетия. Поэтому здесь еще нет таких результатов, какими являются, например, генеалогическая, типологическая (морфологическая) и ареальная классификации языков мира, классификации по языковым союзам, по языковым кругам и некоторые другие.

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения»¹. В этом ленинском определении сущности и назначения языка внимание сосредоточено на главной его функции — коммуникативной, функции передачи сообщения, информации (лат. *comunicatio* — сообщение, передача). Наличие у языка этой функции, причем как основной, признается всеми советскими учеными и многими зарубежными лингвистами. Иногда к числу основных относят и экспрессивную функцию — функцию выражения мысли (лат. *expressio* — выражение). В. А. Аврорин считает возможным к функциям языка отнести следующие: 1) коммуникативную (средство, орудие общения); 2) экспрессивную (выражение мыслей); 3) конструктивную (формирование мыслей); 4) аккумулятивную (накопление общественного опыта и знаний). Эти четыре функции он считает подлинными, свойственными языку во

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 5. — С. 258.

его семантики и иерархического статуса нецелесообразно. Именно против такого расплывчатого употребления термина «функция» протестовал В. А. Аврорин.

Переходя к проблеме функциональной классификации языков, следует иметь в виду, что таких классификаций (группировок) предложено несколько. Они различаются: а) основанием, б) полнотой, в) целевой установкой, г) охватом классифицируемых языков.

Пожалуй, наиболее ранней группировкой языков СССР по уровню «функционального развития» явилось их разделение на три основные группы: 1) языки старописьменные; 2) младописьменные; 3) бесписьменные — с последующей характеристикой, особенно младописьменных языков, учитывающей форму государственной автономии народа, диалектную расчлененность его языка, наличие одного или двух литературных языков у одной нации (например, два языка у коми-народа: коми-зырянский и коми-пермяцкий, два языка у мордовской нации: эрзянский и мокшанский), сферу применения, перспективы развития и т. п. Такой анализ проведен в 1960 г. В. А. Аврориным в статье «Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР».

Другой критерий лежит в основе группировки языков народов СССР (по формам национально-территориальной автономии!), предложенной в 1963 г. Ю. Д. Дешериевым: 1) русский язык как язык межнационального общения; 2) национальные литературные языки союзных республик; 3) литературные языки автономных республик и областей; 4) письменные языки с ограниченными общественными функциями (коряков, ненцев, нанайцев и др.); 5) бесписьменные языки малых народностей.

Эта классификация, естественно, не может претендовать на универсальность в силу ее ориентированности лишь на социально-национальные особенности нашей страны.

Третий критерий — учет сфер и сред общения — лежит в основе выделения функциональных типов языков, проведенного В. А. Аврориным в книге «Проблемы изучения функциональной стороны языка» (1975) и — в модифицированном виде — Л. Б. Никольским в работе «Синхронная социолингвистика», а также в пособии Л. Б. Никольского и А. Д. Швейцера «Введение в социолингвистику». Ими выделено пять функциональных типов «языковых образований» (языков, форм их существования) по признаку использования в качественно различающихся сферах коммуникации.

1. Макропосредник — это язык, который обслуживает межнациональное общение в многонациональном

государстве, или высшая, литературно-обработанная форма национального языка — в однопациональном государстве. Различают языки-макропосредники: а) исконные, возникшие в данном обществе естественным путем (они выполняют максимальное число возможных частных функций); б) заимствованные — они функционируют обычно не в полном составе своих форм существования (например, латынь как средство письменного общения, как язык религии и науки — в Западной Европе, языки бывшего колониального управления (английский, французский) — в странах Азии и Африки).

2. Р е г и о н а л ь н ы й язык — это язык или одна из форм его существования, не имеющие статуса общего языка в данном государстве. В качестве регионального языка могут выступать в многонациональной стране литературные языки крупных этнических общностей (наций), бесписьменные языки крупных народностей, в однопациональном государстве — наддиалектное койне. Функциональный статус регионального языка (койне) ниже, чем у языка-макропосредника.

3. М е с т н ы й язык — это язык нацменьшинства — в многонациональном государстве (обычно национальные меньшинства владеют и другим средством общения — макропосредником или региональным языком) или городское просторечие, территориальные диалекты — в однопациональной стране. Основная форма реализации местного языка — устная, основные сферы применения — быт, хозяйственная деятельность.

4. П р о ф е с с и о н а л ь н ы й «язык» — один из типов социальных диалектов: а) профессиональный язык (лексическая система); он может в принципе совпасть с языком этноса, например в Африке у рыбаков-бозо, торговцев-диула, пастухов-фульбе; б) условный язык (арго) торговцев, ремесленников, профессиональных нищих (офенский, масовский, жгонский, понатский, кубрацкий и десятки других тайных языков в дореволюционной России, а также тайные арго в странах Европы, Азии, Африки).

5. Р и т у а л ь н ы й язык — это культовый язык со специфической сферой применения (латынь в католическом богослужении, церковнославянский язык в православной религии, санскрит в индуизме, пали в буддизме).

Из зарубежных классификаций известны:

1) функциональная характеристика (в виде пирамиды из трех ярусов: 1) диалекты и языки местного значения, 2) малораспространенные языки, 3) языки-посредники) А. Мартине;

2) типология языков У. Стюарта (ненормированный родной язык; нормированный; нормированный, но не употребляю-

щийся в настоящее время; смешанный язык типа пиджин; искусственный и маргинальные языки);

3) классификация Ч. Фергюсона (основной язык; второстепенный язык; специальный язык), использующая в качестве второй, дифференцирующей ступени классификацию У. Стюарта;

4) классификация Дж. Гамперца (субрегиональные и региональные языки; языки социальных и профессиональных групп; религиозные и административные коды);

5) классификация Е. Найды и У. Уондерли (языки внутригрупповой, внегрупповой коммуникации и языки специальной информации).

Классификации зарубежных авторов отражают теоретическую специфику западной (в основном западноевропейской и американской) социолингвистики. Критический анализ указанных и других классификационных построений зарубежных социолингвистов дан в работах советских языковедов¹. Поиски наиболее адекватных и практически применимых социолингвистических классификаций, а также разработка других проблем функциональной типологии языков мира должны продолжаться.

¹ См.: Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Указ. соч.— С. 87—88, 100; Никольский Л. Б. Указ. соч.— С. 39—40; Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике.— Л.: Наука, 1971.— С. 74—80.

Глава IV

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ПРОБЛЕМАТИКА ДИАХРОНИЧЕСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Идея выделения ди а х р о н и ч е с к о й (от слова ди а х р о н и я — греч. *dia* — через и *chronos* — время) с о ц и о л и н г в и с т и к и наряду с синхронной социолингвистикой возникла по аналогии с расчленением общей лингвистики на синхронную и диахроническую.

Если обратиться к истории науки о языке, то можно констатировать, что языкознание начинало свой путь с изучения фактов языковой синхронии: в V в. до н. э. Панини составил нормативно-описательную грамматику индийского языка — санскрита. В аспекте синхронии обсуждались общеполитические и частные вопросы языка и в греко-римском языкознании (фонетика, учение о частях речи, синтаксис). Таким же было в основном и арабское языкознание (грамматика, лексикология). Описательно-синхроническим было языкознание в эпоху Возрождения, с его вниманием к живым национальным языкам, с его стремлением охватить словарями-каталогами все известные языки мира, хотя в это время и зарождались идеи и даже предпринимались конкретные шаги исторического толкования фактов языка (вопросы происхождения языка, этимология слов, объяснение сходства групп языков общностью их источника).

Диахроническое языкознание — детище последних двух столетий в истории лингвистики. XIX в. и начало XX в. прошли под знаком почти безраздельного господства исторического (сравнительно-исторического) языкознания. В этот период язык изучается как явление историческое, причем тесно связанное с народом, его материальной и духовной культурой, хотя конкретного учета социальных факторов в эволюции языка явно недоставало.

Уже в XIX в. зарождаются элементы науки, которая затем разовьется в самостоятельное направление — социальную лингвистику.

Еще в конце 60-х годов XIX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ в работе «О древнепольском языке до XIV-го столетия» в ис-

родой и одинаково касаются как его функциональной, так и структурной стороны.

В круг непосредственных интересов диахронической социолингвистики должны попасть следующие проблемы: 1) социолингвистический аспект проблемы происхождения языка; 2) социально-исторические типы языков; 3) история конкретных языков в социолингвистическом аспекте; 4) внешние и внутренние факторы эволюции языка в их взаимодействии; 5) истолкование понятия прогресса языка; 6) роль стихийного и сознательного в истории языка; 7) вопросы языковой политики и языкового строительства и др.

Ниже рассмотрены некоторые из указанных проблем. Для социолингвистического освещения истории одного из конкретных языков берется русский язык.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Ни биологические теории происхождения языка (звуко-подражательная, междометная), ни домарксистские социальные теории (теория общественного договора, теория трудовых выкриков) не могли дать убедительного объяснения появления человеческого языка. Первые исходили из эволюции лишь человеческого организма как такового (речевого аппарата, органов чувств, мозга) и были индивидуалистическими, вторые — лишь внешне, односторонние, метафизически учитывали связь языка и общества (коллектива) и были вульгарно-материалистическими.

Научная ценность марксистской теории происхождения языка состоит в том, что она опирается на достижения целого комплекса наук — естественных и общественных — и к решению проблемы появления языка подходит с позиций исторического и диалектического материализма, объединяя в одну глобальную проблему происхождение общества, сознания и языка, и верно указывает на ту силу, которая сыграла решающую роль в появлении человека.

Такой решающей силой был коллективный труд. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», «Диалектика природы», «Заметки на книгу А. Вагнера» содержится изложение основных положений диалектико-материалистической теории происхождения языка, общества и общественного сознания. Это первое в истории науки освещение проблемы происхождения языка с социолингвистических позиций.

Происхождение языка в этой теории связывается с первой,

и главнейшей, его функцией — коммуникативной. Язык появляется не для выражения индивидуальных потребностей — чувств, настроений отдельного человека, а для удовлетворения межчеловеческих, общественных потребностей. Он возник как средство передачи информации другим людям. Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹.

Настоятельную необходимость в общении чувствовали первобытные люди, занятые совместной борьбой с силами природы, охотой на крупных животных, защищаясь от нападения соседних первобытных орд. «Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена»².

Основные положения концепции Ф. Энгельса о происхождении языка в связи с формированием человека достаточно полно прокомментированы в учебной литературе по языковедению, антропологии, биологии, поэтому нет необходимости здесь повторять их.

Однако в избранном нами социолингвистическом аспекте освещения проблемы недостаточно ясными остаются вопросы моногенезиса — полигенезиса языка, характера и структуры первоначального языка, ранние этапы его эволюции.

Имея общее происхождение как подразделения одного вида (*Homo sapiens*), что подтверждается множеством антропологических факторов, первоначальные человеческие общности объединялись на основе кровного родства. Тем не менее они образовывали множество отдельных контактировавших между собой коллективов, каждый из которых имел свой язык, созданный (или унаследованный) данным социумом, в котором, как полагают, заметную роль играли вожаки-лидеры. «При первобытно-общинном строе, — читаем в монографии «Онтология языка как общественного явления», — должно существовать великое множество различных языков, а при их «скрещивании» происходил бурный рост лексики нового языка»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 29.

² Там же. — Т. 20. — С. 489.

³ Онтология языка как общественного явления. — М.: Наука, 1983. — С. 104.

Интересна гипотеза о лингвистическом состоянии родоплеменного периода, выдвинутая советским археологом и этнографом С. П. Толстовым и поддержанная многими видными учеными. «Естественно, каждый род, — писал С. П. Толстов, — живя своей замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свойственный только ему язык. Однако, общаясь на почве брачной жизни с другими родами, люди разных родов нуждаются в известном минимуме взаимного понимания. В процессе общения между родами их родовые языки идут по пути взаимообмена, взаимопроникновения, приводящего в итоге тысячелетней истории первобытных родов к созданию ... того, что я назвал бы своего рода «первобытной лингвистической непрерывностью». Языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает, и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседних локально-родовых языков оказывается допускающей взаимное понимание. Нет резких лингвистических границ. Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, — однако при удалении на определенное расстояние взаимная проницаемость постепенно исчезает. Перед нами вместе с тем отнюдь не диалекты в современном понимании этого слова, а с а м о с т о я т е л ь н ы е я з ы к и, ибо кроме них никаких других языков не существует»¹.

Подтверждением такой гипотезы, по-видимому, может служить исключительное многоязычие (языковая пестрота) аборигенов Австралии, папуасов Новой Гвинеи и других народов, находящихся на ранней стадии социального развития. Форма бытования языков-диалектов во многом обусловлена условиями жизни этих людей.

Звуковой язык в своей структурной организации был не всегда одинаков. Первоначально не выделялись отдельные звуки, отдельные слова, отдельные предложения. Да и семантика слово-предложений (звуковых комплексов) была иной — ситуативной, неустойчивой, нерасчлененной. Известный советский языковед Н. Ф. Яковлев так представлял себе строй первоначального языка человека: «На самой заре человечества мы должны ... предположить существование ... при-

¹ Советская этнография. — 1950. — № 4. — С. 17—18. См. также: Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. — М.: АН СССР, 1963. — С. 91—94.

митивного строя речи, который мы определяем как язык нечленяемых звуков-предложений... В эпоху звуков-предложений предложенис, не имевшее никаких форм, не расчлененное еще внутри себя ни на слова, ни на отдельные звуки, было одновременно зачатком, зародышем и слова, и отдельного звука (фонемы)¹.

Описанная стадия языка получила название одноуровневой структуры, которая сменилась сначала двухуровневой, а затем современной, многоуровневой. Ю. Д. Дешериев, предложивший концепцию трех периодов исторического развития языка, пишет: «В период существования стадного человека, стадной речи и стадного сознания могла формироваться одноуровневая структура языка (речи). На базе одноуровневой структуры сложилась двухуровневая структура в соответствии с формированием лексического (а в дальнейшем лексико-семантического) и синтаксического уровней. Последующее развитие общества и общественного сознания привело к образованию многоуровневой структуры»², включающей пять уровней — лексико-семантический, фонологический, морфологический, синтаксический и стилистический.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЯЗЫКОВ

Понятие о социально-историческом типе языка

Будучи общественным явлением, язык отражает своеобразие конкретно-исторических особенностей развития каждого из народов, их неповторимые социальные и коммуникативные ситуации.

Однако, несмотря на все разнообразие общественной жизни и связанной с нею языковой жизни социально-этнических общностей, можно выделить наиболее общие исторические типы языковых состояний, соотносимые с главнейшими историческими этапами в жизни общества. Эти этапы в значительной мере обусловлены характером социально-экономической жизни народа, в конечном счете — общественно-историческими формациями.

Общественно-историческим формациям соответствуют социально-исторические типы языковых ситуаций, или социаль-

¹ Яковлев П., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка.— М.; Л., 1941.— С. 8—9.

² Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории.— М.: Наука, 1977.— С. 35.

но-исторические типы («социальные типы» — по В. И. Кодухову¹) языков.

Под социально-историческим типом языка можно понимать типичное языковое состояние или типичную языковую ситуацию, складывающуюся в обществе в зависимости от переживаемой им стадии (эпохи) общественно-исторического развития — догосударственной (первобытно-общинной), государственной (эпохи рабовладельческого строя, феодализма, капитализма, эпохи социализма).

Лингвистическое содержание языкового состояния, или социально-исторического типа языка, составляет: 1) ведущая форма существования языка, ее характер, наличие или отсутствие письменности, степень развития словесных форм культуры; 2) соотношение ведущей формы и других форм существования языка; 3) основные тенденции в развитии языка как отражение тенденций развития общества (процессы дифференциации, интеграции); 4) взаимодействие между языками (родственными, неродственными) и актуальными для данного исторического этапа формами их существования; 5) удельный вес и соотношение стихийного и сознательного в развитии языка, языковая политика.

Социально-исторический тип языка в эпоху первобытнообщинного строя

Основной формой существования языка в родоплеменную эпоху является бесписьменный язык (диалект). Каждый род или каждое племя имеет свой язык (диалект). Племена включали по нескольку родов или по нескольку фратрий: «Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий, если брать классическую форму, образуют племя»². Языки родственных племен сходны между собой как генетически тождественные. Их принято называть диалектами (племенными диалектами). Племя отличает, по мнению Энгельса, «особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают»³.

В своей массе племена не поддерживали постоянных контактов между собой, их диалекты все более и более расходились. Ф. Энгельс, анализируя индейское племя дакота, отмечал: «На примере североамериканских индейцев мы видим,

¹ Кодухов В. И. Общее языкознание. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 179.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 21. — С. 92.

³ Там же. — С. 93.

как первоначальное единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчлняясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства»¹. Связи между ранее сходными диалектами прерываются, о наличии общего языка в этих случаях можно говорить лишь в генетическом, а не в функциональном плане.

Безусловно, в отдельных местах связь между близкородственными диалектами могла продолжаться и привести даже к выработке в новых общественно-исторических условиях общего языка — койне (как это было, например, в Древней Греции). И все же, видимо, следует признать, что из двух исторических тенденций — дифференциации и интеграции языков — в эпоху родоплеменного строя ведущей была дифференциация. К. Маркс писал: *«Постоянная тенденция к разделению коренилась в элементах родовой организации; она усиливалась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их {т. е. диких и варварских племен} общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разбичение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке»*².

Следовательно, можно полагать, что основным состоянием (социально-историческим типом) языка в эпоху первобытнообщинного строя была совокупность родственных племенных диалектов, которые, не будучи объединенными в одно целое, продолжали развиваться, порождая все новые и новые языковые образования (диалекты, языки).

О сколько-либо сознательном отношении людей к языку (диалекту) в рассматриваемый период и воздействию на него говорить трудно, хотя отрицать, что представители племени или союза родственных племен (а союзы чаще всего объединяли родственные племена!) осознавали общность своего языка и противопоставляли его другим, непохожим на него, тоже нет оснований. Как особенность человеческого коллектива язык был замечен очень рано, о чем свидетельствуют древние мифы и легенды о происхождении языков и различий между языками.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 97.

² Маркс К. Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса.— М., 1941.— Т. IX.— С. 79.

Социально-исторический тип языка в эпоху рабовладельческой формации

На смену бесклассовой первобытнообщинной формации пришла классовая организация общества, что совпало с образованием государств. Родовой строй «был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*», — писал Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»¹.

Объединяющим фактором в это время выступает «уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства»².

Совместная жизнь разных племен в пределах одного государства приводила к стиранию племенных диалектов и выработке более единообразного средства общения (нередко к появлению общеразговорного койне на базе ведущей, политически главенствующей территории или военно-политического и экономического центра, вроде Афин для Аттики и Рима для покоренных им италийских народов Апеннинского полуострова).

В государстве складывается новая форма этнической общности — народность. Если в народность входила значительная доля родственных племен и незначительная часть чужих племен, вовлеченных в общую государственную жизнь, то при продолжительном существовании единого централизованного государства в нем утверждался один язык (имеющий локальные расхождения), который усваивало и покоренное меньшинство (через стадию двуязычия, языка-ниджина или другие формы контактирования языков). Если государственно-административное объединение включало несколько разноязычных этносов, то язык одного из них оказывался общим для всех остальных, и они усваивали его в качестве второго языка (например, арамейский язык в странах Ближнего Востока, народная латынь в провинциях римского мирового владычества. Особенно заметна в этот период роль письменных языков: арамейского, древнеперсидского, греческого, латинского).

Итак, в эпоху рабовладельческого строя в связи с возникновением государств и военно-административных объединений (типа восточных деспотий, греческих и римских империй) племенные диалекты, бывшие ранее единственной формой существования языка, уступают место целому

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 169.

² Там же.— С. 117.

комплексу средств общения: территориальным диалектам, общим (межэтническим и межтерриториальным) койне, временному или длительному двуязычию (обычно в устно-разговорной речи). Возникает и получает распространение письменный язык (в государственной, культовой жизни, науке и литературе). Социально-историческому типу языка этого периода свойственны различные виды диглоссии и билингвизма.

Социально-исторический тип языка в эпоху феодализма

Эпоха феодализма в одних странах следует после рабовладельческой формации, в других может наступать непосредственно в результате разложения первобытнообщинного строя. В последнем случае феодальная государственность выступает как объединительный фактор, перекрывающий ранее существовавшие узы племенного родства. Феодальной социальной общности — народности — соответствует свой социально-исторический тип языка. Его конкретный вид зависит от стадии феодализма, в частности от степени объединенности или разобщенности частей феодального государства. Объединительные тенденции выражались в экономической, административно-политической, культурной и религиозной общности, а также в общности языковой. Язык народности эпохи феодализма представляет собой континуум (непрерывность) территориальных диалектов, обладающих сходством в основных звеньях грамматического и звукового строя, а также словаря. Структурное сходство всех диалектов обусловлено общностью их происхождения (чаще всего они — своеобразное продолжение племенных диалектов), а также едиными процессами, протекающими в них в результате междиалектного контактирования. Сходство диалектов, осознаваемое их носителями, позволяет говорить о языке народности как об особом языковом состоянии или об особом социально-историческом типе.

В период, когда единое феодальное государство дробится на отдельные самостоятельные княжества-государства, слабеет унифицирующая роль общего языка (речи культурно-экономического центра, например языка города Киева в период ослабления Киевского государства) и усиливаются центробежные тенденции, приводящие к возникновению поместно-территориальных диалектов. «Чисто территориальные союзы» (В. И. Ленин), возникавшие из крестьян — выходцев из разных областей, выступали в качестве социального субстрата смешанных диалектов. Подвижность, неустойчивость

границ феодальных уделов-княжеств влекли за собой изменчивость диалектного ландшафта. В целом период феодализма характеризовался одновременным действием процессов дифференциации и интеграции (конвергенции) с некоторым преобладанием, особенно в моменты наибольшей разобщенности княжеств, дифференциации. Однако дифференциация этой поры не всегда приводила к утрате диалектами их первоначального единства, т. е. к образованию самостоятельных языков.

В эпоху феодализма обычно распространена письменность. Однако функции письменного языка в средневековье, как правило, выполняет неродной язык (старославянский на Руси, классический арабский на Востоке, латынь в странах Западной Европы). Объем выполняемых им функций явно уступает функциональной нагрузке, приходящейся в это время на территориальные диалекты. Незначительной бывает и сфера письменно-литературного языка, возникающего на базе народно-разговорной речи своего языка.

Таким образом, социальной общности феодальной формации соответствует языковая ситуация, включающая такие компоненты, как территориальные диалекты, междиалектные койне крупных городских центров, письменные разновидности литературного языка, сложившиеся на исконной основе и чаще — на базе заимствованного неродного (неродственного или родственного) языка. Взаимодействие указанных компонентов порождало двуязычие (устное, письменное) и разные типы диглоссии.

Социально-исторический тип языка в эпоху капитализма

Уже народность как форма социальной общности людей содержит в себе зачатки того комплекса признаков (общность территории, экономики, духовного склада, языка), развитие и стабилизация которых в условиях новых производственно-капиталистических отношений приводит к появлению нации и превращению языка народности в язык нации. Единство языка для нации — одно из условий капиталистического уровня ее социально-экономического развития. «...Единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи

рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчком, продавцом и покупателем»¹.

Стремление к единству языка находит свое воплощение в выработке нового социально-исторического его типа — языка национального, который при сходстве с языком народности отличается от него набором форм существования языка, а главное — качественно новым содержанием и объемом их общественных функций.

Национальный язык имеет высшую форму — литературный язык, причем как в письменной, так и в устно-разговорной разновидностях. Литературная норма противопоставлена всем другим формам ненормированной речи — народно-разговорной, интердиалектам (койне), просторечию, диалектам, которые в совокупности составляют «сниженный» пласт национального языка. По сравнению с литературным языком народности литературный язык национального периода обслуживает более широкий социальный состав носителей, он понятен всем слоям общества на всей территории страны и в этом смысле является общенациональным. Иной характер, чем в эпоху народности, имеют и другие компоненты языка нации. Совершенно новым является просторечие, практически отсутствовавшее в донациональный период (под просторечием XVII—XVIII веков в истории русского языка понимается не книжный, «природный» язык, функционировавший в устной форме и частично проникавший в некоторые стили письменной речи), значительно расширили сферу и среду использования социальные диалекты (причем некоторые их типы появились лишь в национальный период, например групповые жаргоны, отдельные разновидности арго), иным, социально маркированным содержанием (как речь необразованного крестьянства) наполняются традиционные местные диалекты, к тому же начинающие терять свои наиболее отличительные черты.

Формирование социально-исторического типа языка нации в разных странах проходило по-своему. К. Маркс и Ф. Энгельс указали на три наиболее распространенных пути образования национальных языков. «...В любом современном развитом языке естественно возникающая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 258—259.

словенной экономической и политической концентрацией»¹. Своеобразие исходного материала и путей «возвышения» языка народности до национального языка обуславливает неповторимость каждого из национальных языков в отношении набора его компонентов, их коммуникативной силы, характера взаимодействия, социально-функционального и функционально-стилевого распределения. Так, в состав русского национального языка входит просторечие — категория, не имеющая структурного и функционального аналога во многих других, в частности европейских, языках. Национальные языки могут различаться и по числу обслуживаемых ими наций. Как известно, английский язык — национальный (и государственный) язык английской, североамериканской, австралийской и ряда других наций, испанский язык помимо испанской нации выступает в качестве национального языка у более 20 наций Латинской Америки. Обычно же языки соотнесены с одной нацией (украинский, белорусский, узбекский, грузинский и др.).

Язык в социалистическом обществе

Еще в 1914 г. В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?», разъясняя основные положения национально-языковой политики социал-демократической партии, сформулировал принцип равноправия всех наций и народностей, а на вопрос, поставленный в заглавии статьи, дал отрицательный ответ. Обязательный государственный язык (речь шла о русском языке) лишил бы народы многонациональной страны юридического равноправия и одновременно затруднил свободный выбор языка для нужд межнационального общения. В. И. Ленин писал: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*»².

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в ходе строительства социализма шло формирование социалистических наций и народностей, а вместе с национальным строительством — языковое строительство. Первоочередной задачей было стимулирование развития национальных языков, формирование литературных языков у тех наций и народностей, которые были бесписьменными (киргизы, авар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 427.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 295.

цы, ханты, манси, коми, чукчи, нанайцы и др.). Более 50 наций и народностей из 130 за годы Советской власти получили письменность на родном языке.

Наряду с курсом на развитие национальных языков создавались все условия для расширения межнациональных контактов с помощью языков-посредников — общего (каким в силу исторических причин в нашей стране стал русский язык) и региональных (например, грузинского, узбекского, аварского и др.).

Использование русского языка, добровольно принятого в качестве средства межнационального общения, породило новый тип билингвизма — национально-русское двуязычие, при котором наблюдается гармоническое сочетание и разделение функций родного и русского языков. Для большинства лиц, владеющих своим и русским языком, русский оказывается не просто вторым языком, но вторым родным языком и одновременно общим языком межнационального общения. В настоящее время русским языком свободно владеет 82% населения СССР. Его роль возрастает в связи с формированием в СССР новой социально-исторической общности — советского народа, представляющего собой качественно новое единство национального и межнационального.

В условиях социализма расширились общественные функции не только русского, но и других национальных языков (старописьменных и младописьменных). Наряду с этим происходило совершенствование их структуры, обогащение словаря, дальнейшая стилистическая дифференциация.

Яркой чертой литературных языков социалистических наций является их демократизация, сближение книжных и разговорного стилей, рост общего лексического (терминологического) фонда всех языков нашей страны.

На долю русского языка выпала роль быть языком не только межнационального, но и международного общения.

С выдвиганием при социализме литературных языков в качестве ведущей универсальной и полифункциональной формы существования все другие формы существования национального языка (территориальные диалекты, социальные диалекты, просторечие) еще более суживают сферу своего бытования. Функциональная структура языка социалистической нации такова, что в ней доминируют наиболее совершенные литературно-образцовые формы общения. Гармоническое двуязычие и многоязычие — одна из важных особенностей социализма.

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Изучение истории русского языка в связи с историей народа, его культуры было начато уже в первой половине XIX в. А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым, И. И. Срезневским, А. А. Потебней и продолжено в трудах выдающихся отечественных языковедов второй половины XIX — начала XX в. Отчетливо социально-исторический план истории языка был сформулирован И. А. Бодуэном де Куртенэ во вступительной лекции в Петербургском университете (декабрь 1870 г.): «Внешняя история языка тесно связана с судьбами его носителей, то есть с судьбами говорящих им индивидуумов, с судьбами народа. В круг ее исследований входит распространение языка, как географическое, так и этнографическое, общее влияние иностранных языков на данный язык и наоборот, решение вопросов, употребляется ли данный язык и как литературный, или он живет только в народе, каким условиям принадлежат люди, говорящие известным языком, в большом ли ходу язык (если он, разумеется, литературный) за своими собственными пределами, как по отношению к пространству (французский, немецкий, английский и вообще так называемые универсальные языки), так и по отношению ко времени (латинский, греческий, церковнославянский), и если он в употреблении у других народов, то для каких именно целей и т. д. и т. д. — вот вопросы, принадлежащие внешней истории языка»¹.

Расчленяя историю языка на внутреннюю и внешнюю, Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что они «влияют взаимно друг на друга», причем «влияние внешней на внутреннюю кажется сильнее, чем наоборот». Воздействие внешней истории языка на его внутреннюю историю проявляется в ускорении или замедлении внутреннего развития языка. Влияние внутренней истории на внешнюю историю языка проявляется в ускорении или замедлении развития литературы, в «переменяемости» языка, в том, «можно ли считать известные наречия частями одного языка или же самостоятельными целыми».

Программа исследования общих закономерностей развития языка с учетом «сил и законов» языковой эволюции, намеченная более 100 лет назад Бодуэном де Куртенэ, в советской социалингвистике значительно расширена, углублена и усложнена. Поставлена задача объединения, синтеза результатов «внешней» и «внутренней» лингвистик, в частности

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. — С. 69.

создания единой научной истории русского языка, органически соединяющей в себе, говоря несколько упрощенно, и «Историческую грамматику русского языка», и «Историю русского литературного языка».

Описать языковое состояние русского языка за более чем тысячелетнюю его историю — значит указать все формы его существования и формы существования контактирующих (в плане биллингвизма) с ним языков и проследить их динамику, выделяя для каждой эпохи и каждого периода главные коммуникативные формы и ведущие тенденции развития языка (языков).

История русского языка начинается с периода восточнославянского единства, которое существовало, по-видимому, уже с VI в., а в X—XI вв. оформилось как древнерусская народность, имеющая общий язык (совокупность родственных диалектов).

Киевское государство вобрало в себя несколько племен (племенных союзов). В этот период еще не утратилась память о таких племенах (позже перечисленных в «Повести временных лет»), как: словене, кривичи, вятичи, радимичи, северяне, дреговичи, древяне, поляне, дулебы (волыняне), хорваты, тиверцы, уличи (12 племен). Каждое племя имело свой диалект, существовавший в устной форме. Установлены места обитания всех этих племен, составлена их лингво-этнографическая карта.

Признавая сходство всех восточнославянских племенных диалектов (в частности, развившееся в них первое полногласие: *горохъ, порохъ, борода, голова, берегъ, молоко* в отличие от южнославянского неполногласия, а также от огласовки западнославянских языков, например, ст.-сл. (древнеболгарское) *грахъ*, польское *groch* и т. п., историки языка отмечают и некоторые различия между ними. Так, в большинстве диалектов звук [г] был взрывным, но в некоторых (южных) диалектах произошло ослабление взрыва и образовался [γ] (фрикативный). В диалекте словен произошло смешение [ч] и [ц], дававшее цоканье.

Для периода, предшествовавшего возникновению государственности, и первых веков централизованного государства восточных славян — Киевской Руси главной формой существования языка, видимо, были племенные диалекты. Их структурное сходство облегчало межплеменное общение. Совокупность генетически родственных и функционально однотипных племенных диалектов принято называть языком, в данном случае — древнерусским (восточнославянским) языком.

Имеются предположения о существовании у восточных славян этой поры и своей, исконно русской письменности. В конце X века произошло крещение Киевской Руси и начал распространяться в качестве письменно-литературного старославянский язык.

С X—XI вв. этнолингвистический ландшафт меняется: ведущей формой существования языка становятся территориальные диалекты. Выделялись диалекты киевский, новгородский, псковский, ростово-суздальский, рязанский, чернигово-северский, галицко-волинский, смоленско-полоцкий. В структурно-языковом плане они продолжают в несколько трансформированном виде племенные диалекты, в функциональном плане существенно отличаются от них: они обслуживают уже другие общности людей, с новыми социально-культурными чертами: этнографическими, политико-административными, экономическими, культурными. Разнятся диалекты отдельных земель, областей, княжеств по степени самостоятельности, характеру сочетания в них разнодиалектных особенностей, по широте выполняемых функций.

Важным моментом, связанным с процессом феодальной перегруппировки диалектов, в частности их интеграции, было складывание на бывшей земле полян (с центром в Киеве) к и е в с к о г о к о й н е, сочетавшего в себе языковые черты как южных, так и северных (новгородских и ряда других) территорий. Койне выступало в качестве и н т е р д и а л е к т н о г о с р е д с т в а с в я з и Киева (Киевского государства) со всей Русью и служило большим подспорьем литературно-письменным языкам или типам языка (исконному и старославянскому), обслуживавшим государственные, культурные и культурные нужды населения огромного по размерам Киевского государства.

Сложен вопрос о характере и функциях литературного языка (литературных языков или типов литературного языка) этого периода.

Проанализировав концепции А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, Д. С. Лихачева, Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского, Н. А. Мещерского и других ученых, А. И. Горшков в книге «Теория и история русского литературного языка» языковую ситуацию Киевской Руси представил в следующей схеме:

1. Д р е в н е р у с с к и й я з ы к

1. Разговорная разновидность употребления древнерусского языка. Сфера функционирования — непосредственное устное общение.

2. Литературная разновидность употребления древнерусского языка:

1) народно-литературный тип; сфера употребления — светская оригинальная и переводная литература: летописание, сочинения повествовательные, исторические, светские поучения, частная переписка и др.;

2) книжно-славянский тип; сфера функционирования — религиозная оригинальная и переводная литература: жития, поучения, «слова», «хожения», религиозно-учительные сочинения и др.;

3) деловой язык; сфера функционирования — юридические документы.

II. Церковнославянский язык

Сфера функционирования — канонические богослужебные тексты: Евангелие, Апостол, Псалтырь, книги Ветхого завета¹.

Упомянутые выше территориальные диалекты и киевское койне входят в «разговорную разновидность употребления» древнерусского языка.

В XII в. Киев теряет свое ведущее значение, на севере (а также северо-западе и северо-востоке) усиливаются новые феодальные центры, идет обособление земель, формирование диалектов (новгородского, псковского, смоленского, ростово-суздальского, акающего диалекта на юге). Однако этот процесс пока не привел к нарушению языковой общности древнерусской народности. Это событие произойдет позднее, в XIV—XV вв., когда в силу целого комплекса причин (военно-политических, административных, социально-экономических, культурных) на основе восточнославянских диалектов начнут складываться три самостоятельных языка — русский (великорусский), украинский (малорусский), белорусский.

Русская (великорусская) народность сложилась в XIV—XV вв. на территории Северо-Восточной, или Ростово-Суздальской, Руси. Язык этой народности включал в себя диалекты таких крупных феодальных земель, как Ростово-Суздальская, Новгородская, Псковская, Рязанская земли. С выдвиганием Московского княжества в качестве политического, экономического и культурного центра в Ростово-Суздальской Руси идет (в XIV—XVI вв.) складывание среднерусских говоров в местах смешения севернорусской (окающей) и южнорусской (акающей) речи. Складывание московского койне, а также диалектной зоны Центра — весьма существенно

¹ См. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. — М.: Высшая школа, 1984. — С. 86.

для дальнейшей языковой жизни страны: они послужат базой языка великорусской народности, а впоследствии окажут решающее влияние на формирование норм языка русской нации.

Характеризуя устную народно-разговорную стихию XVII в., Ф. П. Филин указывал, что она «реализовалась в бесконечном количестве местных и социальных говоров во главе с московским койне»¹. Разговорная разновидность литературного языка в это время еще не сложилась, не было и просторечия. Русский язык служил средством общения всего русского населения и части населения многих нерусских национальностей, входивших в состав России. В последнем случае имело место двуязычие, обычно устное.

Но кроме устных форм существования языка, в Московском государстве использовались и литературно-письменные языки, продолжавшие традицию двух языков (двух типов языка) Киевской Руси, — книжно-славянский (церковно-книжный) и литературный (народно-литературный) язык великорусской народности. Разница между ними была значительной, особенно в период так называемого второго южнославянского влияния, когда тексты на церковно-книжном языке воспринимались как архаизированные (этому способствовала и их орфография, включавшая букву «юс большой», букву *і* (десятеричное), написание слов с начальным *ю*: *юдоль*, *юродивый*, устранение йота перед буквой *а*: *житиа* вм. *жития* и т. д.). Этот язык, несмотря на его процветание в XIV—XV вв., воспринимается как «система замкнутых языковых средств»²: в последующие века он сдает свои позиции, русифицируется и превращается в «высокий» (риторический) стиль русской письменности. Шло расширение сферы использования народно-литературного языка и письменно-деловой речи. Тем не менее оба литературно-письменных языка в донациональный период не составляли единой системы с разговорной речью, не отличались широтой общественных функций (они обслуживали лишь часть нужд общества), а также нормированностью (они допускали использование регионализмов)³.

Таким образом, языковая ситуация эпохи русской (великорусской) народности характеризовалась наличием и взаимодействием народно-разговорных и литературно-книжных форм существования языка. Народно-разговорные формы воплоща-

¹ Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. — М.: Наука, 1981. — С. 107—108.

² Кожин А. Н. Литературный язык Московской Руси. — М.: Русский язык, 1984. — С. 34.

³ См.: Филин Ф. П. Указ. соч. — С. 189.

лись в продолжавших существовать и развиваться территориальных диалектах, в появившихся в эту эпоху новых среднерусских говорах, в московском койне, в разнообразных социальных диалектах (профессиональных лексических системах и тайных языках (арго) отдельных профессий). Литературно-книжные формы были представлены двумя языками (типами языков) — народно-литературным и книжно-славянским. Такой набор форм существования порождал диглоссию и двуязычие.

С XVII в. русская народность перерастает в нацию, а язык народности обретает признаки и функциональную силу языка национального. Социально-историческую ситуацию начального этапа жизни русской нации Ф. П. Филин характеризовал так:

«Если XVII в. — начало сложения русской нации, то в XVIII в. она уже существовала. В это время происходят события огромной важности, сплотившие русскую народность в единую нацию. Развиваются промышленность и торговля, оформляется всероссийский рынок, который находит себе выход на международный рынок через вновь приобретенные удобные порты на Балтийском море. От прежних уделов остаются одни воспоминания. Создается единая регулярная армия, государственные институты. В процессе освоения новых обширных земель и основания новой столицы — Санкт-Петербурга происходят значительные передвижения населения и его перемешивание. Развивается светское образование (общее, военное, морское и др.), пачинается бурный рост науки, отделившейся от церкви, а также публицистики, художественной литературы, создаются Академия наук, Московский университет, гимназии и другие учебные заведения. Эти и другие важные исторические перемены подготовили благоприятные условия для закрепления русского языка, обогащенного церковнославянской языковой стихией и западноевропейским влиянием, в литературе»¹.

В составе разнообразных компонентов национального языка как социально-коммуникативной системы литературный язык, к тому же ориентированный на народную речь, становится ведущей формой проявления национального языка. Вобравший в себя лучшие средства всех форм общения донационального и национального периода (языка народно-литературного и книжно-славянского, приказно-делового, народно-разговорного и др.), выработавший две разновидности — письменную и устную, осуществив их нормирование и кодифи-

¹ См.: Филин Ф. П. Указ. соч., — С. 120.

кацию, национальный литературный язык расширил свои общественно-коммуникативные функции и уже в это время отчетливо обнаруживал тенденцию к «всенародности или общенародности» (В. В. Виноградов). Ранее сильный и широко употребительный книжно-славянский язык (или тип языка) явно сужает свои функции, частично входя в систему речевых средств русского литературного языка (в его «высокий» стиль), а также превращаясь в культовый язык церковного обихода (ритуальный язык).

Значительное место в системе национального языка начинает занимать речь города. Она вырывается из системы местных говоров, возвышается над ними, противостоит им как утрачивающая резкие диалектные особенности, но тем не менее отличающаяся от устной нормы литературного языка. Это — просторечие. Становление просторечия относится ко второй половине XVIII в. и по времени совпадает со становлением устной разновидности литературного языка. Просторечие как обиходно-разговорная речь различных слоев городского населения (дворян, мещан, духовенства, мастеровых, купечества) выступает в качестве прослойки между литературным языком и территориальными диалектами. От литературного языка просторечие отличает ненормированность, стилистическая сниженность, от местных говоров — общерусское, локально неограниченное распространение. Систематическое использование просторечия в литературном языке, в его «низком» стиле, порождает так называемое литературное просторечие, которое следует отличать от просторечия, стоящего за пределами литературного языка (вне литературное просторечие). По мнению Ф. П. Филина, «в эпоху Пушкина завершается сложение русского национального языка во всех его разновидностях» и начинается история современного русского литературного языка.

В истории современного русского литературного языка выделяют два крупных этапа: 1) от Пушкина до Великого Октября, 2) после 1917 г. до наших дней. Как справедливо заметил Ф. П. Филин, «это деление относится ко всему национальному языку, только с некоторыми уточнениями»¹.

Начнем с уточнений, касающихся литературных компонентов русского национального языка.

1917 год положил начало формирования социалистических наций, в отношении которых исчез социальный антагонизм и сложилось экономическое, социально-политическое и идей-

¹ См.: Ф и л и н Ф. П. Указ. соч. — С. 137.

ное единство. Многонациональный состав нашего государства, формирование исторически новой социальной и интернациональной общности — советского народа — поставили перед народами Советского Союза задачи дальнейшего совершенствования языков всех наций и народностей нашей страны и одновременно выдвижение одного из них на роль общего языка межнационального общения. Эта почетная миссия выпала на долю русского языка — одного из богатейших языков современности. Он стал выполнять и функции языка международного общения.

Русский язык в советский период не оставался неизменным и по структурно-коммуникативной организации. Приближение сельскохозяйственного труда к промышленному, теснейшая связь сельских жителей с городом, всеобщая грамотность (первоначально в объеме начальной школы, затем неполной средней, а теперь в объеме средней школы), высокий общекультурный уровень жителей не только пригородов, но и более отдаленных от центров сел и деревень — все это определило судьбу такой в прошлом «людной» формы существования языка, как русские территориальные говоры. Они начали превращаться в «сельские полудналекты», терять очертания своей системной организации, локальную обособленность, сближаться и почти совпадать с просторечием.

Само же просторечие, хотя и продолжает быть живой и даже развивающейся категорией (особенно новое городское просторечие), явно суживает сферу своего функционирования в связи с усвоением его бывшими носителями нормированной литературной речи.

Серьезные преобразования произошли и в социальных диалектах. Одни из них в условиях социалистической действительности исчезли (тайные языки торговцев и ремесленников-отходников, жаргон деклассированных, отдельные разновидности профессиональных говоров), другие продолжают существовать, однако не в застывшем виде, а постоянно обновляя лексику и фразеологию при сохранении своих ведущих признаков (жаргоны отдельных молодежных коллективов), третьи продолжают жить и развиваться в новом качестве (многие профессиональные говоры, перерастающие в производственно-технические терминологии).

Расширение и усложнение общественных функций русского языка — языка национального, межнационального и международного общения — ведет к обогащению и улучшению его внутривидовой организации, к превращению его в эффективнейшее средство современной коммуникации.

Язык развивается в обществе по объективным законам. Однако общество постоянно контролирует язык (узусом, языковым сознанием, нормализацией, кодификацией). Язык — один из наиболее ярких и полных выразителей самосознания народа. Поэтому понятен интерес к языку как со стороны рядовых его носителей, так и со стороны научной общественности. Наука о русском (славянском) языке зародилась еще в донациональный период (работы Максима Грека, «Букварь» Ивана Федорова, «Грамматика словенска» и «Лексис» Лаврентия Зизания, «Грамматики славянския правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого, «Риторики» Макария, М. И. Усачева, «Лексикон» Памвы Берынды и др.), в последующие века она не только расширила области теоретического исследования, но и усилила нормализаторский аспект своей деятельности (грамматика В. Е. Адогурова, теория трех штилей и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, грамматики Н. Г. Курганова, А. А. Барсова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, лексикографическая практика Петербургской академии наук).

Языкознание советского периода ознаменовано небывалым размахом теоретических исследований, широким участием лингвистов в практике культурно-языкового строительства. Подготовка и издание академических грамматик, ряда общих и специальных словарей русского языка нормативного профиля, множества практических руководств по культуре речи, популярных книг о русском языке, о его значении в жизни народов нашей страны, народов стран социалистического содружества и месте среди языков мира — все это убедительные примеры заботы советских людей о языке, борьбы за его чистоту, ясность, точность и выразительность, показатель понимания того, что «борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней» (М. Горький).

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Важную роль в общественно-экономической жизни современного мира играет научно-техническая революция (НТР). Будучи социальным явлением, НТР имеет различное содержание, цели и условия развития в странах социализма и странах капитализма. «Так, в условиях социалистического общества научно-техническая революция, являясь могучим ускорителем научно-технического прогресса, оказывает в то же время все возрастающее влияние на природу, общество,

производство, человека, все стороны социально-экономической, идейно-политической и культурной жизни всего человечества»¹.

Естественно, НТР воздействует и на язык, предъявляя к нему новые требования, поскольку связанный с НТР прогресс общества нуждается не только в научно-теоретическом, производственно-техническом, но и в лингвистическом обеспечении. Язык был и остается «важнейшим средством человеческого общения» (В. И. Ленин).

Язык появился с обществом и развивался вместе с ним. «Язык идет вместе с жизнью народа...» — писал В. Г. Белинский. Назначение языка — служить обществу, он выполняет такие нужные обществу функции, как коммуникативная (быть средством общения людей), конструктивная (служить средством формирования мыслей), экспрессивная (быть средством материального выражения мыслей), аккумулятивная (служить средством накопления и хранения социального опыта и знания). О последней функции языка хорошо сказал в свое время А. Н. Радищев: «Речь есть, кажется, средство к собиранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим усовершенствованием»². Эти функции были свойственны языку всегда, они сопровождали «усовершенствующегося» человека с момента его выделения из мира животных. Но объем и конкретные виды выполняемых языком «работ», конечно, увеличивались и усложнялись по мере восхождения общества на новые ступени развития. «Состав лексикона, — подчеркивал Н. Г. Чернышевский, — соответствует знаниям народа» («Антропологический принцип в философии»). Функциональные нагрузки влияли на язык, развивали его, развивали и совершенствовали выразительные средства. Причем, как свидетельствует исторический опыт, особенно быстро язык обогащался «в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей...» (М. Горький). Бурный период в общественной жизни нашей родины открыл Октябрь 1917 года. А через 10 лет М. Горький уже отмечал: «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей»³.

Глубина современного научно-технического прогресса в СССР и в странах социалистического содружества обусловлена преимуществами их общественного строя. Наша партия по-

¹ Научно-техническая революция и строительство коммунизма. — М., 1976. — С. 5.

² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. — Т. II. — С. 32.

³ Горький М. Соч. — Т. 24. — С. 491.

ставила перед советским народом задачу — добиться органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Немаловажную роль в этом деле играет язык, речевая культура многочисленных народов Советского Союза, так как без развитого и совершенного средства общения невозможно качественное преобразование всех производительных сил и производственных отношений, массовое приобщение к современному научному мировоззрению, к научно-техническим и общественно-политическим знаниям.

НТР — явление многоаспектное. Один из важнейших ее аспектов — лингвистический, поскольку язык в наше время (особенно с использованием средств массовой коммуникации) выступает как эффективное орудие социального управления.

Как «отозвался» язык на происходящую НТР? Что появилось в нем в связи с фундаментальными достижениями в области естествознания, в частности лидирующих в настоящее время наук: физики, химии, биологии, кибернетики, космологии? Наиболее очевидным новшеством является развитие соответствующих терминологий — физической, химической, биологической, кибернетической, космологической. Но с достижением этих наук связано интенсивное развитие целого комплекса других, в особенности технических, наук: атомной энергетики, электроники, электрохимической и лазерной техники. По мнению социологов, влияние этих и других открытий на общество «весьма глубоко и многогранно». Одна из сторон этого влияния — выработка огромного количества новых научных и общекультурных понятий и закрепление их в единицах языка — словах и сочетаниях слов: *кибернетика, цепная реакция, орбитальный (полет), катапультирование, интервидение, лазер, науковедение, науковедческий* и др.

В 1963 г. сообщалось («Известия», 18 мая 1963 г.), что в окружающем нас мире выделено и названо более 4 миллионов предметов, причем ежегодно их становится больше на 200 тысяч. Это число названий равно словарному запасу хорошо развитого языка. На наших глазах удваивают и утраивают свои «лексико-понятные мощности» традиционные науки, зарождаются и формируются новые терминосистемы (электроники, электрохимической, лазерной, космической техники и др.).

Специалисты-науковеды подсчитали, с какой скоростью увеличивался и будет увеличиваться объем научной информации в XX в. Мировой патентный фонд прибавляется в год на 0,4—0,5 миллионов патентов. К концу века ожидается его возрастание в 4—5 раз! По данным советского исследова-

теля Г. М. Доброва, общий объем знаний возрастет к концу века по сравнению с 1950 г. вдвое, а научно-технической информации — более чем в 30 раз¹. Нетрудно представить, какого терминологического «хозяйства» потребуют новые научные понятия и целые терминосистемы, как должна будет повыситься информативность научно-технической литературы, какое место в системе функциональных стилей языка займет научный стиль. Ведь к 2000 г. языку придется «оформлять» только научно-технических знаний в 30 раз больше, чем за всю историю человеческой цивилизации. Одним из хранителей и распространителей ценнейшей научной информации выступает русский язык.

Отраслевые терминологии не только расширяются, но и преобразуются качественно. Входящие в них слова-термины становятся более системными: уточняются родо-видовые отношения между ними, устраняются слова-дублиеты, а также локальные профессионализмы, происходит специализация словообразовательных средств (суффиксов, приставок и т. п.) для выражения научных понятий и категорий, используются новые, обычно более отвлеченные, мотивы и принципы наименования.

Известно, что научный стиль характеризуется не только лексикой (терминологической, общенаучной, общетехнической и др.), но и особенностями грамматического строя, связанного с обобщенностью и строгой логичностью научного изложения. В нем преобладают распространенные конструкции (доля нераспространенных двусоставных предложений составляет лишь около 10%), а среди сложных предложений — сложноподчиненные конструкции (до 80%). Из односоставных предложений в этом стиле представлены преимущественно обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения (типа: *Установлено, что...*; *Выясняется, что...*). Избирательно использует научный стиль и многие морфологические категории (время, вид и лицо глагола, род и число существительных, краткие и полные формы прилагательных и др.)². Абстрактности научного содержания (мысли) соответствует более высокая абстрактность речи. С расширением сферы применения научного стиля и его подстилей (в частности, научно-популярного) в соответствии с потребностями и темпами научно-технического прогресса идет совершенствование и его грамматических средств: дальнейшая специализация общезыковых категорий и форм, выработка специфич-

¹ См.: Добров Г. М. Наука о науке.— Киев, 1970.— С. 47.

² См.: Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими.— Пермь, 1972.

ческих конструкций, формул, символов и приемов выражения. С возрастанием уровня научной абстракции чаще требуются средства, специально создаваемые для ее выражения (например, символика в трудах по математике, физике, химии). Наряду с обращением к специальным способам и приемам научного изложения (цифровым, грамматическим и т. п.), наблюдается и другая тенденция — использование языковых средств, характерных для разговорного и публицистического стилей: свернутые синтаксические конструкции, разного рода усечения, сложносокращенные слова и т. д.

В современных наиболее развитых языках налицо два диалектически связанных процесса: 1) дальнейшая профессиональная дифференциация (в связи с чем представители одной отрасли знаний затрудняются в понимании специалистов другой отрасли науки); 2) растущая интеграция терминосистем, в частности выработка общего фонда наименований для понятий, свойственных многим терминологиям, например названия сходных профессий: *инженер*, *оператор*, *диспетчер* и т. д. в авиационной, автомобильной и других отраслях промышленности.

Несмотря на колоссальный рост терминологии (на ее долю приходится до 90% слов-неологизмов) и использование неязыковых средств выражения, в современной науке возникает потребность в искусственных знаковых системах, помогающих фиксировать, хранить, обрабатывать и передавать информацию. Они нужны как посредник в системе связи «человек — машина — человек».

Международный характер НТР усиливает контакты ученых разных стран (особенно ученых и практиков социалистических государств), что приводит к появлению и намеренному созданию общего терминологического фонда. Все чаще специалисты той или иной отрасли овладевают не всем иностранным языком, а лишь его научно-техническим стилем. Так возникает новый тип двуязычия (билингвизм по профессии). Следствием научно-технического билингвизма оказывается взаимопроникновение (интерференция) контактирующих языков (точнее — их стилей), приводящее к возрастанию типологического и материального сходства функциональных стилей разных языков.

С глобальным характером НТР и ее последствий — общественно-политических, экономических, культурных — связано двуязычие и многоязычие населения (знание, кроме родного, еще одного или нескольких языков). Билингвизм — явление положительное. С появлением в СССР новой исторической общности — советского народа — русский язык получил еще

большее распространение и в настоящее время является средством общения 82% населения нашей страны. «Русский язык, добровольно принятый советскими людьми в качестве языка межнационального общения, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», — стал важным фактором укрепления социально-политического и идейного единства советского народа, развития и взаимообогащения национальных культур. Он открыл всем народам широкий доступ к духовным богатствам мировой цивилизации. Каждый советский гражданин, говоря ленинскими словами, имеет возможность научиться великому русскому языку. Ныне 82 процента населения страны свободно владеют им»¹.

У народов СССР выработался общий лексический фонд (особенно быстро растущий в наши дни), характеризующий общественно-политический строй Советского Союза, экономику СССР, науку и технику, современную международную жизнь, советский быт, ономастику (топонимию — названия городов, рек и др., антропонимию — систему наименований людей, их имена, отчества и др.).

Неизмеримо вырос международный престиж русского языка. Его изучают в университетах, колледжах и школах более 100 стран мира. Сейчас русским языком пользуется в той или иной степени полмиллиарда человек. Создана и активно функционирует специальная Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

НТР вызывает урбанизацию (увеличение городских жителей) и общую миграцию населения. Усиление контактов между городом и селом, приближение сельскохозяйственного труда к уровню фабрично-заводского приводят к исчезновению территориальных диалектов, к резкому сокращению сферы их применения. Стиранию диалектных черт (яканья, ёканья, цоканья и др.) способствуют радио, телевидение, кино, пресса и другие средства массовой коммуникации. Они же несут в село литературную речь, ее общеполитическую, культурную, научно-производственную терминологию, а также слова непрофессионального характера. Конечно, отмирание диалектов происходило и раньше, до НТР, но с ее началом оно ускорилось и стало повсеместным.

Научно-технический прогресс создает условия для подъема культурного уровня трудящихся, для овладения нормами литературного языка. Приобщение к литературному языку

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1982. — С. 14.

больших контингентов, пользовавшихся иными формами общения (просторечием, территориальными говорами), способствует, с одной стороны, обогащению языка за счет олитературивания разговорно-просторечных, территориально- и профессионально-диалектных элементов, усваиваемых литературным языком, с другой, — более строгому соблюдению его норм — орфографических, орфоэпических, а также грамматических (морфологических и синтаксических), лексических и стилистических. Подтверждается справедливость слов К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших о языке: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода»¹. Показательно, что заботу о языке проявляют не только языковеды-нормализаторы и писатели, но и самые широкие круги общественности: ученые-лингвисты, инженеры, рабочие, учащаяся молодежь. Причем, нередко ставятся вопросы о совершенствовании терминологии, о повышении ее эстетической стороны (особенно в названиях профессий)².

Развитие НТР, оперирование все более отвлеченными научными категориями влияют на характер мышления, на рациональную и эмоциональную сферу человека, на его язык. Расширяется образная система литературно-художественной речи за счет включения в нее научно-технических понятий и более полного отражения современного научного мировоззрения.

НТР предполагает прогнозирование экономической, научно-технической, культурной и лингвистической жизни на обозримое будущее. Знание общественных функций языка будущего поможет найти наиболее оптимальные пути и средства сознательного формирования такого языка. Выяснение характера, темпов, масштабов, сфер воздействия научно-технической революции на языковую жизнь общества справедливо признается одной из важнейших и актуальных задач социолингвистики³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 427.

² Подробнее об этом см.: Скворцов Л. И. Терминология и культура речи (заметки лингвиста) // Исследования по русской терминологии. — М., 1971; Шкатова Л. А. О названиях профессий // Русская речь. — 1978, № 2; Дмитриева О. Л. «Женский вопрос» в наименованиях профессий // Русская речь. — 1986, № 1. См. также: Русская речь. — 1986, № 2 и 3.

³ См.: Азимов П. А. и др. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык // Вопросы языкознания. — 1975. № 2. — С. 3—4; Бондалетов В. Д. Научно-технический прогресс и язык // Русская речь. — 1978, № 3. — С. 58—62; Журавлев В. К. Внутренние и внешние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, 1982. — Ч. 4: Научно-техническая революция, язык, языкознание. — С. 261—313.

**ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМ
(ПЕРЕРАСТАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
В НАУЧНУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ)**

В процессе постепенного превращения профессиональной лексики в терминологическую отчетливо проявляется развитие языка, его прогресс, затрагивающий и его структурную организацию (лексику, словообразование, синтаксис, систему стилистических средств, функциональных стилей), и его функциональную сторону. Связь и взаимодействие социальных и собственно структурных факторов в ходе зарождения и «созревания» терминов и терминосистем на базе слов-профессионализмов и профессиональных говоров (совокупностей слов того или иного ремесла, промысла, занятия) особенно наглядны. Совершенствование отраслевой лексики идет не по «собственному почину», а под воздействием развивающегося общества, так сказать по его настоятельному требованию. Что же касается конкретных путей и форм совершенствования отраслевой лексики, то они, разумеется, подчиняются общим закономерностям развития языка, в частности главнейшим закономерностям развития его лексики.

Проблема совершенствования, или «прогресса», языка, как известно, одна из сложнейших и малоизученных в нашей науке. Чаще всего прогресс языка связывают с ростом словаря, с появлением новых слов или значений. Между тем совершенствование лексики и рост числа слов — «это совсем разные, хотя и взаимодействующие проблемы», а «качественные аспекты словаря существеннее, чем его чисто количественные характеристики», — как справедливо указывает Р. А. Будагов¹.

Попытаемся на материале профессионально-отраслевой лексики русского языка показать «качественные аспекты» различия между профессиональной лексикой и научной терминологией. Начнем с показа терминологического сходства и различия между терминами «профессионализм» и «термин».

Сходство между профессионализмами и терминами в том, что и те и другие входят в состав отраслевой, или специальной, лексики. Одинаковая принадлежность к отраслевой лексике, использование в качестве обозначения предметов и понятий специальной отрасли производства, трудности последовательного разграничения слов-профессионализмов и слов-терминов служат основанием для некоторых лингвистов проблему

¹ Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? — М.: Наука, 1977. — С. 71.

расчлененной характеристики этих пластов отраслевой лексики считать не только трудной, но и невозможной. «В литературе, посвященной изучению терминологии,— пишет В. Н. Прохорова,— существует точка зрения, согласно которой необходимо различать специальную терминологию и профессиональную лексику... По нашему мнению, такое деление в настоящее время невозможно, так как наука неразрывно связана с техникой, промышленностью, сельским хозяйством»¹.

Однако в последние годы все большее число исследователей отраслевой лексики пытается разграничить понятия «термин» и «профессионализм» и показать их отличия.

В числе требований, которым должны удовлетворять термины, обычно называют: точную соотнесенность с понятием («понятийность его значения» — Б. Н. Головин), лексико-понятийную системность, однозначность, отсутствие синонимии и омонимии, функциональную ограниченность, отсутствие коннотаций (эмоционально-экспрессивной окраски) и др. Термины образуют терминологические системы, или терминосистемы. Что такое терминосистема? Наиболее сжатое и четкое определение терминологической системы дает Б. Н. Головин: «Это соотнесенная с определенной областью знания, проблемой, темой, научной школой и т. д. совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном (derivатологическом) и грамматическом «уровнях»².

Слова-профессионализмы обычно определяют по тем же признакам, но с подчеркиванием их несоответствия «высоким» критериям, по которым выделяют термины. Поэтому практически речь идет о степени, или мере, несоответствия слова-профессионализма, функционально сходного с термином, набору признаков, признаваемых обязательными для термина.

1. Характерная для термина точная соотнесенность с понятием достигается через научную дефиницию термина, а

¹ Прохорова В. Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970. — С. 153; См. также: Прохорова В. Н. О сходствах и различиях терминологической и жаргонной лексики // Исследования по современному русскому языку: Сборник статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. — С. 206—207.

² Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М.: Просвещение, 1979. — С. 270.

также благодаря принципиальной недопустимости его двузначности (многозначности), синонимических и омонимичных ему слов в пределах данной терминосистемы.

В профессиональной лексике, особенно если она не кодифицирована, нередки случаи семантической неоднозначности, а также наличия синонимов и даже омонимов. Например, у русских пчеловодов-любителей: *кормилицы*: 1) пчелы, выкармливающие личинок; 2) пчела, ухаживающая за маткой; — многозначность.

2. Лексико-понятийная системность термина заключается не только в его соотносительности со строго определенным научным или производственным понятием, она проявляется и в его языковом оформлении, в частности в использовании регулярных и продуктивных словообразовательных аффиксов (например, суффикса *-ит* в названиях минералов: *александрит*, *байкалит*, *гранит*, *графит* и др.), в способности слова-термина порождать другие термины и даже целые ряды однокоренных слов (например, *окись*, *закись*, *перекись* — в химии), в том, что он становится стержнем при образовании составных терминов, обозначающих разновидности родового понятия (например, лингвистический термин *диалект* — основа для целой серии производных терминов: *диалект территориальный*, *диалект социальный*, *диалект этнический*, *диалект племенной* и др.).

Показателем системности термина является его принадлежность почти исключительно к лексико-грамматическому классу имен существительных. Факты наличия среди терминов глаголов, прилагательных, наречий, местоимений (типа *детонировать*, *мажорный*, *адажио*, *ничто*)¹ не подрывают монополии существительного в терминологии, а лишь подчеркивают ее.

Среди профессионализмов, в отличие от терминов, довольно часто встречаются глаголы (а также прилагательные и наречия), т. е. наблюдается меньшая специализация грамматических средств. В отличие от высокоразвитых терминологий, в профессиональной лексике довольно продуктивно семантическое словопроизводство, которое не способствует явно выраженной системной организации лексики. Например, в лексике пчеловодства русских говоров Кубани посредством семантического способа образовано около 35% всех пчеловод-

¹ См.: Д а н и л е н к о В. П. Терминологизация разных частей речи (термины-глаголы) // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. — М., 1970. — С. 40—51.

ческих наименований: *мисочка* — 'основание ячейки, в которой выводится пчелиная матка', *подушечки* — 'образование на лапках пчелы, которое помогает ей передвигаться по скользкой поверхности', *свечка* — 'маточная ячейка', *старуха* — 'устаревшая пчелиная матка', *борода* — 'сиденье пчел кучей без дела'.

3. Сфера употребления термина в терминологии ограничена. Потребность в термине обычно возникает в условиях производственно-делового общения (как устного, так и письменного). Многие из них так и остаются узкоспециальными.

Профессионализмы, хотя они, подобно терминам, призваны обслуживать также сферу профессиональной деятельности, могут быть известны и людям, непосредственно не занятым в этом производстве. Так, лексику животноводства, садоводства, огородничества обычно знает все местное население. Т. Г. Иванова, обследовавшая пчеловодческую лексику Кубани, пишет: «Сравнительное рассмотрение лексики пчеловодства кубанских говоров (в частности, слов-диалектизм) и соответствующих им слов литературного языка показало следующее: диалектные слова-термины, подобно терминам литературного языка, служат обозначением предметов (понятий) определенной отрасли производства, т. е. являются профессионализмами, однако профессионализм их относителен, поскольку они бывают известны почти всему местному населению...»¹.

4. Термин, будучи членом строго организованной системы, лежит вне экспрессии. Лишенными эмоционально-экспрессивной окраски являются, как правило, термины иноязычного происхождения, а также образованные на основе греческих и латинских корней².

Термины же, возникшие на базе родного языка, часто сохраняют внутреннюю форму и, следовательно, могут иметь эмоционально-экспрессивную окраску. Правда, высказывается мнение (и оно не лишено оснований), что в результате многократного употребления термина эмоционально-экспрессивное наполнение выветривается³.

Профессионализмы в своем большинстве — слова родного языка (например, в языке пчеловодов, по данным Т. Г. Ива-

¹ См.: Иванова Т. Г. Лексика пчеловодства русских говоров Кубани. АКД.— М., 1974.— С. 13.

² Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии.— М., 1961.— С. 52.

³ Прохорова В. Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии.— М., 1970.

новой, доля иноязычных слов составляет около 1%), их связь с общеупотребительными значениями обычно не нарушается (например, *голова* — 'передняя часть улья', *сторож* — 'пчела, охраняющая вход в улей'), и они, как правило, более коннотируют и имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность (*лодырь* — 'трутень', *голодняк* — 'семья пчел без запасов меда').

Аналогичное противопоставление профессионализмов и терминов (тоже не абсолютное) можно провести и по ряду других признаков термина (отсутствие синонимичности и дублетности, омоимии и т. п.).

Отраслевая лексика большинства современных производств не отличается функциональной и стилистической однородностью. В пределах специальной лексики можно говорить, по крайней мере, о наличии трех основных пластов слов:

1) научно-техническая терминология — это термины различных областей науки и культуры, техники, промышленного и сельскохозяйственного производства;

2) профессионально-производственная лексика — это профессионализмы, представленные преимущественно в профессионально-деловой речи специалистов промышленности и сельского хозяйства;

3) просторечно-жаргонная лексика — это профессиональные жаргонизмы, встречающиеся обычно в непринужденной производственно-обиходной речи.

Удельный вес каждого из этих пластов неодинаков и обусловлен характером как основной области человеческой деятельности (наука и культура, техника, сельское хозяйство), так и ее конкретной отрасли.

Так, в сфере научной деятельности применяются преимущественно термины, частично профессионализмы и как исключение — жаргонизмы (последние — в сниженных видах речи).

В сфере научного и технического производства находим термины, значительное число профессионализмов и определенную долю профессиональных жаргонизмов.

В сфере сельскохозяйственного производства, наряду с использованием терминов (особенно широко представленных в речи специалистов высокой квалификации), в большом ходу профессионализмы и профессиональные жаргонизмы.

Из отмеченного следует, что для решения проблемы формирования терминологии на базе отраслевых профессионализмов особенно большой материал могут дать различные отрасли технического производства и сельского хозяйства, причем в равной мере ценны лингвистические данные как

прошлого, так и настоящего этих отраслей, как производственная литература и документация, так и живая речь специалистов, включая и ее отражение в разных жанрах художественной литературы.

Многие терминологии, как сказано выше, формируются на основе профессиональной лексики и в процессе дальнейшего развития могут вовлекать в свою систему профессионализмы. Профессиональное слово отличается от термина и, следовательно, не может сразу войти в терминосистему. Профессионализм должен приобрести некоторые структурные, семантические и функциональные качества, которые позволят ему стать термином.

В процессе внедрения в терминологию профессионализм сначала используется в качестве «рабочего термина», в связи с чем получает более точное значение (устраняет многозначность, если она была у него, теряет ненужные для термина дублетно-синонимические связи и т. п.).

1. Один из отличительных признаков профессионализма — эмоционально-экспрессивная окрашенность. Она обычно бывает обусловлена семантическим способом словопроизводства, а при морфологическом словообразовании — использованием оценочных суффиксов. Переход профессионализма в разряд терминов сопровождается утратой эмоционально-экспрессивных коннотаций. Профессиональное значение слова, специализируясь, теряет связь со значением исходного слова. Например, в терминологии горного дела для наименования горной выработки использовано слово *канав*, которое получило строго определенное значение: «открытая горная выработка небольшого сечения трапециевидной, реже прямоугольной формы», причем вошло в качестве опорного слова-термина в другие, производные горные термины, обозначающие разновидности канав — горных выработок. По назначению различают *канавы*: *разведочные* — для зарисовки геологического строения пород и опробования полезного ископаемого; *нагорные* — для перехвата вод атмосферных осадков и талых вод; *дренажные* — для понижения уровня подземных вод; *водосборные* — для сбора вод, вытекающих из почвы и стенок горных выработок, забивных и сквозных фильтров; *водоотводные* — для отвода шахтных вод за пределы радиуса влияния шахтного водоотлива¹.

¹ См.: Горное дело: Терминологический словарь. — М., 1974. — С. 161; И в а н и щ е в С. И. Источники лексики русских горняков: Заимствования из общерусского языка и диалектов // Лексика русского языка: Республиканский сборник / Отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1979. — С. 8 и след.

2. В профессиональной лексике «дотерминологического» уровня родо-видовые отношения между понятиями не имеют четко выраженных языковых проявлений. Здесь редко для нового наименования служит уже известное в этой системе слово. Зачастую новые понятия называются без учета связи с родственными понятиями.

Так как в пределах терминологии обозначения главных (родовых!) понятий обычно становятся опорными при образовании новых слов, то профессионализм, перерастающий в термин, «должен быть удобным для образования производных терминов, создающих рациональную и осмысленную семью терминов»¹.

3. Значение и системные связи терминов должны находить внешнее проявление в их словообразовательной структуре.

При морфологическом словообразовании системные связи между группой терминов могут быть выражены посредством определенных суффиксов (реже префиксов). Так, суффикс *-ость* в терминологии взрывных работ указывает на свойства взрывчатых веществ: *бризантность, слезиваемость, стойкость, чувствительность* и др.

Внутренние связи между понятиями нередко видны в терминах, образованных синтаксическим способом. Бывает так, что он оказывается основным для отдельных звеньев терминологии; например, в технологии горного дела наименования горных выработок, крепи и др. почти сплошь представлены составными наименованиями: *капитальный уклон, панельный уклон, промежуточный уклон, полевой уклон* и др.; *постоянная крепь, временная крепь, сплошная крепь, срубовая крепь, деревянная крепь, металлическая крепь, каменная крепь, бетонная крепь, железобетонная крепь* и т. д.².

Синтаксический способ словообразования, хотя и порождает двусловные и более громоздкие наименования, тем не менее удобен тем, что точнее и четче указывает на место термина в терминологии: стержневое слово относит термин к определенной системе, а зависимое — уточняет его место в ней. Например, в горном деле родовой термин *шпур* входит в число основных в терминологии взрывных работ, зависимые термины определяют назначение шпура: *срубовый шпур, отбойный шпур, вспомогательный шпур* и др.

¹ Реформатский А. А. Введение в языковедение. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1967. — С. 113.

² См.: И в а н и щ е в С. И. Родо-видовые отношения слов как показатель системности терминологической лексики: На материале терминологии горного дела // Лексика русского языка: Республиканский сборник / Отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1979. — С. 15 и др.

Из числа профессиональных слов в терминологию входят в первую очередь те, которые своей структурной организацией способны отразить связь данного понятия с родственными ему понятиями терминологической системы.

4. Системная организация способов и средств терминологического образования предполагает их своеобразную специализацию. Среди профессионализмов специализация средств наблюдается гораздо в меньшей степени.

5. Структурно-грамматические различия между профессионализмами и терминами могут касаться и признаков номинации. Так, в профессиональной лексике наименование производственных реалий и понятий осуществляется зачастую с учетом их внешнего сходства с бытовыми предметами и явлениями. Поэтому здесь в качестве мотивов номинации берутся бросающиеся в глаза признаки. Например, пчеловоды устаревшую пчелиную матку называют словом *старуха*; улей в обручке дерева — *дуплом*; леток — словом *очко* и др.

В терминологической лексике признаками номинации оказываются более глубокие и более существенные явления, например причинно-следственные и иные связи между предметами и понятиями.

6. В терминосистеме больше, чем в производственно-профессиональной лексике, родовых понятий. Их обозначения обычно служат основой для создания других, подчиненных им логически терминов, а также слов номенклатурного типа. Например, в горной терминологии родовой термин *выработка* ('полость в земной коре, образуемая в результате извлечения полезных ископаемых и пустых пород') лежит в основе длинной цепи составных терминов — наименований горных выработок: *вскрывающая выработка*, *очистная выработка*, *подготовительная выработка* и др.¹

В профессиональной лексике слов с обозначением родовых понятий либо мало, либо эти понятия недостаточно четко выражены: не имея самостоятельных слов, они пользуются звуковой оболочкой профессионализма с конкретным понятием.

7. Одним из показателей терминологичности системы может быть характер ее источников и удельный вес каждого из них. Наличие значительной доли заимствований (особенно

¹ См.: И в а н и щ е в С. И. Родо-видовые отношения слов как показатель системности терминологической лексики: На материале терминологии горного дела // Лексика русского языка: Республиканский сборник / Отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1979. — С. 15—16. См. также названия горных машин: *бурильные машины*, *зубовые машины*, *отбойные машины* и т. д.

иноязычных — с зачтенной внутренней формой) часто свидетельствует о невысоком уровне терминологичности профессиональной лексики, так как разрозненные слова-заимствования не могут осуществлять системные связи ввиду неясности их внутренней формы и словообразовательной структуры. Например, в словаре плотника — названия рубанка: *рубанок, дорожник, горбач, медведка, калевки, фуганок, шерхебель, шпунтубель, зензубель, галтель, штап*; иноязычные обозначения — нижненемецкого происхождения, что «указывает на направление распространения соответствующей техники»¹. Заимствования из народного языка, особенно из территориальных диалектов, из-за пестроты признаков номинации также не осуществляют функцию систематизаторов; см., например, названия лошадиного бега у русских коннозаводчиков: *ступа, переступь, рысь, рысца, нарысь, грунь, грунца, развал, перевал, плавь, притруска, хлынца, шлоходь* и др. Не случайно, что в период формирования терминологических систем в них бывает так много слов-дублетов.

8. Различны отношения профессиональной лексики и научной терминологии к общему языку. Профессиональная лексика зарождается и развивается на основе народного языка и является его продолжением, причем зачастую не литературного, а диалектного языка.

Профессионально-техническая терминология, вырастающая в большинстве случаев из профессиональной лексики, со временем приобретает автономность (со своей системой понятий, средств их выражения, а также приемов словообразования). Думается, что термин «подъязык», оправданный для обозначения научных и технических терминосистем, вряд ли целесообразен для названия совокупностей профессиональных слов производств, промыслов, занятий.

На функционирование в речи специалистов терминов и профессионализмов решающее влияние оказывают экстралингвистические факторы, в частности уровень их общей и специальной подготовки, а также степень владения литературным языком. Там, где средством каждодневного (непрофессионального) общения служит нелитературная форма речи (местный диалект, полудиалект, просторечие), в составе отраслевой лексики естественнее ожидать не литературно нормированную терминологию, а профессионально-производственную лексику. Если же носители специальной лексики владеют литературным языком, то можно допустить знание ими и терминологии.

¹ Ж и р м у н с к и й В. М. Национальный язык и социальные диалекты. — Л., 1936. — С. 110.

9. В дотерминологический период отраслевой лексики еще не стоит вопрос о ее систематизации, так как «не все науки и их отдельные разделы созрели для упорядочения терминологии, а тем более — для ее стандартизации»¹. Необходимость упорядочения возникает в том случае, когда естественно развивающаяся терминология отстает от уровня организации соответствующего производства и недостаточно четко отражает систему его реалий и понятий.

Проблема упорядочения терминологии постоянно волнует организаторов производства, и они проявляют заботу о ее совершенствовании. В процессе «выращивания» терминологии проводится «селекция»: из нескольких профессионализмов отбирается один, обычно лучший, перспективный, «правильно ориентирующий», и затем его доводят до термина.

10. Требований к термину гораздо больше, чем к профессионализму. В частности, не на последнем месте здесь критерий эстетического характера. Примеров борьбы против «неблагозвучных», «тяжеловесных», «уродливых» и т. п. терминов более чем достаточно.

Особенно важны эстетические и престижные моменты в наименованиях лиц по профессии. В последнее время нередкими стали просьбы руководителей тех или иных производств о замене «непривлекательных» (или даже обидных, оскорбительных) терминов, в число которых попали: *пастух*, *свинарь*, *кормач* и им подобные. Люди требуют более «культурного», современного обозначения этих профессий².

11. Перерастание профессионального слова в термин сопряжено с ликвидацией «недостатков» профессионализма и приобретением достоинств термина, в частности с упразднением его «общеязыковых зависимостей и связей» и созданием «новых семасиолого-грамматических характеристик у слов-терминов, максимально отвечающих потребностям новой системы»³. Однако нередко какие-то черты слов-профессиона-

¹ К а н д е л а к и Т. Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970. — С. 42.

² См.: С к в о р ц о в Л. И. Терминология и культура речи: Заметки языковеда // Исследования по русской терминологии. — М.: 1971; О р л о в Л. Л. Лексика животноводства в современном сельском хозяйстве. Опыт семантико-стилистического исследования на материале современного русского донского говора: КД, 1976.

³ К у т и н а Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении терминологических систем // Тезисы докладов на совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии. 30 мая — 2 июня 1967. — С. 15.

лизмов сохраняются. Недаром исследователи не без оснований признают, что «номинативность, системность, отсутствие синонимии и омонимии, точность, краткость, наличие дефиниции, эмоционально-экспрессивная нейтральность, связь с научным понятием, функциональная ограниченность» — все эти признаки скорее желаемое, «лишь рекомендации для термина», входящего в определенную систему, а не реальная действительность¹.

12. Терминологии различных отраслей знаний и производств находятся на разных этапах своего развития: одни на стадии зарождения, другие же вполне удовлетворяют требованиям современной науки и технического прогресса, большая часть занимает промежуточное положение. Целесообразно различать три основные стадии в развитии терминологии:

1. Начальная стадия — она характеризуется постепенным складыванием терминологии на базе профессиональной лексики (идет терминологизация основных родовых понятий, профессионализмы выполняют функции сначала рабочих, а затем и обычных терминов); здесь еще нет четкой системной организации: слова-термины еще не утратили «ярких следов своих былых зависимостей и отношений» (Л. Л. Кутина), очень часты синонимы, нет специализированных способов терминообразования.

2. Сформировавшаяся терминология — системная организация: родовые понятия получили термины, и они стали опорными для образования новых понятий, развились способы словообразования, специфические для данной терминологии; термины получают дефиниции; идет наращивание логических и лингвистических признаков термина; терминология в основном созрела для унификации и стандартизации.

3. Развитая терминология — она характеризуется таким уровнем организации, который полно и точно отражает систему и иерархическое расположение понятий науки, техники и производства; в ней возрастает группа терминов, использующих научно-интеллектуальные признаки номинации; дальнейшее совершенствование терминосистемы идет за счет ее внутренних ресурсов, а также в процессе взаимообогащения смежных терминологий; начинают осуществляться задачи координации научно-технической терминологии в международном масштабе.

¹ См.: Горшкова Т. М. Опыт статистического изучения функционирования терминов в философских текстах // Лексика, терминология, стили: Межвузовский сборник. — Горький, 1975. — Вып. IV. — С. 57.

Глава V

МЕТОДЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СТАТУС СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И ПРИРОДА ЕЕ МЕТОДОВ

Существует по меньшей мере три мнения о научном статусе социолингвистики и ее месте в системе лингвистических и общественно-исторических дисциплин.

Согласно первой точке зрения социолингвистика — одна из лингвистических дисциплин, поскольку она изучает единый для всего языкознания объект — язык, только с особой, социально-функциональной стороны. Такого мнения придерживался, в частности, В. А. Аврорин. Он писал: «Своей методической стороной социолингвистика стоит значительно ближе к социологии и истории, но основным ее предметом является язык и его функционирование, а потому и наука эта представляет собой необходимую составную часть лингвистики, а не какой-нибудь иной науки»¹. Входя в состав лингвистики в качестве ее части, социальная лингвистика признается все же «особым, относительно самостоятельным направлением в науке о языке», поскольку она занимается такими объектами (функционирование языков, языковые ситуации и др.), которыми специально не занимается ни одна наука, ни одно направление языкознания. «Именно функционирование языка в связи с языковой ситуацией, — разъяснял В. А. Аврорин, — и представляет собой тот единственный специфический объект изучения, который способен оправдать относительную самостоятельность социальной лингвистики»².

Согласно второй точке зрения социолингвистика — пограничная, междисциплинарная отрасль знаний, в которой участвуют лингвисты и представители

¹ Аврорин В. А. О предмете социальной лингвистики // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11—16 ноября 1974 г.). Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. — М., 1974. — С. 7.

² Там же. — С. 10.

других наук — социологи, историки, психолингвисты, этнографы. Так как исходные моменты, а также задачи и методы изучения языка у лингвистов и нелингвистов, например у социологов, разные, то в пределах этой широкой междисциплинарной отрасли выделяются различные направления, нередко получающие свои терминологические обозначения. Так, социолингвисты ГДР Р. Гроссе и А. Нойберт предлагают различать социолингвистику и социологию языка (лингвосоциологию). Первая изучает проблему взаимосвязи языка и общества с лингвистических позиций, вторая — с позиций социологии. «Социолингвистика, — читаем в статье Р. Гроссе и А. Нойберта «Тезисы к марксистской социолингвистике» (1970), — исследует взаимоотношения языка и общества с точки зрения лингвистики, в то время как исходным пунктом социологии языка является социологическая постановка вопроса»¹. Л. Б. Никольский, разграничивая социолингвистику (социологическую лингвистику) и лингвосоциологию (лингвистическую социологию), указывает, что первая «имеет дело с языковым отражением социальных явлений и процессов», вторая изучает те же объекты «в интересах социологии» и «пока не стала органической частью социолингвистики даже при интерпретации последней как междисциплинарной науки». По его мнению, «лингвосоциология является, по существу, зоной совместного поиска и взаимодействия социологов, историков, этнографов, представителей «традиционного» языкознания и социолингвистов»² и в отличие от социолингвистики не представляет собой «отдельной дисциплины или междисциплинарной отрасли исследования»³. Будучи лишь областью взаимодействия разных общественных наук (1) этнографии, истории, социологии; 2) «традиционного» языкознания, в особенности социолого-семиотического его компонента; 3) собственно социолингвистики), лингвистическая социология, естественно, использует методы всех этих наук с целью рассмотрения языковых процессов как части социальных процессов, а языка — как фактора «социального развития в неразрывной связи с экономическими, политическими и социальными факторами»⁴.

¹ Гроссе Р., Нойберт А. Тезисы к марксистской социолингвистике // Проблемы зарубежной социолингвистики. Реферативный сборник. — М., 1976. — С. 314.

² Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы. — М.: Наука, 1978. — С. 131.

³ Там же. — С. 143.

⁴ Там же. — С. 144—145.

Третья точка зрения на статус социальной лингвистики состоит в том, что социолингвистика признается единой и самостоятельной научной дисциплиной, располагающей своим объектом изучения, собственной теорией, своими методами и приемами исследования. «Характерной чертой современной социолингвистики является, на наш взгляд,— пишет А. Д. Швейцер,— не просто механическое соединение соответствующих разделов языкознания и социологии, а объединение их на основе единой теории, единого понимания объекта и целей исследования, единого понятийного аппарата и общей совокупности исследовательских процедур»¹.

Каждая из точек зрения отражает объективно существующие факты, которые по-разному осмысливаются учеными и объединяются в разные концепции.

По-видимому, говорить о социолингвистике как о новой самостоятельной дисциплине, по всем параметрам отличающейся от лингвистики, а также от социологии, пока преждевременно. Особенно это справедливо по отношению к методам, применяемым в социолингвистических исследованиях. Обладает ли социолингвистика собственными, характерными только для нее исследовательскими приемами? Ответить на этот вопрос нелегко. Что же касается мнения о том, что социолингвистика использует лингвистические методы, а также методы социологии и других общественных наук, то вряд ли кто станет его оспаривать. Более того, многие специалисты-языковеды думают, что пока эта новая область лингвистики использует и должна использовать методы, разработанные в других отраслях знаний, в частности в «обычной» лингвистике.

Так, В. А. Звегинцев пишет: «Хотя в пределах социолингвистики языковые факты сталкиваются с социальными факторами, она остается лингвистикой, и предметом ее изучения или основной ее «темой» остается язык. Язык — в его взаимовлияниях, взаимосвязях и взаимодействии с социальным контекстом в самом широком толковании этого понятия. Поскольку же предметом изучения в социолингвистике является язык, постольку, по-видимому, она должна пользоваться всем широким ассортиментом методов, применяемых в лингвистических исследованиях»². Следовательно, социо-

¹ Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, метод. — М.: Наука, 1976. — С. 58.

² Звегинцев В. А. О предмете и методах социолингвистики // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. — 1976. — Т. 35. — № 4. — С. 312.

лингвист не должен пренебрегать лингвистическими методами — как традиционными, уже оправдавшими себя в истории науки о языке, так и новыми, прокладывающими себе дорогу.

Для того чтобы правильно избрать метод исследования, надо иметь четкое представление о предмете изучения, цели исследования, ожидаемых результатах, о том, какой из известных методов окажется наиболее эффективным, какие из поставленных задач могут быть решены данным методом и какие потребуют привлечения других методов. В идеале социолингвист должен быть знаком со всеми основными методами языкознания и уметь оценить их результативность в работе над социолингвистической проблематикой. К сожалению, большой и разнообразный набор методов, методик и приемов исследования, применяемых в современном языкознании, не подвергнут глубокому анализу, не систематизирован и не нашел должного отражения не только в учебной, но и специальной научной литературе. Мешает ознакомлению с методами, их освоению и использованию и значительный терминологический разнобой, наблюдающийся в наименовании методов и методических приемов.

Б. Н. Головина в пособии «Введение в языкознание» (изд. 1—4, 1966—1983 гг.), предназначенном для студентов первого курса, называет восемь методов лингвистического исследования: описательный, сравнительно-исторический, исторический, сопоставительный, структурный, стилистический, количественный, метод автоматического анализа. Это «общелингвистические» методы, хотя, как можно заметить, некоторые из них достаточно определенно соотносятся с тем или иным направлением или аспектом языкознания. Например, структурный — со «структурной» лингвистикой, метод автоматического анализа — с прикладными аспектами языкознания. Метод, ориентированный на исследование языка в социолингвистическом аспекте, здесь не назван.

В учебном пособии Ф. М. Березина и Б. Н. Головина «Общее языкознание» (1979) специального раздела о методах нет, их характеристика включена в описание научных направлений (см. вторую часть книги — «Лингвистические направления и методы XX века», где рассмотрены: «Сравнительно-историческое изучение языков», «Структурная лингвистика», «Типологическое изучение языков» и т. д.). В разделе «Социолингвистика» охарактеризованы методологические принципы советской социолингвистики, а также социолингвистики социалистических стран (ГДР, ЧССР, ПНР), критически рассмотрены общеполитические основы американской социо-

лингвистики. Что же касается методов и приемов работы социолингвистов, то они не нашли отражения в этой книге.

В учебнике «Общее языкознание» (1974) В. И. Кодухова имеется параграф «Классификация основных методов лингвистики», в котором, кстати говоря, в числе основных названо лишь три метода. «Основными лингвистическими методами—асpekтами,— пишет автор,— являются описательный, сравнительный и нормативно-стилистический»¹. Далее следует важное замечание о варьировании этих основных методов в зависимости от особенностей изучаемых явлений и конкретных задач исследования. Каким модификациям должны быть подвергнуты описательный, сравнительный и нормативно-стилистический методы при анализе социолингвистических объектов и решении частных социолингвистических задач, остается не раскрытым.

Обратимся к труду «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований», подготовленному Институтом языкознания АН СССР (1973). Здесь в качестве основных названы лингвогенетические, лингвогеографические, структурные и типологические методы, рассмотрены их частные методики и приемы. Однако собственно социолингвистический аспект применения этих методов, методик, приемов и в этом труде не получил развернутого освещения.

Между тем в социолингвистических работах представлены те или иные образцы применения как собственно лингвистических методов в их традиционных и современных модификациях, так и методы истории, социологии, этнографии и ряда других общественных наук. Нередко авторы останавливаются на теоретических вопросах, связанных с соотношением предмета исследования и метода исследования. «Ставя вопрос о методах исследования,— пишет В. А. Аврорин,— необходимо прежде всего ясно представить себе характерные особенности изучаемого объекта, его связи с другими объектами, а также цели, с которыми ведется его изучение. Именно этим определяется в первую очередь возможность отбора уже разработанных в других отраслях науки исследовательских приемов и целесообразность разработки новых»². Так, изучая функциональную сторону языка, следует принимать во внимание ее прямую зависимость от социально-экономического и культурного развития общества. Изучая внутреннюю,

¹ Кодухов В. И. Общее языкознание.— М.: Высшая школа, 1974.— С. 218.

² Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики.— Л.: Наука, 1975.— С. 245.

структурную сторону языка, необходимо иметь в виду, что она лишь частично зависит от названных социальных факторов, причем эта ее зависимость опосредована функциональной стороной. Характер функциональной стороны таков, что она должна изучаться, по мнению В. А. Аврорина, и в языкознании, и в социологии, и в истории, а отдельные ее грани — в социальной психологии. Становясь предметом разных, хотя и сопрягающихся и даже «смыкающихся» наук, функциональная сторона языка, естественно, потребует для ее изучения привлечения методов и приемов этих наук. Какие из методов будут доминирующими, будет зависеть от цели изучения. В социолингвистическом исследовании функциональной стороны главными должны стать лингвистические задачи — выявление функционально-коммуникативных особенностей языка, обнаружение закономерностей развития его общественных функций под воздействием социального, научно-технического и культурного развития общества.

Изучая формы существования языка, необходимо иметь ясное представление о выполняемых каждой из них социальных функциях, о структурно-языковых признаках каждой формы (языкового образования), об их функциональном распределении в изучаемый конкретно-исторический период, о структурном сходстве и различии между ними, о сочетаемости наличного состава форм существования в различных видах диглоссии, об удельном весе диглоссного населения в целом и населения (социальных слоев, профессиональных, возрастных, половых и т. п. групп), владеющего конкретными разновидностями диглоссии (литературный язык и социальный диалект, литературный язык и территориальный диалект, территориальный диалект и профессионально-социальный диалект и т. п.). Само собою разумеется, что одними лингвистическими методами всех этих задач не решить. Лингвистической проработке поддаются такие стороны, как структурно-языковая характеристика форм существования языка, их иерархическая зависимость (первичность одних и вторичность, производность других, например, первичность языка-источника и вторичность языка-пиджина, возникшего на его основе; первичность «основного» языка (или диалекта) и вторичность сформировавшегося на его базе и из его элементов условного аргю), зоны распространения (преимущественного бытования) тех или иных форм существования языка, в частности зоны распространения различных территориальных диалектов, языков-пиджинов, креольских языков и т. п. (эти показатели могут быть получены методами лингвистической географии) и ряд других сторон языковых образований.

Что касается характеристики социальных групп, пользующихся формами существования языка моногlossenно или дигlossenно, социально-коммуникативных ситуаций, порождающих определенную форму существования языка (литературный язык в его письменной и (или) устной форме, территориальный диалект, социальный диалект, койне, язык-пиджин, креольский язык, ритуальный язык и т. д.), то эти и им подобные задачи гораздо успешнее выполняемы социологическими методами. Выявление же количественных показателей и их зависимостей между собой (абсолютная численность населения или его численность в процентах, число владеющих литературной нормой, число и процент диглоссного населения и другие параметры) лучше удается благодаря применению статистических и социологических методов.

Таким образом, современная социалингвистика, решая большой и разнообразный круг задач, связанный с глобальной проблемой «язык и общество», обращается к методам, приемам и конкретным процедурам целого ряда наук, в числе которых видим языкознание, социологию, историю, этнографию, социальную психологию, математическую статистику и ряд других общественных и естественных (точных) наук. Использование методов этих наук для решения социалингвистических задач вносит определенные коррективы в конкретные методики и процедуры, изменяет их, дифференцирует, приспособливает к работе с новым материалом и к решению новых научно-исследовательских задач. В ряде случаев на базе синтеза разных методов и приемов возникают качественно новые методы исследования.

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ СБОРА МАТЕРИАЛА

К числу наиболее распространенных методов сбора социалингвистических данных относятся: 1) непосредственное наблюдение; 2) анкетирование; 3) интервьюирование; 4) анализ документальных источников; 5) проведение экспериментов.

Непосредственное наблюдение — это слушание и запись (от руки или на магнитофоне) живой, творимой на ходу разговорной речи с целью ее последующего анализа. Для получения объективных данных важна правильная организация наблюдения. Исследователь-лингвист должен наблюдать такую речь, которая протекает спонтанно, в естественных условиях, а не создается специально для наблюдателя, тем более не «проигрывается» очередной раз для него.

Для того чтобы свести до минимума «помехи», вызываемые присутствием наблюдателя-лингвиста, применяют: а) «вклю-

ченное наблюдение», б) фиксацию «скрытой камерой»: запись речи, мимики и жестов информантов без их ведома с помощью видеоманитофона.

Включенное наблюдение — прием, требующий превращения исследователя-регистратора в естественного участника данной речевой ситуации и возникающих в ней коммуникативных актов. Это бывает возможно при изучении речевого поведения родственников или близких знакомых исследователя, которые привыкли к его занятиям и не обращают на них внимания: не реагируют на фиксацию их речи, не стремятся говорить ни «лучше», ни «хуже». Таким способом изучалась, например, русская разговорная речь москвичей, ленинградцев, саратовцев, просторечие жителей Москвы, Челябинска, Элисты¹. Так исследуются народные говоры (территориальные диалекты) студентами или научными работниками, которые выросли в условиях местного диалекта, знают его и способны быть «своими» по языку и поведению среди жителей села, речь которых подвергается обследованию. Исключительно благоприятные условия для наблюдения и фиксации диалектной речи имеют языковеды, изучающие речь своих родителей или старших братьев и сестер, не покидавших надолго родные селения. Успешно проходит включенное наблюдение, проводимое студентами-филологами над жаргонизированной речью их товарищей по общежитию. Причем, чем продолжительнее «включение» — пребывание исследователя среди изучаемого языкового (речевого) коллектива, тем полнее и точнее собранный материал.

Поскольку чаще всего наблюдение над речью представителей той или иной социально-демографической группы касается не одной формы существования языка, а двух-трех, то важное значение приобретает исследование видов диглоссии, закономерностей в использовании то одной, то другой формы общения, факторов, определяющих переключение диглоссного индивидуума с одной формы существования на другую.

Фиксация речи и паракинесических средств (мимики, жестов) «с к р ы т о й к а м е р о й» производится для преодоления «микрофонного эффекта» и эффекта присутствия наблюдателя. Практически подходящие ситуации для подобного наблюдения бывают нечасто. Записи без ведома информантов можно провести в домашних условиях за родными, друзьями,

¹ См.: Русская разговорная речь.— М.: Наука, 1974.— С. 34—39; Городское просторечие: Проблемы изучения.— М.: Наука, 1984.— С. 4. и др.

хорошо знакомыми людьми. Применяется такой способ наблюдения и в общественных местах (собрание, клуб, магазин, почта, транспорт), однако при этом возникает сложность с паспортизацией материала, с установлением социального статуса информантов (их профессии, места жительства, образования и т. п.). Наконец, можно проводить наблюдения над речью, общаясь с информантами, а результаты фиксировать после, по памяти. В целом же вариантов непосредственного наблюдения много, и задача заключается в выборе наиболее оптимального с учетом исследовательской цели и условий работы.

Общими требованиями к проведению непосредственного наблюдения над языковым поведением испытуемых являются: 1) продумывание содержания работы, ее цели, основных этапов; 2) отбор наиболее типичных информантов с учетом их социальных признаков (возраст, пол, место рождения, образование, социальное положение, профессия и т. д.); 3) подбор, а в ряде случаев и создание наиболее типичных речевых ситуаций для получения нужных сведений, например: о зависимости выбора языка (при билингвизме) или формы существования языка (при диглоссии) от собеседника, темы разговора и других «переменных» — компонентов языковой ситуации.

А н к е т и р о в а н и е — один из наиболее распространенных в социологии и социолингвистике методов получения массового материала в виде ответов на вопросы специально составленной программы. Содержание анкет (анкетных листов, вопросников, программ), формулировка вопросов, порядок их расположения, характер и полнота ответов на них и т. п. варьируются в зависимости от конкретных задач исследования.

Наиболее простой разновидностью является анкета, имеющая целью установить факт наличия того или иного социально маркированного языкового явления в определенной социальной, профессиональной, возрастной и т. п. среде, например распространенности слов-жаргонизмов: *хруст* (рубль), *баши* (деньги), *клифт* (пиджак), *кореш* (друг), *лабух* (музыкант) и т. д.

Сложнее — анкетный лист, содержащий вопросы о носителях той или иной формы существования языка, об их языковых особенностях, а также предлагающий привести «свои» примеры в плане сообщения дополнительных сведений по интересующей исследователя проблематике.

Еще более тщательного продумывания и подбора «анкетуемого» языкового материала требуют вопросники, по-

священные социально-лингвистическому исследованию вариантов (произносительных, морфологических, словообразовательных), представленных в литературном языке. Так, с целью установления «размещения языковых вариантов» в речи носителей современного русского литературного языка с различными «социальными признаками» были составлены, изданы и разосланы: «Вопросник по современному русскому литературному произношению», «Вопросник по современной русской морфологии», «Вопросник по современному русскому словообразованию» (в 1960—1965 гг.). В них предлагалось подчеркнуть вариант, который отвечающему кажется более предпочтительным, например: [с'т'лена или [ст'лена, *моло[шн]ый* или *моло[чн]ый*; *тра́кторы* или *тракторá*, *гас* или *гаснул*, *каплет* или *капает*, *плотни́цкий* или *плотничий*, *ТЭЦ давала ток* — *давал ток*, *секретарь* (о женщине) *выдал справку* — *выдала справку* и т. п.

Заполнявшие вопросники лица должны были сообщать о себе и лингвистически значимые социальные признаки: возраст, образование и место, где оно получено; социальное положение; место, где прошло детство; место наиболее длительного жительства; место рождения родителей и их социальное положение (эти вопросы входили в первую, социологическую часть анкеты). Число ответивших на каждый вопросник было значительным: от 3000 («Вопросник по словообразованию») до 4300 («Вопросник по морфологии»), что дало обширную базу для исследования. На этих материалах написана коллективная монография «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974), они использованы также в статьях о вариативности произношения заимствованных слов, о вариативности произношения групп согласных, о роде существительных при обозначении женщин по профессии, о глагольных вариантах с чередованием *-ну-* / *нуль* суффикса в основе и т. д., помещенных в разделе «Социальные различия в использовании языковых вариантов» книги «Социально-лингвистические исследования» (М., 1976).

Разработано несколько анкет для изучения двуязычия, в частности анкеты для исследования двуязычия с русским языком в функции второго языка в Азербайджанской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР и Бурятской АССР¹.

Более развернутой и дифференцированной является анкета, составленная Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР для социолого-линг-

¹ См.: Развитие национально-русского двуязычия. — М.: Наука, 1976. — С. 29—30.

вистического обследования языковой жизни Сибири (коренных народов-аборигенов: бурят, якутов, тувинцев, юкагиров и др. и пришлого населения). Для правильного заполнения анкеты (а в ней было 37 «закрытых» вопросов, предполагавших стандартные ответы, и немало «открытых» вопросов, предполагавших ответы в свободной форме, обычно в качестве дополнения к «закрытым» вопросам) к ней прилагалась соответствующая инструкция. Наибольшая группа вопросов посвящалась выяснению степени владения тем или иным языком (родным, русским, каким-либо иным, одним или несколькими), его употребительностью в разных сферах жизни. За 1967—1969 гг. на эту анкету были собраны ответы 58 тыс. человек — коренных жителей Сибири.

Интервьюирование — метод сбора социолингвистического материала с применением заранее спланированных вопросов, предлагаемых собеседникам (респондентам). Достоинством этого приема по сравнению с анкетированием является личный контакт исследователя с «источником» информации, возможность постановки в ходе беседы с респондентом дополнительных вопросов, что значительно обогащает и углубляет получаемый материал. Недостаток метода в его трудоемкости, ограничивающей возможности его применения. Этот способ сбора информации требует от интервьюера большой квалификации, такта, умения целенаправленно и вместе с тем ненавязчиво вести беседу в нужном русле.

Анализ документальных источников (письменных — печатных и рукописных, а также устных — в записях на магнитофонную ленту и другие звукофиксирующие приспособления) — один из давних способов извлечения научной информации — социологической, филологической, социолингвистической, этнографической и т. п. — из источников, создававшихся для других целей, а не непосредственно для целей предпринятого исследования. Выбор документов для социолингвистического анализа в принципе обуславливается конкретной исследовательской задачей. Однако нередко один и тот же документ «просматривается» с разными целями и, наоборот, для решения одной и той же проблемы привлекаются разные, взаимно дополняющие источники.

Наиболее типичными для извлечения социолингвистической информации являются: материалы демографической статистики (переписи населения, записи актов гражданского состояния, похозяйственные и домовые книги); официальная и частная переписка; отчеты, протоколы, приказы, распоряжения и другая документация научных, производственно-технических, культурно-просветительных учреждений, пар-

тийных и советских организаций, трудовых коллективов; материалы прессы, телевидения, радио, кино, т. е. средств массовой коммуникации.

Каждый из этих источников содержит разнотипную информацию, и нужна дифференцированная методика для извлечения нужных данных. Так, газета — ценнейший источник для изучения письменной речи («газетно-публицистического» стиля); радио, звуковое кино, телевидение — для изучения устной речи. Официальная переписка дает материал для характеристики официально-делового стиля, частные письма — для характеристики социолингвистических признаков разговорного стиля, точнее — его разговорно-эпистолярной разновидности. Для изучения структурно-языковых и функциональных особенностей устной речи публичного назначения (УПР), в которой в известном соотношении пересекаются «особенности спонтанной устной и книжно-письменной речи»¹, в качестве документов используются магнитофонные записи естественно звучащей речи на темы науки (лекции, доклады на конференциях, выступления на научных диспутах, симпозиумах и т. п.), политики, техники, искусства.

Эксперимент — прием, позволяющий интенсифицировать сбор нужного материала вследствие того, что исследователь сознательно варьирует те или иные факторы, оказывающие влияние на выбор (использование) того или иного языкового варианта (языка — при билингвизме, формы существования языка — при диглоссии, того или иного функционального стиля или произносительного, грамматического, лексического варианта литературной разновидности языка в разных сферах и ситуациях его применения). Социолингвистический эксперимент относят к приемам контролируемого наблюдения, поскольку исследователю отводится роль активного организатора языкового (речевого) поведения испытуемых и одновременно роль регистратора всех изменений в объекте наблюдения. При необходимости социолингвист может повторить один и тот же эксперимент с одними и теми же лицами, может видоизменять переменные речевой ситуации (состав собеседников, условия их общения, тему разговора), наконец, может менять тактику эксперимента, сохраняя его основную цель. Возможность управления «языковым (речевым) существованием» испытуемых по своему усмотрению

¹ Лаптева О. А. О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 58.

позволяет исследователю поочередно выявлять воздействие на их речевое поведение сначала одних, затем других факторов, а также их различных сочетаний.

МЕТОДЫ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Методы и конкретные приемы социолингвистического анализа отличаются значительной неоднородностью. Это объясняется как широтой проблематики социолингвистики (она изучает «весь комплекс проблем, отражающих двусторонний характер связей между языком и обществом»¹), так и междисциплинарным характером этой дисциплины. «Междисциплинарность» данного направления отчетливее всего дает себя знать как раз в методах, которые переносятся в социолингвистику из общественных и некоторых естественных наук. Вследствие этого пока правильнее говорить о конгломерате различных методов, применяемых в социолингвистических исследованиях, чем о их системе с четким разграничением сфер применения, иерархии, отработанностью методик, последовательностью процедур анализа. Чаще всего социолингвисты (а также лингвосоциологи) обращаются к методам статистики, социологии, этнографии, истории, а также традиционным методам языкознания, применяющимся при описании языка в социальном аспекте. Эффективность применения этих методов находится в прямой зависимости от четкости выделения объектов и единиц социолингвистического анализа, полноты учета специфики анализируемых фактов, понимания степени объективности и надежности получаемых результатов, от гибкости общей стратегии и тактики социолингвистического анализа.

Ознакомимся с методами, наиболее часто применяемыми в социолингвистических исследованиях. Сначала рассмотрим методы статистики и социологии в их применении к «языковому существованию общества», затем — социолингвистические методы, сформировавшиеся в основном на базе собственно лингвистических методов под воздействием новых исследовательских задач и объектов изучения.

Статистические методы используются для измерения количественной стороны и частотности (частости) различных языковых явлений, а также явлений экстралингвистических, оказывающих прямое или косвенное воздействие на природу и функционирование собственно языковых

¹ Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику.— М.: Высшая школа, 1978.— С. 60.

фактов. На первый взгляд может показаться, что измерение собственно языковых явлений — дело не социальной, а «обычной» (традиционной, структурной) лингвистики, а количественная характеристика внеязыковых (социальных, демографических, культурных, производственных и т. п.) фактов — дело не языкознания, а других общественных наук. В действительности же это не так: знание количественной стороны и собственно лингвистических и внемлингвистических (собственно общественных) явлений — необходимый этап социолингвистического описания языка. «Социолингвистика... — подчеркнул Ю. Д. Дешериев, — имеет дело с явлениями двойственной природы — собственно социальной и лингвистической. По сути дела лингвистическое то же социальное (т. е. оно тоже социальное), но с учетом специфики языка, с конкретизацией объекта исследования»¹.

Для социолингвиста важно знать количественные и качественные параметры таких внеязыковых, социальных по своей природе объектов, как общество (социум), языковой коллектив, его демографическая, социальная, социально-профессиональная структура; народонаселение Земли (начало нашей эры — 230 млн. чел., к концу X в. — 275 млн. чел., к концу XV в. — 440 млн. чел., к 1800 г. — 952 млн. чел., к 1900 г. — 1,656 млрд., к 2000 г., по прогнозам ЮНЕСКО, — 7 млрд. чел.), население той или иной страны, ее национальный состав (в количественных показателях); урбанизация (в 1979 г. городское население СССР составило 62%), число больших городов и их доля в городском населении, источники урбанизации (естественный прирост, приток из села в город); письменность, степень ее распространенности, школа и другие учебные заведения; число лиц, знающих родной язык, контингенты лиц, знающих другой язык (например, в 1970 г. в СССР русским языком кроме родного пользовалось еще 61,3 млн. чел.); издание и распространение книг, газет, журналов, средства массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение, кино); контакты между народами, степень их интенсивности (количество смешанных браков); контингенты лиц, владеющих литературным языком и другими формами существования языка; научно-техническая революция, скорость записи информации, скорость передвижения, скорость связи, объем общей и научно-технической информации и т. п.².

¹ Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. — М.: Наука, 1977. — С. 304.

² См.: Журавлев В. К. Внутренние и внешние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, 1982; Тимофеев В. П. Социолингвисти-

Социолингвистическая интерпретация всех этих явлений предполагает их предварительную обработку методами социологии, истории и ряда других общественных наук.

Еще в большей мере социолингвиста интересует количественная сторона языковых явлений (отдельных элементов: звуков, слов и более сложных языковых комплексов), поскольку в «массе» того или иного языкового факта может просматриваться его социальная детерминированность. Приведем примеры.

В. А. Никонов, изучая женские имена в России XVIII в., столкнулся с фактом представленности одних и тех же имен (*Федосья, Фекла, Татьяна, Варвара* и под.) у разных сословий — крестьян, купечества, дворянства. Однако лишь анализ частотности их использования в каждом сословии позволил заметить три группы имен: 1) употребительные преимущественно у крестьянок (*Василиса, Гликерия, Мавра, Федосья, Фекла*), 2) преимущественно у крестьянок и купчих (*Агафья, Акулина, Дарья, Ирина, Ксения, Марина, Марфа, Матрена, Неонила, Пелагея, Прасковья, Татьяна, Устинья*), 3) преимущественно у дворянок (*Александра, Варвара, Екатерина, Елизавета, Мария, Наталия, Ольга, Юлия*). Вывод, сделанный исследователем, убедителен: в сословном обществе сословны и имена¹.

Предложенный нами в книге «Русская ономастика» количественно-качественный метод сравнения именников (на одном синхронном срезе и в диахроническом плане) позволяет определять сходство и различие («расстояние») между именниками города и села, между именниками разных хронологических срезов, позволяет выявлять темпы изменения именников: темпы изменения состава и употребительности личных имен в наше время, особенно в женской подсистеме именника, выше, чем были до Великого Октября².

Научный коллектив, проводивший массовое обследование носителей русского литературного языка по специальным вопросам-анкетам, должен был позаботиться о достаточности выборок и их репрезентативности (соответствии выборочных данных всей изучаемой совокупности), и сделано это

ческие факторы в развитии современного русского языка // *Очерки по социолингвистике*. — Шадринск, 1971. — С. 9—28.

¹ См.: Никонов В. А. *Имя и общество*. — М.: Наука, 1974. — С. 54.

² См.: Бондалетов В. Д. *Русская ономастика*. — М.: Просвещение, 1983. — С. 75—82.

было по статистической формуле:

$$n = \frac{t^2 p_1 p_2}{a^2},$$

где n — объем выборки, $p_1 p_2$ — эмпирические вероятности (частоты) вариантов X_1 и X_2 , t — коэффициент, соответствующий определенному уровню вероятности, а a — величина допустимой (стандартной) ошибки¹. Исходя из расчетов был определен долевой состав выборок: интеллигенция (техническая и гуманитарная) — около 40%, учащиеся — около 33%, служащие — около 18%, рабочие — около 9%.

Статистически показаны зависимости в количественном распределении вариантов (типа: *Артель производит... (проти- р, протирку, протираание) стекол*) по каждому социальному признаку: возраст, образование, социальное положение и т. д.

Математическо-статистически характеризуются такие параметры, как диапазон и сила влияния социальных признаков на распределение языковых вариантов. Так, диапазон социального признака (возраст, образование и т. п.) тем шире, чем больше вариантов он охватывает. Сила социального признака прямо пропорциональна величине различий в частотах вариантов по группам, выделенным по этому признаку. Как удалось установить, «и диапазон и сила зависят не только от природы самого социального признака, но и от специфики языковых вариантов, в частности от того, к какому ярусу языковой структуры они принадлежат и какими дополнительными различиями характеризуются»². В частности, по диапазону охвата фонетических явлений анализируемые в эксперименте социальные признаки расположились в следующем порядке: 1) территориальный, 2) социальное положение, 3) возраст, 4) семейное влияние, 5) образование, 6) влияние радио. А по силе воздействия — несколько иначе: 1) территориальный, 2) возраст, 3) социальное положение, 4) образование, 5) влияние радио³. Наглядному показу выявленных закономерностей служат таблицы, графики, рисунки (см. монографию: Русский язык по данным массового обследования. — М., 1974).

Социолингвистические методы, применяемые для исследования социолингвистических единиц,

¹ См.: Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. — М.: Наука, 1974. — С. 32.

² См.: Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. — М.: Наука, 1974. — С. 37.

³ Там же. — С. 117.

«вухмерных» по своей природе, и структурно-языковых и функционально-общественных, формировались на базе собственно лингвистических под влиянием обрабатываемой «материи» и новых исследовательских задач. В результате эти методы стали более совершенным инструментом для анализа языка в социолингвистическом плане, чем методы традиционные. Усовершенствованные и специализированные для решения социолингвистических задач методы называют социолингвистическими, хотя в ряде случаев они представляют модификации прежних и никак не противопоставлены традиционным лингвистическим методам, тем более вовсе не отменяют их.

Своеобразие социолингвистического подхода к анализу структурных сторон языка легко показать на примере исследования И. Ф. Протченко «Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект» (М., 1985). Характеризуя общественно-политическую лексику русского языка советской эпохи, автор отмечает, что она образует «своеобразный и значительный по количеству лексико-семантический разряд слов» (не менее 1000 слов), постоянно пополняется и обогащается, органически входит в повседневную речь в качестве «активно употребляемого словаря» современного русского языка, отличается точностью, в известном смысле «терминологичностью» семантики, является важнейшей составной частью общего лексического фонда языков народов СССР. Социально ориентированы и общая тематическая специфика этой лексики, и состав ее «тематических классов». В нее входят: 1. Названия, связанные с революционной борьбой трудящихся под руководством партии, с деятельностью КПСС, международным коммунистическим и рабочим движением (*марксизм-ленинизм, марксист, ленинец, ленинская партия, ленинские заветы* и т. п.). 2. Наименования, обозначающие отдельные стороны марксистско-ленинского мировоззрения, идейно-нравственные понятия (*родина, отчизна, патриот, горюд-герой*). 3. Названия из области комсомольской жизни, работы молодежных организаций (*ВЛКСМ, комсомол, пионер* и др.). 4. Названия, связанные с советским строительством, советскими государственными организациями, учреждениями (*Советский Союз, депутат, сельсовет, горсовет, исполком* и др.). 5. Названия из области профсоюзной деятельности, добровольных союзов, обществ и женских организаций (*ВЦСПС, профсоюз, профком, сандружинница*). 6. Наименования, отражающие коренные изменения в промышленном и сельскохозяйственном производстве, связанные с новым отношением советских людей к труду (*многостаночник, целинник, соцсоревнование,*

субботник и др.). 7. Названия, обозначающие новые явления и события в области просвещения, культурной жизни (*культур-работа, культплоход, заочник, аспирант, стенгазета, много-тиражка* и т. п.). 8. Названия, обозначающие отрицательные явления в общественно-политической, экономической, культурной жизни страны (*комчанство, обезличка, групповщина*). 9. Названия, отражающие процессы классовой борьбы, чуждую советским людям идеологию (*фашизм, расизм* и др.).

Социолингвистическую специфику получили методы и процедуры, связанные с анализом и описанием лингвострановедческих особенностей различных народов и их языков (безэквивалентная лексика, идиоматика, пословично-поговорочный фонд, ономастика, речевой этикет, паракинесика — жесты, мимика и т. п.). Выясняется, что различия между языками касаются не только их структуры или сфер функционирования, но и интенсивности пользования ими (говoreния). Так, французы в среднем за одну минуту произносят 350 слогов, японцы — 310, немцы — 250, а жители Полинезии, Меланезии и Микронезии — всего 50 слогов. Неодинаково обращение к жестам: за то же самое время, когда фини в разговоре использует один жест, итальянец сделает 80, француз — 120, а мексиканец — 180 (наблюдения английского психолога Майкла Арчила).

Все настойчивее проводится мысль о необходимости разработки специальных методов и приемов, предназначенных для отдельных отраслей социолингвистики, в частности таких, которые изучают билингвизм, язык в массовой коммуникации, искусственные вспомогательные языки (интерлингвистика), искусственные языки в системе связи «человек — машина — человек», субъективно-качественную оценку вариативности языка, языковую политику, социолингвистическое прогнозирование (лингвистическая футурология).

Сложные научные задачи требуют использования не отдельных методов, а комплексного подхода к сбору материала, его анализу и социолингвистической интерпретации. При планировании больших социолингвистических мероприятий научные коллективы тщательно продумывают цели, содержание, методы и основные этапы работы. Именно плановый характер постановки и решения масштабных теоретических и практических проблем при опоре на методологический фундамент марксизма-ленинизма обеспечивает социальной лингвистике в СССР и странах социалистического содружества успешное развитие и достижение впечатляющих научных результатов.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 29—30, 427, 448.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности, государства // Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 93.
- Энгельс Ф. *Диалектика природы* // Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 357, 488—490, 532, 609.
- Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 333.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч.— Т. 24.— С. 113—150, 293—295.
- Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 258—259.
- Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Полн. собр. соч.— Т. 24.— С. 293—295.
- Ленин В. И. Об очистке русского языка // Полн. собр. соч.— Т. 40.— С. 49.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики.— Л.: Наука, 1975.
- Ахманова О. С., Марченко М. Н. Основные направления в социолингвистике // *Иностранные языки в школе*.— 1971.— № 4.
- Белл Роджер Т. *Социолингвистика*.— М.: Международные отношения, 1980.
- Белодед И. К., Ижакевич Г. П., Черторижская Т. К. *Русский язык как источник обогащения языков народов СССР*.— Киев. Радянська школа, 1978.
- Белодед И. К. *Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе*.— М.: Наука, 1972.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н. *Общее языкознание*.— М.: Просвещение, 1979.— Гл. III («Язык и общество»).
- Березин Ф. М. *История лингвистических учений*.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Высшая школа, 1984.— Гл. 14 («Советское языкознание»).
- Березин Ф. М. *История советского языкознания: Хрестоматия*.— М.: Высшая школа, 1981.— Раздел 2 («Социолингвистика»).
- Бодуэн де Куртэнэ И. А. *Языкознание* // *Избранные труды по общему языкознанию*.— М., 1963.— Т. I, II.
- Бондалетов В. Д. *Научно-технический прогресс и язык* // *Русская речь*.— 1978.— № 3.
- Бондалетов В. Д. *Ономастика и социолингвистика* // *Антропонимика*.— М.: Наука, 1970.
- Бондалетов В. Д. *Условные языки русских ремесленников и торговцев* // *Условные языки как особый тип социальных диалектов* / Под ред. и с предисл. чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина.— Рязань, 1974.— Вып. I
- Бондалетов В. Д. *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство* / Под ред. и с предисл. чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филина.— Рязань, 1980.
- Будагов Р. А. *Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени*.— М.: Наука, 1978.— Гл. 4, 5.

- Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? — М.: Наука, 1977.
- Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. Ч. 1. — Гл. 8, 12.
- Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. — М.: Наука, 1980.
- Вопросы социальной лингвистики. — Л.: Наука, 1969.
- Десницкая А. В. Как создавалась теория национального языка: Из истории советского языкознания // Современные проблемы литературоведения и языкознания. — М.: Наука, 1974.
- Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. — М.: Просвещение, 1968.
- Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. — М.: Наука, 1977.
- Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. — Л.: Художественная литература, 1936.
- Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М.: Наука, 1982.
- Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. — М.: Наука, 1969—1976. — Вып. I—IV.
- Зачевский Е. А., Ковалевская Е. Г. Общее и национальное в лексике языков народов СССР. — М.: Просвещение, 1983.
- Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. — М.: Высшая школа, 1982.
- Кодухов В. И. Общее языкознание. — М.: Высшая школа, 1974.
- Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. — М.: Просвещение, 1979. — Гл. 9. — § 42; гл. 14. — § 53; гл. 15 («Развитие советского языкознания»).
- Конрад Н. И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. — М., 1959.
- Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. — М.: Просвещение, 1977.
- Лафарг П. Язык и революция. — М.: Academia, 1930.
- Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М.: Наука, 1970.
- Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. — М.: Наука, 1982.
- Неверов С. В. Об одном направлении лингвистической науки в Японии // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6.
- Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. — М.: Наука, 1976.
- Никонов В. А. Имя и общество. — М.: Наука, 1974.
- Новое в лингвистике: Вып. VII. Социолингвистика. — М.: Прогресс, 1975.
- Норма и социальная дифференциация языка. — М.: Наука, 1969.
- Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. — М.: Наука, 1970.
- Онтология языка как общественного явления. — М.: Наука, 1983.
- Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. — М.: Наука, 1968. — Раздел IV.
- Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. — М.: Наука, 1985.
- Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. — М.: Педагогика, 1984.
- Развитие национально-русского двуязычия. — М.: Наука, 1976.

Русский язык в современном мире / Отв. ред. Ф. П. Филин.— М.: Наука, 1974.

Русский язык и советское общество.— М.: Наука, 1968.— Кн. 1—4.

Русский язык как средство межнационального общения.— М.: Наука, 1977.

Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина.— М.: Наука, 1974.

Русский язык — язык межнационального общения народов СССР.— М.: Просвещение, 1976.

Скворцов Л. И. Культура языка — достояние социалистической культуры.— М.: Просвещение, 1981.

Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи: Жаргон и языковая политика // Вопросы культуры речи.— М., 1964.— Вып. 5.

Скворцов Л. И. Основы культуры речи: Хрестоматия.— М.: Высшая школа, 1984.

Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи.— М.: Наука, 1980.

Социальная и функциональная дифференциация литературных языков.— М.: Наука, 1977.

Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева.— М.: Наука, 1976.

Степанов Г. В. Внешняя система языка и типы ее связи с внутренней структурой // Принципы описания языков мира.— М.: Наука, 1976.

Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи.— М.: Наука, 1976.

Теоретические проблемы социальной лингвистики.— М.: Наука, 1981.

Теория и история языкознания: Проблемы зарубежной социолингвистики // Реферативный сборник.— М.: АН СССР, 1976.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка.— М.: Наука, 1981.

Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— Разделы «Общие вопросы», «Язык и общество».

Философские основы зарубежных направлений в языкознании.— М.: Наука, 1977.

Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Составитель В. А. Звегинцев.— М., 1966.— Раздел IX («Социологическое направление»), раздел XI («К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о проблемах языка»).

Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику.— М.: Высшая школа, 1978.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы.— М.: Наука, 1976.

Энгельс и языкознание.— М.: Наука, 1972.

Язык и общество.— М.: Наука, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Социальная лингвистика и ее предмет	
Определение социальной лингвистики	10
Проблематика современной советской социальной лингвистики	16
Глава II. История советской социальной лингвистики	
Зарождение социологической лингвистики в советском языкознании (20—40-е годы)	20
Советская социальная лингвистика в 50—60-е годы (Уточнение и расширение предметной области социолингвистики)	25
Современный период советской социальной лингвистики (70—80-е годы)	31
Глава III. Синхронная социолингвистика	
Предмет и проблематика синхронной социолингвистики	42
Формы существования языка	
Общие принципы выделения форм существования языка	44
Литературный язык	48
Народно-разговорный язык	50
Койне	52
Просторечие	54
Язык-пиджин	58
Креольский язык	59
Территориальные диалекты	61
Социальные диалекты	66
Состояние языка	
Понятие «состояние языка» как социолингвистическая категория	74
Диглоссия	77
Языковая ситуация	
«Языковая ситуация» и ее компоненты	
Билингвизм и полилингвизм	82
Коммуникативная среда и социолингвистическая зона	85
Социальные условия, сферы и среды функционирования языка	87
Функциональная типология языков	91
Глава IV. Диахроническая социолингвистика	
Проблематика диахронической социолингвистики	97
Социолингвистический аспект проблемы происхождения языка	100
Социально-исторические типы языков	
Понятие о социально-историческом типе языка	103
Социально-исторический тип языка в эпоху первобытнообщинного строя	104
Социально-исторический тип языка в эпоху рабовладельческой формации	106
Социально-исторический тип языка в эпоху феодализма	107
	159

Социально-исторический тип языка в эпоху капитализма . . .	108
Язык в социалистическом обществе	110
История русского языка в социолингвистическом аспекте	112
Развитие русского языка в условиях научно-технического прогресса	120
Формирование научных терминосистем (Перерастание профессио- нальной лексики в научную терминологию)	127
Г л а в а V. Методы социолингвистических исследований	
Статус социолингвистики и природа ее методов	138
Методы и источники сбора материала	144
Методы социолингвистического анализа	150
<i>Рекомендуемая литература</i>	156

Василий Данилович Бондалетов

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Зав. редакцией *А. В. Прудникова*

Редактор *Г. В. Карлюк*

Младший редактор *Э. Д. Назарова*

Художник *И. С. Попов*

Художественный редактор *И. В. Короткова*

Технический редактор *Н. А. Битюкова*

Корректор *И. Н. Панкова*

ИБ № 10376

Сдано в набор 19.08.86. Подписано к печати 16.01.87. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. типограф. № 2. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 8,40 + 0,21 форз. Усл. кр.-отт. 9,14. Уч.-изд. л. 9,41 + 0,38 форз.
Тираж 13500 экз. Заказ № 3110. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Го-
сударственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзпо-
лиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц в областной типографии управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628,
г. Иваново, ул. Типографская, 6.

Исходный файл в формате pdf (300 dpi) взят
в открытых ресурсах интернета и
конвертирован **ewgeni23** в формат DjVu

(февраль 2011)

philbook@mail.ru